

ИРОНИЧЕСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ

М. УСПЕНСКИЙ
М. ШАЛАМОВ
Д. ТРУСКИНОВСКАЯ

М. УСПЕНСКИЙ
М. ШАЛАМОВ
Д. ТРУСКИНОВСКАЯ

ПРОНИЧЕСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ,

УСТАВ
СОКОЛИНОЙ
ОХОТЫ

■

СТРОГИЙ
ЗАЯЦ
ПРИ
ДОРОГЕ

■

БАЛЛАДА
ОБ
ИНДЮКЕ
И
ФАЗАНЕ

КИЕВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «РАДЯНСЬКИЙ ПИСЬМЕННИК»
ЖУРНАЛ «КИЇВ»
1990

ББК 84Р7 я 43
И 83

Нетрадиционные детективы.. Умение сказать о сложных, порою драматических событиях с иронией и улыбкой, умение давать трезвую, даже обличительную оценку жизненным обстоятельствам и видеть проблеск надежды в самых сложных условиях — отличительная черта произведений популярных советских писателей, объединенных в сборнике «Иронические детективы».

И 4702010201—001 без объявл.
М223(04)—90

© Творческое пропагандистское
объединение «Вариант», 1990
© Журнал «Київ», 1990

М. УСПЕНСКИЙ

УСТАВ СОКОЛИНОЙ ОХОТЫ

ГЛАВА I

Спасу от таракана не было нигде: ни в курной избе, ни в государевых верхних палатах; от веку суждено таракану состоять при русском человеке захребетником.

Иван (Данило) Полянский не из-за таракана был огорчен, но таракан ползанием своим и шевелением усугублял огорчение. Он полз и полз по столу, смело шагал всеми шестью лапами по секретным бумагам, заглядывал в чернильницы, пробовал на зубок сургуч с государевой печатью и, наконец, прибыл на сафьянный переплет Четы-Миней.

Иван (Данило) Полянский словно того и ждал: занес над сатанинским насекомым кулак, да и смахнул рукавом чернильницу прямо на писаное... Вот горе-то: перебелий теперь.

Может, не перебелиять? Может, и не было вовсе никакой бумаги? Не было, и все тут. Путь за море не близкий, могла и затеряться. Там ведь эти плавают, как их... флибустьеры.

Вредная бумага, огорчительная. Не любят таких здесь.

Иван (Данило) Полянский глянул в слюдяное окошко. И не высоко вроде, а кажется, что Уральский камень видно и далее до Байкала, где гнул и корежил воевода Пашков негнучего протопишку...

Из аглицкой столицы города Лондона пришло донесение от торгового человека Ивашки Ларионова. Ивашка в письмеше сообщал, что верный и проверенный человек в Лондоне погорел синим пламенем. А ведь десять лет жил, принят был в Думу ихнюю — парламент, все бумаги выправил, словечек аглицких нахватался гораздо. И вот поди ж ты — вылез с предложением сидеть в палате починам, как в Думе боярской. То ли умом решился, то ли затосковал по дому. Сразу взяли на примету, а тут еще лорды, обсуждая этот вопрос, по аглицкому обычаю снялись драться, и лорд Шефтсбери, он же сын боярский Чурмантеев, во время драчки стал всех навеличивать русскими непечатными титулами, и от этого вовсе был узан бывшим аглицким на Москве посланником... Словом, было от чего огорчаться Ивану (Даниле) Полянскому. Думать он думал, а чернильницу не поднимал: не было никакого сына боярского Чурмантеева. Да и торгового человека Ивашки. Мало ли что. Тем более, море. И эти... флибустьеры. Дело такое.

В дверь сунулись: дожидаются.

— Проси, проси соколов моих.

Соколов было целых два: Василий Мымрин и Авдей Петраго-Соловаго. Оба служили в приказе по третьему году, разумели грамоте и тайным приказным премудростям, немало повывели уже воровства и измены. Первый сокол, Василий Мымрин, был высок, тонкок, волосы на лице срамно убирал бритвой, а глаза у него от природы были мутного цвета, и были те глаза посажены близенько-близенько, и косили друг на друга зрачками, словно бы говоря: эх, кабы не переносье, слились бы мы, глазыньки мутные, в единый циклопов глаз, как в Омировом сочинении про хитромудрого Улисса. Петраго же Соловаго Авдей росту был невеликого, зато широк, и руки до полу, и ладони — что добрые сковороды, а личико его все как есть было покрыто рыжим пухом — волос не волос, шерсть не шерсть, глаз же имел густо-черный и пронзительный...

Вот они и пришли, два такие.

— Докладай, — велел Иван (Данило) Полянский.

— Третьего дни, — степенно начал Василий Мымрин, — на свадьбе в Ямской слободе у мещанина Абрама Преполовенского мещанин же Евтифей Бохолдин с чаркою сказал: «Был бы здоров государь-царь и великий князь Алексей Михайлович да я. Евтюшка, другой».

— И? — спросил Полянский.

— Отдан за приставы, — ответил Петраго-Соловаго и сам продолжал: — На той же мещанина Абрама Преполовенского свадьбе во время рукобития между стрельцом Андреем Шапошниковым да пушкарем Федькой Головачевым стрелец государевым именем пригрозил, а пушкарь казал ему кукиш и приговаривал: «Вот-де тебе и с государем!».

— Ну и свадьба! — подивился Иван (Данило). — И что же?

— Гости отданы за приставы, — сказал Василий Мымрин. — А когда за приставы брали, смоленский мещанин Ширшов кричал и врал: есть-де и на великого государя виселица...

— Нишкни! — испугался Иван (Данило). — Помягше излагай! У Ивана (Данилы) стало противно внутри сердца.

— А жених с невестой?

— Отданы за приставы, — сказал Авдей. — Невеста же приставам сказала: «Как я не вижу мужа моего перед собою, так бы де и государь не видел света сего...»

— Ох, — сказал Иван (Данило). — Да это не свадьба, а воровской стан прямо... А Ивана Щура там не было часом?

Соколы охотно засмеялись шутке начальника. Дело в том, что было принято все темные и запутанные дела сваливать на таинственного и большей частью вымышленного «вора, изменника», Ивана Щура, человека вовсе неуловимого.

Тут в дверь опять сунулись: идет!

Вошел в комнату глава Приказа тайных дел Алексей Михай-

лович Романов. В свободное от приказных работ время он управлял всея Великия, Малыя и Белья Русью в качестве государя-царя и великого князя.

...Во все времена все власть имущие чего-нибудь да боялись. А особенно те боялись, про которых историки потом писали: Святой, Незлобивый, Благословенный. И наверняка при таком правителе было перебито, перепытано и перепорото больше народу, чем при Грозных, Жестоких, Непреклонных.

Вот и Алексей Михайлович, царь Тишайший, крепко беспокоился за свою жизнь. Привелось ему во младости пережить и Медный бунт, и Соляной бунт, и несколько бунтов безмянных. От бунтов и прочего Алексей Михайлович стал бояться всего. Воров и шишей боялся, бояр и князей, ведунов и ворожей боялся. Не любил ходить по глиняной почве: ну как ведун вынет след и начнет на него ворожить, наводя порчу? Боялся неграмотных — вдруг шархнет чем по глупости, а пуще — грамотных опасался: изведут, ироды. Мир царя был полон злодеев, заговорщиков, ловчих ям и острых углов. Даже любимому кречету Мурату подолгу вглядывался в желтые глаза: не оборотень ли? По причине этого нечеловеческого страха и организовал Алексей Михайлович Приказ тайных дел и возглавил его.

...Государь велел дьяку и подьячим встать с колен и стал выслушивать отчет. Иван (Данило) Полянский начал с ужасной воровской свадебки в Ямской слободе. Государь охал, озирался, крестился мленько...

— А более ничего нет?

— Да и не знаю, государь, стоит ли сказывать...

— Сказывай, сказывай.

— Князя Одоевского человек Левка Сергеев, коновал, давал твоему дворовому человеку Ромашке Серебрянину сосать хмелевую шишку, завернув в плат...

— Ет-то зачем?

— Чтобы ему запретить от питья... Ведовство ли то?

Алексей Михайлович покривился и сплюнул.

— Эх, Иван, Иван, Данило, то есть. Может, еще хуже всякого злого ведовства и наговора. Ежели он сегодня одному от питья запретит, завтра другому, а там и пойдет — народишко пить перестанет! Кабаки закрывать прикажешь?

— Понял, государь! Польский заговор искать надо!

— Опять ты — дурак. Просто всякими сысками накрепко сыскать, тот плат с хмелем давал пить не для порчи ль? И судить как ведуна, понял?

Государь обвел палату кроткими глазками. Соколы его, Авдей да Василий, преданно таращились.

— Голубяточки, — ласково сказал государь. — Вы мне кого к паске представить обещались, изловивши? Запоматовали?

Мымрин и Авдей похолодели. Прошлой зимой, чтобы как-ни-

будь отбояриться от дел, они сказались изловить пресловутого своего Ивана Щура и на нем спросить все неспрошенные дела. Щура они никакого не ловили и надеялись, что государь даже имечко то забудет. Не забыл.

— По весне, государь, — начал врать Мымрин, — в городе Вышний Волочок нашли мертвый труп. И того Вышнего Волочка люди признали трупец тот за Ивана Щура, своими же шишами до смерти побитого...

— Э-эх, — со стоном сказал государь и больно ткнул Мымрина ладошкой в безволосое лицо. — Вышний Волочок... Брехал бы уж про Енисейский острог — чего там, Алексей Михайлович все стерпит... Да на Москве он, Иван-то Щур! На Москве! Письмецо поносное мне подметнул! Эх, вы-вы! Хлебоясты!

Иван (Данило) Полянский прятал в рукаве залитое чернилами письмо о лондонском деле, но руки у него от страха задрожали, и свисточек выпорхнул...

— Дай-ка сюда! — велел государь.

— Батюшка, перебелю сначала... — взмолился Полянский.

— Я и так прочту, — сказал Алексей Михайлович. — Да и вы, соколы, почитайте!

И он кинул в подчиненных подметное Ивана Щура письмецо.

— Вора, чаю, сыщете, — продолжал он. — А нет — и головенюк своих вам на себе не сыскать...

И вышел вон.

Дьяк и подьячие от страха изучили подметный документ.

Может быть, вы читали подлинный текст письма запорожцев турецкому султану. Так письмо Ивана Щура было ровно в два раза обиднее.

ГЛАВА 2

...Русь, Русь, неохватный простор между Востоком и Западом, простор страны, каждый житель которой полагался и себя полагал заведомо виновным в том, в чем станут виноватить.

Страх начинался в царских верхних палатах — самый сильный страх. Он хлестал, как фонтан, и, спускаясь ниже, все собою обволакивал, и это продолжалось так долго, что начинали бояться и самые храбрые, а потом и храбрых не стало — кто разучился, отвык, а кто от этой поганой волны бежал подальше — на Дон либо в Сибирь. И было спокойно, потому что страх был распределен поровну. Было так же спокойно, как если бы поровну был распределен хлеб...

Соколы Авдей и Василий были мрачны и лаялись промеж собою всю дорогу до дому. Они долго спорили, кто первый придумал все спирать на Ивана Щура; потом вспомнили, что придумал Иван (Данило), а спрос все равно с них, потому надо ловить Ивана

Щура или кого-нибудь вместо, а доказать, что он Щур, — дело ката Ефимки.

Подход к сыскному делу у соколов был **разный**.

— Я его не выходя из горницы словлю, — говорил Мымрин. — Я посижу, подумаю и расчислю, где он есть.

— А я просто по кабакам пройду, — говорил Авдей. — Раз мы его поймать не можем — стало, умной. А раз умной — стало, ищи его в кабаке. Только денег надо...

— То-то и оно, — вздохнул Мымрин. — Ефимков бы хорошо... С ефимками Иван Щур сам бы к нам прибежал и себя продал. Только вот скупенек наш **Аз Мыслете...**

Дорога шла мимо питейного заведения. Дверь отворилась, и наружу вышел вовсе голый (благо лето) человек при нательном кресте. Человека ждала жена, или кто там она ему, дала рядом — вернуться и повела по улице...

В заведениях соколов наших сильно уважали: летось они отдали за приставы кабацкого голову Ивана Шилова, как тот Иван Шилов, вышибая их из кабака, приговаривал: государево, мол, кабацкое дело. Соколы крикнули «слово и дело» и показали на бедного Шилова, что говорил он «государево дело — кабацкое», намекая на известную склонность Алексея Михайловича, или Аз Мыслете, как называли его промеж собою для краткости и секретности друзья.

Народишку в кружале было изрядно, да только для них-то всегда находилось местечко. Душно было. От стрелецкого напитка соколы успокоились, перестали вспоминать пережитое (Мымрин даже забыл, что ему было ткнуто в лицо царскою ладошкой) и, не торопясь, обстоятельно, стали обсуждать свою беду. Под конец первой четверти оба уразумели, что поймать вора им не под силу, а посему не следует и затевать ловить, а надо найти человека, подходящего под щуровские приметы: «ростом невелик, кренаст, глаза кары, волосы — голова руса, борода светло-руса, кругла, невелика; платье на нем: шубенка баранья нагольна, шапка овчинная, выбойчатая, штаны суконные, красные, сапоги телятненные, литовские, прямые, скобы серебряные...»

Серебряные скобы особенно смущали Петраго-Соловаго.

— Серебряны... — ворчал он, глядя на худые свои сапожишки. — Я тя, сукина, ката, за эти скобы... В геене сыщу!

— Тихо, Авдей, — уговаривал его Васька. — На что он нам? Нам бы похоженького найти, и ладушки...

— Не, найду. Подумай, эка птица — Иван Щур...

Какое-то мохнатое рыло, сидевшее рядом, вздрогнуло. Потом, и без того незнакомое, перекопилось до полной неузнаваемости и молвило:

— Ловил один такой.. Ловилку оторвали.

Василий собрался было по привычке объявить «слово и дело», Авдей пристроился (по привычке же) своротить болтуну все, что можно, на сторону, но что-то им помешало...

Приказная память соколов не дала охулки и на этот раз: перед ними был опальный Стрелецкого приказа подьячий Никифор Федорович Дурной. Именно ему, Никифору Федоровичу Дурному, три года назад был дан под охрану колодник из Дорогобужа Иван Щур. И велено было Дурному «того колодника держать скована в чепи, в железах, с великим бережением». Уж как его Дурной берег: надел на плечи ему особые железа, рекомые «стулом». Не побегаешь в таких-то! А все же тот колодник Ивашка Щур у него февраля 15 числа за три часа до света ушел с чепью и со «стулом». Следом за ним, понятное дело, ушел из подьячих и сам Никифор Дурной, изрядно битый за небрежение батогами. С тех пор числился он в гулящих, жил неведомо чем и неведомо где.

— Ну, здравствуй, Никифор Федорович, — ласково сказал Мымрин.

— Ты не вичь меня, добрый человек: злодей я хуже ката Ефимки. Изверг, строфокадил, камелеопард суть... Э, да ты не Васька ли Мымрин будешь?

— Для кого, может, и Васька, а для тебя — Василий Алмазович! — гордо отвечал Мымрин.

— Плесни стрелецкой, Василий Алмазович! — потрафил мымринской гордости горемыка Никифор.

— Будя с тебя, питух, самим, видишь, мало...

Это Авдей влез. Чего всяких поить!

— Иди, иди себе, — сказал Мымрин. — Мы люди государевы, нам с тобой сидеть невместно...

— Воля ваша, пойду. А ведь я его днями видел...

Авдей поймал Дурного за рубаху и силком усадил на старое место. Дурной увидел четыре горящих глаза и возгордился. Эх, одно-ва живем!

— Сухо в глотке что-то, — пожаловался он с намеком.

Было плеснуто ему, и не раз, и себе было плеснуто многожды, пока не узнали соколы всей правды про Ивана Щура.

— Он вор, изменник, шиш, прельщал меня: знаю-де, где на Москве беглым князем Курбским закопана великая казна... За половину просил отпустить. Я чепь и надпилил ему сдуру, а он меня той же чепью да по башке... Эх, сгорела жизнь, пропала! Ведите меня на спрос — искупиться желаю, пострадать! Слово и де...

Огромная Авдеева ладонь зажала все мохнатое рыло.

— Успеется на спрос, успеется, — сказал Мымрин. — Ты сказывай, где вора видел днями?

Соколы мигом протрезвели: во-первых, узрели в Никифоровом бедстве свое чаемое будущее, во-вторых, запахло деньгами немалыми...

— Вор три года с Москвы не сходит. И не уйдет, куда клад: не возьмет, а неведомо что ему мешает... Сила в нем нелюдская: чепи рвет, ровно куделечку. Боюсь я его, шиша... Истинный сатана: я за ем слезу, слезу... Он видит! Все видит, про все понимает. Я за

стрельцы кинусь — он смеяться ну... Хвать-мать — нету его. Третьеводни на улице встретил — говорит, разговор есть... Я бы сам в приказ сдался — Ефимки тоже боюсь...

В умной голове Мымрина созрел план. Все свои интересы наблюдают — Аз Мыслете спокоен, соколы богаты...

— Завтра я его встренуть должен в кружале на Арбате...

...Возвращались поздно. Мымрин поделился хитрым планом с Авдеем, Авдей одобрял.

— И, словом, клад возьмем, а потом самого Ивашку. Государь сказывал, живого или мертвого представить. Можно и мертвого. Мертвый, он про кладу не больно-то помнит...

— А Никишка Дурной? — затревожился Петраго-Срловаго.

— А ручки тебе на что господом дадены? — поинтересовался Мымрин.

ГЛАВА 3

Васька Мымрин с молодых ногтей был смышлен гораздо. То одно придумает, а то совсем другое что-нибудь. За смышленность его и переверстали из писарей в подьячие. Выдумал в те поры Васька тайное письмо: вроде и не писано ничего, а кому надо — прочтет. Вообще Васька непозволительно много думал. Ладно, что думал о государевом благе. А если бы о воровстве и смуте помышлял? Страшно представить, что натворил бы тот Васька Мымрин, будь он вором и шишом. Но вором и шишом он не стал, потому что его крепко пороли в детстве. А когда в детстве человека крепко порют, он неволею задумается: ежели меня за такую малость эдак взгрели, так что же за воровство и татьбу положено?

На государевой службе он всегда наотлику ходил, как великий мастер распознавать заговоры да наговоры. Честно говоря, кабы не Васька, государь не прожил бы и сутки: или сглазили бы Алексея Михайловича, или зарезали. Жила у князя Куракина во дворе слепая ворожея Фенька, жила и жила. Так Мымрин и тут смекнул, что к чему. «И не Фенька это вовсе, — шептал он Алексею Михайловичу. — Это она для отводу глаз выдумала: Фенька, мол. А на деле не иная кто...» Конец доноса скрывался в царском ушке. Предположительно это была покойная Марина Мнишек. От нее ничего хорошего, кроме порчи и сглазу, ожидать было нельзя. Потому и дворовые люди князя Куракина питаны были накрепко, и сам князь, и жена его, и волы его, и ослы его... За это дело приметили Ваську. А все оттого, что некогда велел князь Куракин гнать сопливого недоросля Васятку со двора взашей.

Не то Авдей. Авдей был силен. Ой, силен! Более нечего и сказать про Авдея. Так они и работали на пару: ум да сила.

...Ко кружалу подбирались в сумерках; с разных сторон. Стрельцов с собой не брали: каждому всего только по полклада достанется, да Авдей и так с десятью Щурами управится.

Целовальник мигнул: все, мол, в порядке, Никифор ждет Ивашку в особой горенке. Ждать было долго, взяли питья.

— Как войдем с двух сторон, — учил Васька, — так ты их обоих в ручки прими и лбами стукни до смерти!

— Ну, — не поверил Авдей. — Как же он, вор, нам клад объявит, покойный-то?

— То моя забота, — засмеялся Мымрин. — Мы все доподлинно узнаем.

Помолчали. Целовальник взял четверть и трижды звякнул об нее ковшиком. Это означало, что Щур появился.

Петраго-Соловаго рванулся было править государеву службу, но Васька одернул его.

— Сиди! — зашипел он. — Пушай наговорятся!

И снова успокоил напарника напитком. Так они ждали, ждали да и запели свою любимую песню, которую сами про себя же и сложили:

То не два сокола на дубу встрепенулися:
Два добра молодца изменушку почуяли.
Они по градам, по весям похаживают,
Воровство да смуту вываживают.
Ой, не скроешься, изменушка черная,
Ни в чистом поле, ни в густом бору:
Зачнут тебя соколы щипать-когтить,
К Ефимушке-кату повелят иттить.
Возьмет кат Ефимушка ременчат кнут,
Ан, глядишь, вот и вся правда тут!
Станет государь соколов ласкать-целовать,
Ласкать-целовать, приговаривать:
«Уж вы, соколы мои, птицы ясные,
Высоко вы, соколы, летали, много видели.
Велю вам, соколам, по кафтану дать.
По кафтану дать, деньгами одарять».

За пением и не заметили, что целовальник трижды чхнул условным чихом. Целовальник чхал-чхал, подскочил к соколам, и, уже не в силах чхать натурально, сказал словами:

— Чхи! Чхи! Чхи!

Соколы снялись и полетели в тайную горенку: один по лестнице, другой черным ходом.

Авдей ворвался первым, изготовился имать и хватать, но хитрый Щур, видно, бросился ему в ноги и уронил, задув при том, свечи, а сам бегал поблизости, увертываясь от Мымрина. Авдей ухватил Щура за ноги, стал вязать их узлом. От боли Щур заорал голосом Василия Мымрина.

Прибегал целовальник, зажигал свечи. На полу лежали трое: Авдей, Васька и покойный — по ножу в груди видно — Никифор

Дурной. Об него, мертвенького, запнулся Авдей. С горя Авдей стал тихонько биться головой об косяк. Мыррин же не слишком горевал, даже продолжал мурлыкать песню про соколов. Потом, наказав ценовальнику молчать, велел унести труп с глаз долой: на гулящем сиросу не производили за недосугом*.

— Ни Ивашки нету, — сказал Авдей, — ни клад не узнали.

Он долго и пристально вглядывался в мелкие глазки неизвестно чему радовавшегося Мыррина, а потом с криком: «У-у-умной!» — кинулся душить сослуживца.

— Господь с тобой, Авдюша, — причитывал Мыррин, бегая кругом стола.— Да когда я тебя, Авдюшу, обманывал? Да я даже рад, что он ушел, — меньше шуму (они пошли уже на девятый круг). Славно-то как, Авдюша: Никишку вор сам зарезал, нас облегчил... (Тут ворот мырринского кафтана, ухваченный Авдеем, громко затрещал и оторвался). А про казну мы сейчас все узнаем, разговор их у меня весь как на духу имеется...

Авдей осадил.

— Я, Авдюша, все продумал! — гордо сказал Мыррин и полез под кровать. Из-под кровати он достал дурачка ведомого — Фетку Кильдеева.

— Вот! — похвастался дурачком Васька. — Я его о прошлом месяце нашел. Хоть он и вне ума, Фетка, однако, при нем сказанное, накрепко помнит. Я это давно придумал: запоминалу сажать, чтобы, не соображая, запоминал дословно...

— Эка! — только и сказал Авдей.

Между тем Василий Мыррин покормил Фетку пряником из кармана и шелкнул в середину лба. Авдею послышалось, что у дурачка внутри что-то лязгнуло и зашуршало. Перекрестился. — ...что же ты хропоидолица ни подмести ни сготовить вовремя ой да за что а чтобы ставила пироги косые да пироги длинные да с вязигою и с маком а мучица дорога здравствуй батюшка мой афанасий семеныч здорово шпынь давай поесть да выпить и дарьцу присылай здравствуй красавица...

Дальше Фетка понес всякое, отчего Авдей покраснелся.

— Ничего не поделаешь, — вздохнул Васька.— Целый день тут сидит, пока все не выговорит, до дела не дойдет.

— ...а и сами вы бесстыжие, — продолжал Фетка ровным голосом, — ой не пущу дверь сломаю кто с тобой там афонька небось хряськ уходи змеица здравствуй митрий ну ее к ляду...

Фетка замолк. Мыррин нашел в кармане еще пряник и угостил запоминалу. До утра пряников извели фунта четыре.

— ...проходи Никишка тут и жди здравствуй иван здравствуй Никифор а кто это суршит под кроватью не мышь ли нет не мышь это вот кто надергай-ка ваты из одеяла...

И снова Фетка замолк. Пряники он ел, а говорить больше

* Т. е. не заводили уголовного дела.

ничего не хотел. Василий тряс Фетку, лил в него напитки, крутил дурачку нос и уши — Фетка молчал. Мыррин стал его осматривать и понял, в чем дело: дошлый в воровских делах Иван Щур нашел дурака и заткнул ему уши ватой.

— Да, много запомнило твое запоминало! — грозно подытожил Авдей и снова с криком: «У-у-умной!» бросился на Ваську. Тот изловчился, прыгнул в дверь, по столам и лавкам выскочил из кружала и побежал по улице в сторону торговых рядов. За ним, выставив руки на сажень вперед, мчался неутомимый Авдей. Длинными руками Авдей успевал подбирать с дороги посторонние предметы: камни, палки, половые — и все метал в напарника. При этом он не забывал кричать велегласно: «У-у-умной!». Москвичи сидели по домам за воротами и не высывались посмотреть, кто это там такой умный объявился на ночь глядя. Хожалые, чье дело было блюсти порядок в стольном граде, шарахались от бегущих. Брехали собаки. Мыррин был бледен и на бегу сбрасывал с себя мешающее движение. Авдей наливался кровью. Хожалые говорили потом, что было видение: по ночной Москве бежал Лжедмитрий Первый, а за ним Лжедмитрий Второй с кирпичом, на ходу оспаривали друг у друга права на российский престол, а потому надо ждать новой смуты и польской интриги. За такие разговоры хожалые насиделись за приставами.

Соколы бежали до окраинных слобод и только уже у самых рогаток опомнились: один от страха, другой от гнева. Потому отвечать перед государем надо было вместе. И пошли назад.

— Ништо, — успокаивал себя Мыррин. — Все одно словим!

— Головушка моя горькая, — стонал Петраго-Соловаго. — Связался я с тобой, зломыслом...

— Господь с ним, с кладом. Подставного Щура представим...

Мыррин не унывал. Срок, данный государем, был доволен. Много чего можно было придумать. Из Москвы вор не уйдет. А на худой конец объявить большой сыск...

Так и шли, каждый о своем думал.

— Васенька, — спросил Авдей. — А что, на литовской границе заставы крепки ли?

ГЛАВА 4

Потрепало соколам крылышки. Задумались о соколиной своей судьбе. Шли молча, только время от времени Петраго-Соловаго вопрошал: «А может, до крымцев?» или «А может, до запорожцев?» — чем очень раздражал Ваську. Васька же прикидывал то так, то эдак, и все выходило драным наверх: и гнев царский, и потаенная казна... То ли правильного Щура ловить, то ли подставного представить, то ли пусть так получится?

Светало. Васька подбирал с улицы все с себя снятое во время

погони. Ничего не пропало, благо, разогнали самых отчаянных шешей, бегаючи. «Агарянин», — ругался Мымрин, подняв кафтан без ворота. «Ладно тебе», — ворчал Авдей.

Васька полез от голода в карман — может, пряник остался, но пряника не было, наоборот...

— Штой-то? — ужаснулся он вынутому.

То был небольшой сверточек бумаги.

— Нам пишут... — неопределенно сказал Авдей.

Перекрестив сверточек от порчи и дьявола, Васька развернул его и стал читать:

— «Коблам легавым Авдюшке да Васке и с государем ихним Олешкой бляжьим сыном...»

Сильный удар поверг чтеца во прах.

— Не лай государя, — строго сказал Авдей. — Херь, где матерно.

— Ага, — согласился Васька, лаская убитую щеку. — Тогда и читать нечего будет... Глянь-ко сам!

Соколы стали внимательно изучать охальное Щурово писание, Васька иногда не выдерживал и начинал хихикать, но, встретив недоуменный и честный взор Авдея, прекращал.

Конец письма был ужасен. Соколы поняли, что залетели в самые что ни есть верхи. В последних строках своего письма Иван Щур объявил себя сыном невинно замученного царевича Дмитрия Иоанновича (Григорий Отрепьев тож) и грозил своим неудачливым преследователям всякими телесными мучениями, буде взойдет на трон. А вместо плана, где казна закопана, Щур нарисовал такое, что и сказать страшно: двоеглавый орел, а у того орла... Короче, слово и дело!!!

Соколы кричать почему-то не стали. Кричи не кричи: коли «ворызменик» послал списочек с письма во дворец, можна прямо отсюда отправляться в гости к кату Ефимке, привязываться к дыбе и начать подтягиваться. А то можно и прямо на Козье болото идти, на плаху, только самому себе голову рубить несподручно: замах не тот...

На улицах стал появляться народ. Кто шел по торговому делу, кто по воинскому, кто по домашнему. Только соколы наши стояли посреде улицы дураки дураками и вертели страшную бумажку.

Бумажку следовало бы сжечь. Но в те поры не так-то просто было учинить такое. Кремень и кресало соколы с собой не носили — государь накрепко заказал курить табак. Открытого огня на улицах и в лавках не держали: и так первопрестольная горит каждый год, да через год. В чужой дом не зайдешь — как, да кто, да почему, да какая такая грамотка? При себе бумагу держать тоже страшно: мало ли что. Даже кабы и добыли бы огня, нельзя на улице: лето жаркое, и баловников с огнем крепко бьют, иных — насмерть.

Пока в мутных от ужаса глазах Авдея металась одна как есть мыслишка: «Огоньку бы», Василий перебрал в уме все. Поганая грамотка хоть руки и жгла, а все же не горела сама собою. Соко-

лы трепетали. Мальчишки стали казать на них перстами, особо смеясь над кафтаном без ворота. От этого смеха делалось еще страшнее, и ноги не ходили.

Кто-то тронул Мымрина за плечо. Оба сокола вздрогнули. Но зря: это был всего-навсего безместный поп Моисеище. В одной руке он держал просвирку, другой искал в бороде всякое. Поп Моисеище был здоров.

— А вот кому молебен отслужить? — предложил он нехитрое свое ремесло. — А то закушу, — и угрожающе поднес к устам булочку.

Тут Мымрина осенило свыше. Душа его обратилась ко вседержителю. Тем временем Авдей, забыв о неприятностях, стал ругаться с попом Моисеищем, начали они было засучивать рукава, но Мымрин ухватил напарника и повлек за собой.

— Подожди малость, — отмахивался Авдей. — Я его щас... На раз...

Но Мымрин не пускал. Они снова бежали по улице, а вслед им свистел безместный поп Моисеище — гулена и баловник.

Наконец Авдей понял, что притащили его к маленькой деревянной церковке Фрола и Лавра на костях. Народишко собирался к заутрене. Васька держал проклятую грамоту над головой, от страха, видать. Грешным делом, подумал Авдей, что хочет его дружок объявить грамотку народу и сделать на Москве сполох, чтобы сбежать под шумок в шиши и воры. Но пред святыне иконы Васька успокоился, спрятал бумагу и купил копеечную свечку. «Ой, нет, не замолить нам грехов наших», — скорбел Авдей. Хладнокровный же Мымрин зажег свою свечку от горящей и вышел с Авдеем в притвор, где и пристроился в уголку жечь грамотку.

— Ет-та вы что, висельники, чините? — бабка какая-то спросила.

Хладнокровный Мымрин выронил и грамотку и свечку, уставился на бабку, но бабка кричала уже совсем другое:

— Пожа-а-а-а-ар!..

Соколов вынесло из церкви, даже крылышек не успели опалить. В церкви бросились гасить, было не до поджигателей, а бдительную бабку стоптали в толчее. Забили колокола в Китай-городе, откликнулся Спасский набат... Начинаясь обычный московский пожар, дело страшное, розорительное, но привычное. Жители окраин и слобод спорили на деньги, что и где сгорит. Бежали с баграми и ведрами служилые люди и охотники (в том числе и до чужого добра). И уже загудел над столицей неведомо откуда взявшийся ветер, и полетели искры, и пошло, и пошло...

Поджигатели бегали из улицы в улицу, петляли по переулочкам, шарахались от стрельцов и ничегошеньки уже не соображали. Никто их не ловил, а они бегали да бегали, усиливая своей беготней беспорядки.

В конце концов добегались до того, что огонь был уже и спереди, и сзади, и со всех сторон. Авдей запоздало рухнул на колени:

— Покарал господь! Покарал! Живьем в геену ввержены! За умствования, за гордыню! За доносы, за ябеды! За службу льстивую, нерадивую! Господи, помилуй! В монастырь уйду!

Авдей вообще был крепок в вере. Но Василий Мымырин тут, по своему обычаю, не к месту расхохотался.

— Авдей, держись бодрей! — сказал он. — Грамотка-то все сгорела! Да теперь государю до Ивашки ли Щура будет? Эвон, ко Кремлю полымя тянет... Хорошо горит! Ты чего, Авдей? Дом твой, что ли, сгорит? Семейка у тебя, что ли? Не допустит господь нашей гибели! Скорее сам Ивашка Щур погорит, — мысль Мымырина полетела дальше. — Обгорелого представим — вот тебе и Щур... Они все черненькие...

Авдей собрался было по привычке шарахнуть Ваську по загривку: «У-у-умной!», но тут сообразил, что, может быть, и вправду все обошлось ко благу. А сообразив, схватил лезвием друга Васеньку в охапку и пустился в пляс. Васенька длинными полами кафтана взметал искры. Огонь не трогал соколов. Васенька пошел вприсядку. Авдей гулко хлопал громадными ладонями...

...По пожаре сказывали: видели-де верные люди, как у Покрова во пламени, яко в печи огненной или геене, плясали беси; а тех бесей юродивый Кирилушко опознал: один бес был худ и высок, другой коренаст и рукаст. Стали доподлинно известны даже имена слуг диаволовых: Асмодей и Сатанаил.

ГЛАВА 5

Алексей Михайлович просыпался так: сперва выпрастывал из-под одеяла один глаз, осматривал спальню на предмет злых умыслений и ведовства, а потом уже вылазил весь. Ему ведь тоже нелегко жилось, Алексею-то Михайловичу. То то, то другое. Турки, шведы, ляхи. Казаки, крымцы, хохлы. Ногайцы, башкиры, кизилбаши. А царь один!

Другое еще мучило. Рюрикович-то он был Рюрикович *, спору нет, а государь-царь только во втором колене. Рюрик вон сколько народу наплодил, если каждый за царские бармы хвататься будет... Студно, зябко, ненадежно.

Напрасно Аз Мыслете обращался к расхожей мудрости священного писания: «Нет власти, аще не от бога». Государю нужны были гарантии. Вот ежели бы господь наш в неизреченной мудрости своей взял Алешу Романова, посадил к себе на просторную ладошку и показал сверху назначаемое... «Видишь, Алеша, во-он там бегают такие бородатенькие? Се русские. Владай ими и помыкай!»

И владать владал, и помыкать помыкал, а покою душе не бы-

* По официальной версии.

ло. Хорошо бы проснуться однажды, а вместо русских — одни шведы, голландцы или иные немцы. Чистенькие, работающие, душа радуется. Или нет. Чтобы чистенькие и работающие, яко немцы, но чтобы можно их было ставить в батоги, пороть, рвать ноздри, яко же и русским. Цены бы такому народу не было! Однако владей, чем бог послал. Ну, народ! Всякий час норовят в грех вести. Лекарь Блюментрост долголетия не сулит. Федька с Иваном квелые... Только на младенца Петра и надежды: ручки длинные, цепкие, злые. Погодите уж, он-то переверстает вас в немцы!

Все чаще о душе думается. Раньше Никона страшился, мнилось: Никон каждый день да через день со господом и угодниками общается. Потом понял — слаб Никон ко греху, тлен, прах, персть земная... Все кругом перед господом загадилось выше ушей... Даже любимый юродивый Кирилушко свят-свят, а и то, сказывали, любит жуколиц мучить — рвать усы и ноги.

Любимая тайная игрушка у царя была — ад. Специально изготовили российские изографы и механики. И ярко, и шевелится. Вот Велиал тычет вилами турецкого Магмета. Вот тянут за ноги, мысля разорвать пополам, Иеремию Вишневецкого. Вот змий терзает крымского хана за неподобное место. Вот прихлебывает из кружки кипящую смолу бывший посольский подьячий Гришка Котошихин, вор и переметчик. А вот и геена огненная: скалится себе. Во чрево геене можно засунуть писаную на вошеной бумаге парсуну очередного врага, взять лучиночку, запалить и радоваться, как его там, в геене, корезить будет.

Ясно, что грех, да уж больно утешно!

Только в это утро государь проснулся от пожарного набата. А так как всю систему пожарной сигнализации колоколами он разработал сам, то сразу сообразил, что пожар немалый...

«...Буде загорится в Кремле городе, в котором месте нибудь, и в тою пору бить во все три набата в оба края поскорю. А буде загорится в Китае, в котором месте нибудь, и в тою пору бить (оба края полехче) один край скоро же. А буде загорится в Белом городе от Тверских ворот по правой стороне где-нибудь до Москвы реки, и в тою пору бить в Спасской же набат в оба ж края по-тише...»

Пожарный стрелецкий наряд приехал на головешки, пожар ушел дальше, бросились вдогон.

...Тем часом суконцы наши соколы таились в старой полуразваленной клетки на задворках приказного дворца. Столица отпылала. В клетки горел светец. По черным стенкам металась тени, напоминая опять-таки бесов.

Авдей притащил с пожарища целую кучу людских мослов и черепов, тряпок горелых и прочего. Из всего этого хозяйства он пытался составить убедительные останки Ивана Шура, причем особенно надеялся на подошвы сапог с серебряными подковками. Подковки были куплены за свои деньги.

Василий же Мыррин, высунув от усердия язык, писал отчет о проделанной работе. Решено было обставить все так, будто бы Иван Щур по пьяному делу угорел дымом и погиб. Наконец Мыррин с удовольствием вывел на листе: «Что, по твоему, великого государя, указу задано нам, холопам твоим, учинить, и то, государь, учинено ж», посыпал песком и стяхнул.

— Ну как? — спросил Авдей про свое рукоделье.

Васька кивнул одобрительно. Авдей сгреб поддельного Ивана в мешок. Мыррин велел мазать рожу сажей, и сам того же сделать не оставил — де мы, соколы, тоже пострадали от огня, и кафтаны попалили лучинкою, чтобы совсем похоже стало. Теперь можно было идти в приказ с относительно чистыми глазами.

Иван (Данило) Полянский, дьяк «в государевом имени», сидел за столом и горевал снова над некой заморской бумагой. Писали из французской страны, из стольного града Парижа, из самих луврских палат. Полюбовница тамошнего короля Людовикуса Четырнадцатого, мадам де Монпасье, она же гулящая девка Лушка Щенятева, из фавора у Людовикуса вышла, потому как вздумала поправить свои денежные дела, выходя по старой привычке с бирюзовым колечком во рту и с рогожкой на Нельский мост, а ныне та мадам де Лушка отправлена Людовикусом в монастырь навечно...

Не успел дьяк оправдаться за лондонскую великую конфузию, как новая напасть...

Влетели соколы — запыхавшиеся, закопченные.

— Ну? — спросил Иван (Данило).

— Вот! — сказал Авдей и тряхнул мешком. Загремело.

— Пошто маленький? — удивился дьяк.

— Обгорел малость, от огня и дыма скукожился! — радостно сказал Мыррин. — Окажи!

Авдей высыпал свое художество на пол, прямо на персидский ковер. Дьяк заплевался, замахал руками и велел спрятать Ивана Щура обратно в мешок. Авдей тыкал ему в нос обгорелой подошвой с серебряными подковками.

— Верю, верю, — сказал дьяк. — Молодцы.

— Мы его живым хотели, — сказал Мыррин. — Да стена рухнула.

Полянский был умен. Дуракам в Тайных дел приказе нечего тайно делать. Он понимал, что это никакой не Иван Щур, а так, чужие кости. Но делал вид, что верит, и соколы делали вид, что они и вправду соколы, в огне не горят и в воде не тонут...

— Что, Ивашка, набегался? — глумливо обратился к мешку Мыррин. — Будешь еще государю охальные письма подметывать?

— Да, — согласился дьяк. — Теперь много не напишет. Надо государю доложить да похоронить бесчестно...

Алексей Михайлович, вопреки Блюментросту, долго жить будет: легок на помине. Дьяк и подьячие рухнули на колени.

— Здравствуй на многие лета, государь-царь и великий князь!—
сказал дьяк.

— Здравствуй, Иванушко (Данилушко), — очень ласково ска-
зал Аз Мыслете. — И вы здравствуйте, соколы мои зоркие, Васень-
ка и Авдейка... Что это вы копченые такие? Не Ваньку ли Щура
ловили?

— Точно так, государь: изловили и представили! — ликовал
дьяк. Он сделал Авдею знак, и тот снова высыпал Ивана Щура пред
царские очи.

— А что же, вживе не смогли? — продолжал промеж тем царь.

— Стена рухнула, — сказал Васька.— Только по подковкам и
опознали: они у вора серебряные...

— Серебряные...— повторил государь-царь. — Золотые вы мои,
адамантовые! Государству радетели! Упасли, уберегли! А как же он
обгорелую ручкою своей еще письмоцо мне написал? А?

Соколы привычно затрепетали. Дьявольские бумажки, видно,
и в огне не горят!

— Сами в Сибирь пойдете или как? — поинтересовался царь.

— Последнее письмо-то! Истинный бог! — закричал дьяк, пы-
таясь спасти положение. — Больше не напишет!

Государь вроде успокоился.

— А и вправду, — сказал он. — Не напишет ведь...

Соколы оклемались от страха.

— Что, Ивашка, отписал свое? — снова начал шутить над кос-
тями Мымрин.

Государь шутку любил. Посмеялся даже маленько.

— Отписал, — сказал государь. — Будя...

Соколы приготовились к наградам.

Тем часом улыбка с царского личика пропала, как не была.

— Прислал мне вор в письме копеечку денег и приписывал при
этом: на погорелое-де, — прошипел Алексей Михайлович. — Что же
он про пожар загода узнал, что ли? Государю лгать! Помазаннику!
А воры тем часом у меня за спиной с кистенями стоят! Вон, третье-
водни портновский мастер Ивашка Степанов опасень мой приме-
рял! Скоро порты последние стянут! Собирайся-ко, Иван (Данило),
в монастырь бессрочно! А этих плетить и в Сибирь на солеварни!

Дьяк Полянский так поглядел на соколов, что им враз стало
ясно: ни до какой Сибири они и не дойдут даже... Государь топал
толстыми от водянки ногами, плевался, топтал ложные кости, бил со-
колов пресловутыми подошвами по щекам. От ударов царя Тишай-
шего Мымрин пришел в ум и сразу составил план. Пав на ковер, он
стал кататься и валяться в ногах Алексея Михайловича.

— Не вели казнить, государь, вели говорить! Отец родной! О
твоем государевом достатке пеклись! Казне твоей прибытки наме-
тили!

Услыхав про казну, государь перестал драться и прислушался.

— Вор на Москве ищет клад князя Курбского, утеклца за гра-

ницу! — торопился спастись Мымрин. — Вору место клада доподлинно ясно, мы его выслеживали, до срока иметь не хотели, думали разом с кладом на твой, государь, именины представить.

— Стой, — сказал государь. — А почто не выдали его в Стрелецкий приказ? Ефимка спросил бы на нем про клад...

— Что ты, государь! А ну как ворина уперся бы и не сказал?

Алексей Михайлович хмыкнул.

— Складно. А велик ли клад?

Мымрин напрягся и подсчитал.

— Куда как велик, государь! Вторую Москву можно построить! Даже две!

Такие богатства понравились Романову. Они были кстати.

— Ну что ж, — сказал он. — Это надо, это хорошо...—Потом снова налился кровью и спросил криком: — А почто костей натаскали? Опять лгать?

— Хотели мы, государь, тебе это сделать... как его...

— Сюрприз, — подсказал Полянский, знавший иностранное слово.

— Виноваты, государь! — завыл Авдей. — Не губи!

Царь столь же быстро остыл.

— Срамцы, — сказал он. — Хоть бы кости одинакие подобрали. Словом, так: Ванька (Данилка), головой ответишь! Месяц вам сроку даю! Чтобы и клад и вора представили!

— Да мы бы и нынче представили, кабы не пожар!

— Да, — вспомнил царь. — Узнать, заодно, отчего горело.

— Будет учинено, — обещал дьяк.

— Отправить человека с посольством Мясева в Стекольну...

— Будет учинено.

— Отписать на государево имя вотчину Петра Жадовского, что в Дмитровском уезде, буде упрется — принудить...

— Будет учинено.

— Подьячих Ваську Мымрина да Авдейку Петраго-Соловаго за ложный обман и нерадивость плетить, на розыск же вора и клада выдать им, Ваське и Авдейке, полста рублей денег.

— И то будет учинено, государь, — злорадно и в то же время с завистью сказал дьяк, и соколы поняли: плетить будут как надо!

Все распоряжения по Приказу тайных дел отдавались устно.

ГЛАВА 6

Город Москва — большой город, от этого в нем много народу. Так этого народу много, что немудрено затеряться человечешке и пропасть на вечные века. И никто не спросит, кто таков был — Фома либо Ерема.

Но вот появились на Москве двое, что смутили покой и торговых людей, и лиходеев.

Приехали, сказывают, с Тобола-реки, продали, сказывают, беззаконно сто возов мягкой рухляди, денег имеют бессчетно и за все платят любекскими ефимками без государевой печати, и таможенные головы их не трогают, потому подкуплены, и те двое собираются купить каменный дом и лавку и учать торговлю скобяным товаром, а пока ходят и прицениваются, а у каждого пудовая зепь ефимков под кафтаном...

Московские шиши-де пробовали всяко до тех ефимков добраться, да без пользы. Те же торговые люди, братья Хитрованы, Нил и Мина, ходят в больших бородах, на глазах же имеют заморские зеленые стекла, чтобы смотреть хозяйским глазом, нельзя ли произвести какого-нибудь обману, часто сидят в кружалах и со срамными девками веселятся гораздо. Неделя как появились, а уж прогремели на весь город превеликим богатством и кабацкими бесчинствами, а, будучи за бесчинства уводимы стрельцами, всякий раз возвращались для себя безвредно и бесчинствовали пуще. Умные знающие люди сказывали, что то не купцы, а ведомые воры Ивашка и Федька, братья Шуры; кто говорил, что не братья Шуры, но беси-поджигатели, поскольку объявились сразу после пожара, и деньги их сатанинские, и что беси те хотят за серебрецо свое сатанинское скупить всех московских жителей души, вкупе с государем и патриархом, за и запалить столицу снова, на этот раз целиком и до основания. Гулящая Дарьца-Егоза клялась и божилась, что Мина Хитрованы весь покрыт шерстью и иногда пахнет серой, а у Нила Хитрованы на груди висит знак турецкого Магмета — месячный серп и звезда. Тогда же стали приговаривать, что в вышнем доме народился Антихрист, а как народился, сразу прочитал «Верую» наыворот, и когда войдет Антихрист в силу, всех обратит в свою заморскую ересь, сиречь лютеранство, зачет строить на гнилой болотине град, будет ту болотину мостить и гатить мужиками и заместо свай забивать мужиков же. А купцы Хитрованы того Антихриста как бы предтечи, вроде Крестителя, только наоборот.

Главным доказательством нелюдской сущности братьев являлось количество поглощаемых ими напитков, которые, как видно, лились через их глотки да прямо в геену, где огонь не угасает.

...Но сегодня стрелецкий напиток, видно, достал-таки братьев богатыньких: Мина то и дело долбил стол носом, а Нил кричал петухом и грозил устроить новое Смутное время.

— И смущу! — кричал он. — И смущу! И Яна-Казимира посажу!

Когда Нил кричал такие прелестные речи, гунка и теребень кабацкая затыкала уши, чтобы не попасть на спрос. Одна только Дарьца-Егоза не теряла присутствия духа и знай подливала ухажерам своим. Гунка и теребень кабацкая видела, как Дарьца доставала из-за пазухи склянку и сыпала в вино муку не муку, только вино шипело и булькало, но братьям и это было нипочем: поливали пуще прежнего, кидали деньги песельникам и гудошникам.

Наконец торговые люди угомонились пить и гулять и собрались

на покой. Дарьца увела их в дальние комнаты и уложила, как дурюжку, в уголок.

В питейное же помещение тем временем проскользнул невысокий молодец в красных сапожках, ладный лицом и статью.

— Все, — сказала ему Дарьца. — Уже можно.

Молодец ухмыльнулся и последовал за ней.

— Как войдешь — в углу, — учила Дарьца. — Пьяне вина оба.

Молодец прошел в комнату и задул светец. Потом вытащил гирьку на цепочке и примерился...

...Очнулся молодец, спутанный ремнями по рукам и ногам. Братья Хитровановы тем временем отрывали свои жаркие бороды, снимали с глаз зеленые стекла, вытаскивали подушки, что носили для толщины, а еще вынимали из-за кафтанов большие кожаные фляги, в кои сливали якобы выпитое.

Молодец скрипнул зубами.

— Поскрипи, поскрипи, — сказал высокий купец. — Так ли еще на дыбе косточки скрипеть будут?

Молодец стал лаять своих пленителей. Тогда маленький, Мина Хитрованов, поинчал его малость и заставил замолчать.

— Что, Ивашка, охота на дыбу?

Достигли-таки своего соколы-то наши! Выискали они след Ивана Щура и прикинулись богатыми да беспечными купчишками. Правда, на это ушли все деньги, выданные государем. Зато битые спины уже начали подживать.

— Ваша взяла, — сказал наконец Иван.

— Знамо дело, не твоя, — ответил Мымрин. — Мы — люди государевы, а ты кто? Шиш, висельник...

— Отпустите — заплачу, сколько скажете. Жалованье-то, поди, не ахти какое?

— Эх, Иван, это ты Никишке Дурному, покойнику, рассказывай про клады, а нам нечего. Вот сдадим тебя сейчас кату Ефимке — и прости-прощай. Многонько ты нам кровушки попортил, ворина.

Иван Щур тоже припомнил кое-что и засмеялся.

— Клад-то лежит, — сказал он. — Только вам его без меня не взять...

— Эва, — сказал Мымрин. — А что же ты сам его не взял? Ведь сколько по Москве ошиваешься?

— Клад заговоренный...

— Разговорим, — пообещал Василий. — И тебя, вора, разговорим. Мы ведь тебя Ефимке сдавать не будем, мы хуже всякого Ефимки спросим, правда, Авдей?

— Ясно, — сказал Авдей. — Что Ефимка? Кат и кат. А вот мы...

Авдей оглядел комнату: что бы показать вору? Потом взял и руками своими огромными разломал стол на куски. Словно пряник.

— Тебе бы не в ярыгах ходить, — сказал Щур с уважением. — Тебе бы на дорожку прямоезжую, купца проверять...

— Слушай, вор, — сказал Мымрин. — Нынче же при нас клад от-

кроешь — и ступай на все четыре стороны. А нет — по жилочкам растаскаем!

— Растаскаем, растаскаем,—подтвердил Авдей.

— Не ухватишь клад-то,—сказал Щур с огорчением.— Больно давно зарыт. Ране там пустырь был, а теперь...

— Что теперь?

— Вот придем, увидите, что. Одному никак не справиться.

Василий Мымрин взял нож и перерезал вору ремни на ногах. Черным ходом все вышли на улицу. Какое уже утро соколам приходилось встречать при исполнении служебных обязанностей!

Но сегодня все должно было кончиться. «Вор-ызменник», писатель подметных писем шел грустный, все глядел по сторонам — не подойдет ли какая помощь. Помощи не было.

— Вот, усадьбу видите? — спросил Иван Щур и показал головой — где.

Тут за спиной послышалось:

— Здравствуй, Васенька!

Мымрин обернулся. Сзади подходили трое из Посольского приказа во главе с Мясевым-младшим.

— И ты, Авдюша, здорово! — сказали из-за угла. Оттуда вышли еще четверо, молодые да ражие.

Дело в том, что между Приказом тайных дел и Посольским приказом имелась давняя вражда. Когда какое-нибудь посольство отправлялось в Туретчину, или в Свейскую землю, или к иным немцам, к нему всегда приставлялся тайноделоприказчик для присмотру. Приставленный должен был следить, чтобы послы не творили тайных сговоров, не бесчестили государя, не тратили зря денег и не шлялись по заморским кабакам, не прельщались ересью, не принимали тамошних повадок и не пытались, не дай бог, бежать. Главы приказов, дьяки, тоже были между собой на ножах, что и говорить про молодежь. Вот и сейчас молодые посольские люди шли из кружала и очень им было охота переведаться с вековыми врагами.

— Давно тебя, Вася, не видно,—говорил меж тем Мясев-младший.—И где это, думаю, Вася, скучно без него...

Остальные окружали. Авдей держал пленника за ремешок и беспомощно озирался.

— Отыди,—сказал Мымрин.—По государеву делу идем.

— Знаем ваши дела,—сказал Мясев.—И Авдей, чугунная голова, тут? Мало прошлый год в Язуе поплавал? Может, еще испкупать? А то, поди, с того разу и не мылся?

Посольские подьячие очень обидно засмеялись. Но Мымрин хотел убежать рукобитья.

— На, опохмелись сходи,—ласково сказал он и протянул Мясеву несколько денег. Мясев озлился и смахнул деньги в пыль.

— Я не подзаборник какой — деньги брать,—сказал он.—Это вы с Авдюшкой на соборном крыльце найдены, подкидыши без роду, без племени, вам собаки головы нанюхали.

Иван Шур заметно веселился.

— Кошка вас выкормила,—продолжал глумиться Мясев.—А от морозу в теплом назъме спасались...

Авдей не сдюжил. Отпустил ремешок, сжал кулачищи, возопил: «Растопчу, агаряны!»—и кинулся на оскорбителя. Иван же Шур боднул Ваську в живот, поверг еще кого-то, юркнул за угол и был таков.

На несчастье посольских, рядом не случилось реки Яузы, куда можно было бы спустить Авдея. Он разом зашиб Мясева, потом еще двоих. Васька с земли ухватил кого-то за ноги и уронил. Кто-то вывернул жердь из плетня. Авдей жердь отобрал и жердью той побил всех. Двое посольских подхватили Мясева и побежали, остальные за ними, давясь соромом.

— Ну, я им дал, агарянам! — сказал Петраго-Соловаго.—До пасхи теперь не наладятся, а пасха нынче поздняя...

Он никак не мог успокоиться, колотил кулаком в заборы, круша их, и ликовал.

— Дурак,—заплакал Васька.—Вор-то ушел!

Авдей осел под забор. Москва просыпалась. Как-никак, третий Рим. И много от этого в нем народу — поди сыщи...

ГЛАВА 7

Авдей Петраго-Соловаго тоже был когда-то ребеночком. У него тоже была нянюшка-мамушка, кормилица, которая в Авдее не чаяла души. Звали ее Вахрамевна, была она стара и хорошо помнила ляшское лихо и трех самозванцев. Жила она в Китай-городе в небольшенькой избенке. Промышляла лечением и заговариванием зубов. Травы собирала. Давно бы попасть старухе на спрос за свое ремесло, кабы не было в Приказе тайных дел заступника Авдюши. За это Вахрамевна любила его еще пуще. Соколы иногда залетали к ней за приворотным зельем или алтыном на похмелье.

...Ныне соколы пластом лежали на рогожке и болели. Вчера с горя они прогуляли остатки казенных денег и совсем распростились со свободой. Авдей плакал и рассказывал кормилице государственные тайны. Мыррин хотел остановить его, но не мог: от хмеля рот не открывался. Мыррин пихал в Авдея кулачком. Авдей не слышал и продолжал разглашать. Вахрамевна внимала, воздыхала, всхлипывала и кивала головой. В особо страшных местах крестилась двумя персты.

Проснулись к вечеру следующего дня. Василий открыл глаза и забоялся. Жить вообще страшно, а с похмелья тем более. Авдей уже сидел за столом, потихоньку лечился. Вахрамевна жалела питомца, гладила по рыжей голове.

Мыррин вспомнил, что упустили Щура, и застонал. Авдей поглядел на него, как на чужого. Вахрамевна приподняла голову Мыррина и налила туда браги. Стало легче. Вахрамевна летала по избе, будто молоденькая, гремела печной заслонкой и чугунками.

— Пропали головушки наши,—мрачно вещал временами Авдей. Мымрин молчал. Боялся, что Авдей закричит: «У-у-умной!» и полезет бить.

— Ништо,—утетила вдруг Вахрамевна.—Да не преклонишься игемонам и проконсулам...

Она утешала соколов, равняла с кедрами ливанскими, Авдея отождествляла с Самсоном, Василия же—с царем Соломоном, но легче от этого не становилось.

— Баньку я натопила,—сказала Вахрамевна.—Попарьте косточки, а я тем временем схожу куда-то.

— А ты, Вахрамевна, размыкаешь наше горюшко? — с детской надеждой спросил Авдей.

Вахрамевна пообещала размыкать и ушла. Соколы горестно пошли в баню, жестоко посекли друг друга вениками, а когда вернулись, в избе под иконами сидел благостного вида старец в белой рубахе, в портах и босиком. Старец благословил соколов двоеперстием.

— Кланяйтесь старцу, бесстыжие! — указала откуда-то Вахрамевна. Соколы пали на пол и поползли на старца. Старец подтянул босые ноги на лавку. Потом велел встать.

— Горе ваше мне ведомо,—сказал он тоненько.—Се враг вас мутит. Се ангелы его, Асмодей и Сатанаил, лютуют.

— Как же взять его, вражину, отче?

— А руками,—посоветовал старец.—Вор сей, муж кровей и изверг естества, прельщал вас, мамонил кладами, а о кладе духовном забыть понуждал, от древлей веры отвращал, ввергал в Никонову ересь, запрещал стезю во Горний Ерусалим...

Василий сообразил, что перед ним сам еретик ведомый, что ему, еретику, надо бы на дыбу, да что поделать—сейчас, кажется, от бесов бы помощь принял.

Старец взял со стола миску и посыпал им головы сарачинским пшеном. Петраго-Соловаго заерзал. Мымрин ткнул его в бок. Старец меж тем достал из-за икон толстую книгу, долго листал, а потом велел соколам петь за ним вслед. Соколы засмутились петь еретические кафизмы, но Вахрамевна цыкнула на них, и они нишкнули.

Так вчетвером они спели такой вот псалом:

Деревян гроб сосновен
Ради меня строен.
Буду в нем лежати,
Трубна гласа ждати.
Вериги железны
Ко спасенью полезны.
Буду их носити,
Исуса хвалити.
Исус вседержитель
Первый в раю житель.
Праведным мирволит,
Диавола гонит.
Диавол искуситель
Душе погубитель,

Учит нас блудити,
Христа не любити.
Никон патриарх
Суть ересиарх:
Христиан смущает,
Души уловляет.

И еще много чего пели соколы вслед за старцем. Потом все утомились и охрипли. Старец встал и начал кружиться по горнице, взмывая воздух белыми портами и приговаривая непонятные слова. Соколы стояли на коленях и едва успевали поворачивать головы за шустрым старцем. Вахрамевна сидела в уголку и любовалась праведником, подперев щеку пальчиком.

— Ух, ух,—приговаривал старец. Потом вскочил на стол и ловко запрыгал между посудинами. Со стола поманил соколов корявым перстом к себе.

Воробьи пророки
Шли по дороге.
Нашли они книгу.
Что писано там?
Ух, ух.
Накати, дух!

Соколы тоже впали в просветление, ухали вслед за старцем. И хорошо им стало и легко.

— За тремя лесами, за пятью волоками, за семью мстёрами, девятью озерами, за сельцом, за дворцом, меж двумя ложками источник дивен. Ступайте, омойтесь. Подойдет муж телом дороден на сатанинскую потеху. Бейте того мужа даже до смерти, кровь отворите, где антихристова кровь прольется, вырастет богун-трава, на богун-траве—жар-цвет... Сейчас прямо и ступайте.

— Это куда, отче? — спросил Мыррин.—На кой нам жар-цвет?

— Жар-цвет клад укажет, лихо избудет. А идти вам за город, в Калинин ложок, на Телятину речку. Узрите заводь, схоронитесь и терпите до утра, утром он и объявится.

Старец полез за образа, достал оттуда пистолю и протянул Мыррину. Мыррин испугался оружия и замотал головой.

— Вооружись на антихриста,—уговаривал старец.—А пульки я святить буду...

Старец долго-долго святил пулю, прыскал на нее слюнями и вырезал крестики. Потом подал пистолю Авдею, покружился по комнате и сгинул.

— Куда он, Вахрамевна? — удивился Авдей.

— Известно куда, голубь: во Горний Ерусалим.

Мыррин старцу не верил. Что за старец такой? Зачем это идти неведомо куда, стрелять в кого-то? Это баловство.

— Баловство это, Авдей,—сказал он напарнику.

— Молчай, умной!—озлился Петраго-Соловаго.—Может, ты 'что надумаешь? Головы надо спасать. И души,—добавил он, подумав.—Жар-цвет нам и клад откроет, и вора объявит.

— Нет никакого жар-цвета,—застонал Мымрин.

— Окстись, поганец!—зашумела и Вахрамевна.—Старцу верить надо! Он чудесен, старец тот! Он стены узилища своего разомкнул молитвой и ушел беззаказно! Старец древлей верой силен. Бога за меня еще молить будете, что привела к вам Мелентия-праведника...

— Господи боже,—снова запричитал Мымрин.—Это же ведомый еретический старец, что у патриарха полбороды вырвал! Совсем пропали наши головы!

И заплакал горько.

ГЛАВА 8

...Туман уже начало помаленьку растаскивать ветром: появились из белой мути кусты, деревья, малая речушка. День собирался быть ясным. Вдоль речки двигались конные, один за другим. Все были одеты в одинаковые серого с зеленым цветом кафтаны, на правой руке у каждого сидела птица и напрасно тарашила на подмосковную природу зоркие свои глаза: головка у каждой была в особом клубучке, ничегошеньки птица не видела.

Годы царские были уже не те: раньше, бывало, взвалив государственные дела на Леонтия Плещеева, покойника, можно было день-деньской заниматься любимым делом, соколиной охотой, а в ненастье писать «Книгу, глаголемую Урядник, новое уложение и устроения чину сокольничья пути». Теперь надошел возраст, водянка, страхи за каждым углом. Только в такие вот ясные дни и позволял себе Алексей Михайлович выезды в Семеновское либо Коломенское.

Сегодня хотел опробовать новенького, но крепко уже любимого Мурата: по всем статьям птица была выдающейся. Мурата вез новенький же сокольник Афонька Кельин и очень от этого волновался. Тем более, что наемни Мурат был скучен и плохо ел. Афонька молился за птицу с басурманским именем, как на Иверскую или Казанскую богоматерь. Рука сокольника затекла, а он все равно не смел потревожить Мурата шевелением. Драгоценная птица переступала лапками в кожаных портяночках, и Афонька боялся, что Мурат запутает должик — золотой шнурок, каким привязан к рукавице, и, вместо того, чтобы стрелой взмыть в небо, позорно повиснет на шнурке, напоминая казненного шиша.

Хлопотна и ответственна была сокольничья должность. По «Уряднику» сокольник должен был «тешить государя до кончины живота своего». За иную птицу можно было не сносить головы. Любая государева потеха была делом государственным. Соколы и кречеты были капризны, в неволе могли зачахнуть, а сокольников можно набрать новых сколько угодно.

Афонька вспомнил все приметы на пути. Когда выходил на улицу, навстречу, из кружала, должно быть, шел безместный поп Моисейше. Примета нехорошая, надо было бы дать Моисейцу по сусалам, чтобы не шлялся с ранья где попало, но уж больно был силен безме-

стный поп. Вчера Афонька долго толковал с Муратом, как с разумным: наставлял, как и что завтра делать. Мурат кивал страшным клювом, согласно моргал, а под конец начал даже зевать от скуки, и сокольник обрадовался: понял! А третьеводни еще всполошили птицу набатом...

Алексей Михайлович вылез из кареты и перешел в специальное кресло. Подсокольниковый Петр Хомяков ждал указаний. Царь малость поигрался с кречетом, потом вернул его Афоньке и стал глядеть в небо, не летит ли достойная птица, потому что на кого попало посылают Мурата не хотелось.

Вверху никаких облаков не было. Никто не летел. Все помалкивали и прислушивались к природе. Алексей Михайлович утерся вышитой ширинкой. Афонька приводил Мурата в боевую готовность: смотал с лапок портяночки, отвязал должик.

— Пушай,—сказал государь Хомякову. Видно, заметил что-нибудь в небе.

— Пушай! — заорал Хомяков, и Афонька сорвал с головы кречета бархатный клубочек. Мурат обрадовался свету и пошел вверх. Зазвенел серебряный колокольчик на лапке. Звон тоже ушел вверх.

...Авдей Петраго-Соловаго с шумом выплюнул из камышинки воду.

— Тихо!

Оба скрывались под речной гладью, выставив наружу камышинки для дыхания, на запорожский манер. Было мелко, и приходилось стоять на карачках. Стояли уже не час и не два. Сверху нагребли речной травы, чтобы не видно было. Время от времени Мыррин высывал из воды голову и с помощью долгой шеи озирали окрестности. Обзор был хороший. Авдей тоже высывался и часто дышал полной грудью. Ивана Щура нигде не было видно.

Прискакали конные стрельцы из царской охраны—досматривали, нет ли причины, чтобы помешала государевой потехе. Подьячие затаились. Государь не любил, чтобы на охоте были посторонние. Тем более такие опальные, как соколы. Василий с Авдеем уже всякую веру в проклятого старца потеряли.

Авдею очень хотелось придавить Васькино щучье тело к песку и подержать, сколько надо...

— Тихо! — сказал Мыррин.

— Не могу, — пробубльнул Авдей.—Меня пиявица сосет. Живой волос внутрь лезет! Ерши колются!!

— Утони! — приказал Мыррин себе и товарищу. Утонули...

...Все-таки кречет Мурат был куда как замечательной птицей: мог охотиться сразу в трех стихиях — на земле, на воде и, само собой, в воздухе. Зорким своим глазом он посмотрел на землю и ничего не обнаружил. Дело в том, что герои наши, устраиваясь в подводную засаду, по своему обыкновению бранились и дрались, так что распугали всю дичь на семь верст вокруг. А вот на поверхности речушки замечалось что-то...

...Мурат развернулся, прицелился и пал вниз. Мурат был сильной птицей. Щуку он вынул бы из реки запросто. Но Авдей Петраго-Соловаго был маленько потяжелей... Когда когти впились ему в спину, он не выдержал, выпростал из-под воды руку и прихлопнул птицу, ровно малого комарика, сгреб в горсть и утащил к себе под воду — поглядеть, кто таков.

Мыррин шум слышал, но узнать причину боялся.

Царь и сокольники видели, как Мурат канул в приречные кусты. Стали гадать — кого принесет.

— Бобра, не меньше! — утверждал Афонька.

Какой бобра! И сам крыльев не унес. Царь забеспокоился, велел искать, обещал перепороть сокольников — подсунули-де большую птицу...

Искали. Все кусты обшарили. Засучивали порты, бродили по речке. Тем часом ветерок стал натягивать тучи. Алексей Михайлович Романов гневался. Мыррин и Авдей сидели как можно ниже воды. Благо, искатели подняли муть. Авдей изо всех сил сжимал зашибленного и утопленного Мурата и дрожал. По реке бежала мелкая рябь от дрожи.

— Водяник поманил,—уверенно объяснил кто-то из сокольников. Искатели чурались водяника, высоко вытаскивали ноги из речки. Проклятой птицы не было. В небесах стало погрохатывать. Царь велел Петру Хомякову налаживаться в Сибирь. Потемнело.

— Кажись, нашарил! — объявил Афонька, Авдей почувствовал, что нашарили именно его. Щекотки он боялся, поэтому выпустил изо рта тростинку и показал голову. Голова была в водорослях. Грянул гром.

— Водяник! Богородица-троеручица!—испугался Афонька и покинул речку. За ним полезли на берег и другие. Сокольники стали творить молитвы, мести полами кафтанов — отгоняли нечистую силу. Засверкали молнии — сперва далеко, потом ближе.

Кто предлагал привести козла — водяник-де бежит козлиного духа. Его самого обзывали козлом. Алексей Михайлович в карете лютовал. Подняли пыль. Афонька ругал водяника, но в воду не лез.

— Я те покажу, окунево рыло! — сторожился он.

Мыррин обеспамятел.

— Надо есть, — учил один сокольник.

— Не, разрыв-траву ему в очи бросить!

— Воскрёсну прочитать!

Шарахнуло в небесах, и оттуда поплыл огненный шар. Все замерли. Сокольники задрали головы вверх. Подводные сидельцы поняли по тишине, что все кончено, и встали, все в тине и траве. На них никто не обращал внимания. Шар плавал над полем.

Алексей Михайлович молился изо всех сил и обещал построить до десяти новых церквей, обновить все оклады на иконах и искоренить беспоповскую ересь, если господь пронесет мимо страшный шар.

Мыррин и Авдей приблизились к берегу. Шара они не видели.

— Не погуби, государь! — заревел Авдей, и в тот же миг шар с грохотом и блеском рассыпался. Все увидели у берега двух ужасных водяников, кои корчились и приплясывали.

Царские кони испугались и понесли карету. Сокольники поняли это как сигнал к отступлению. Они побежали за каретой, потому что их кони тоже всполошились и разбежались по всему полю.

Только Афонька Кельин сумел вскочить на чьего-то коня. Он хорошо помнил, как писано было в наставлении царском: «Если станешь непослушлив, тебе не токмо связану быть путы железными, но и безо всякой пощады быть сослану на Лену». На Лену из-за какой-то паршивой птицы Афоньке не хотелось, он выбрал другую реку — вольный тихий Дон — и погнал коня вскачь.

Хлынул дождь. Подьячие стояли и мерзли. Они не верили в спасение. Авдей все еще держал птицу. Серебряный колокольчик на лапке Мурата жалостно звенел.

— Господи владыко! — причитал государь в карете, уносимой в Коломенское. — Опять беси! Паки и паки беси! Отведи их, господи, сокруши аггелы! Грешен, господи! Более не буду тешиться охотой! Беси! Горе! Асмодей и Сатанаил! Плетить сокольников! Крепко плетить! А еще лучше — батогами!!!

ГЛАВА 9

Грозу быстро пригнало, быстро и пронесло. Появилось светило. Из него шли теплые лучи. Тела соколов согрелись и перестали трястись. Стало далеко видно во все стороны: и луга, и кусты, и лесочек. Зажили птицы. На душе тоже отошло. Подьячие ласково и виновато улыбались друг другу. Они вытащили спрятанную одежду и стали развешивать — сушить. От одежды шел пар.

Васька вскинул руки с портами и похолодел: из куста на него высунулось дуло пищали. Оттуда пахло порохом.

— Ты чего? — спросил Мыррин.

— Ась? — отозвался Авдей не к делу.

В кустах зашипело. Послышались слова «пся крев», «курва-маць» и другие полонизмы вперемешку с русскими загибами. Васька завертелся и стал трясти портами, чтобы врагу было трудно целиться. Авдей глядел и думал, что Мыррин просто хочет согреться. Васька решил и бросил порты на дуло. Щелкнуло, да не выстрелило. Васька без страха потянул за ствол и вытянул из куста мокрого и носатого лиходея. Авдей смикитил, что к чему, подскочил и повязал мокрого его же кушаком.

— Хлопы, — заругался мокрый. — Лайдаки, быдло...

— Кто таков? — спросил Васька.

Мокрый надулся и зашипел.

— Пытать будем, — пообещал голый Васька. Авдей согласно кивнул — тоже голый.

— Лотры,— снова заругался пленный.— Негодзивцы!

— Пытай, Авдей! — велел Мыррин.

Пытать приходилось в трудных условиях, голыми руками. Васька пошел срезать хворостину, да Авдей придумал лучше: он страшно ухватил мокрого за гордый нос и принялся неустанно бегать по полю. Очень скоро мокрый замучился и стал на бегу гундеть, что он — пан Дмоховский, человек самого гетмана Сапеги, послан с особым заданием. Авдей отпустил ему нос. Пан изячно встряхнулся.

— То не можно,— сказал он.— То не жечно.

Васька понял, что пан-то дурак. Они стали бить его словесами: Васька с увлечением рассказывал про ката Ефимку, поминал позорное бегство ляхов из Кремля, предсказывал скорое и неизбежное расчленение Речи Посполитой с ее дурацкими порядками. Авдей спел обидную частушку, в которой паны рифмовались со штанами.

Пану стало туго.

— Мелентя старца знаешь?

— Ниць. не вем. То пан гетман пжислал меня до Россыи.

— Зачем?

— Стжелить пана Романова.

— Вот изверг!— искренне возмутился Авдей, а ведь забыл, для чего его самого-то наладил сюда старец-еретик.

— А что ж не стрелял?

— Порох подмок...

Грянул выстрел. Видно, там порох не подмок.

— До ног, хлопы!— вскричал пан Дмоховский.— То стжеляе пан Големба!

Авдей прикинул, откуда стрелено, и побежал туда.

— Ано ж, схизматику!— радовался Дмоховский.— Пан Големба — то наша первша шаблюка!

Мыррин оставался спокоен.

— Первша шаблюка,— плюнул он.— Была...

В кустах затрещало. Впервой Васька видел, чтобы Авдей не тащил пойманного под мышкой, а вел. Пана Голембу было трудно нести. У него одни усы были в локоть длиной. Авдей завязал мушкетный ствол вокруг шеи пана Голембы и за этот поводок привел. Паны не по-хорошему поглядели друг на друга, и снова послышалось и «пся крев», и «лайдак», и другие грубости, пока Авдей пинками не призвал панов ко взаимной жечности, сиречь вежливости.

Теми же пинками он погнал их в сторону Москвы. Васька шел сзади и думал, что вот надо же — сколько не хватай, не имай безвинный народишко для показа верной службы, когда-то и доподлинный вразина попадетя!

...Ежели впервые увидеть ката Ефимку, можно диву дать: то ли Ефимка маленький, то ли кнут у него большой. Кнут у него нормальный, обычный, это сам Ефимка недомерок. Да тем и страшнее: погля-

дишь на него и неволей задумаешься, за какие такие доблести взяли такую пигалицу в каты? И мороз по спине пробежит...

— Здорово, Ефимушка! — хором грянули соколы, загоня панов в пыточную. Они сразу сообразили, что с такими панами в приказ показаться не стыдно.

— Здорово и вам, соколики,—пропищал кат.—По сколько вам сегодня государь-батюшка назначил?

Ефимке не привыкать было пороть соколов, особенно в последнее время, вот он и спросил для порядка.

— Нет, не видать тебе нынче наших спинушек!—гордо сказал Мымрин.—Тут слово и дело государево! А это кто у тебя сидит в углу?

Ефимка был говорун.

— А это,—сказал кат,—мордвин Кирдяпа Арсенкин. Сидел Кирдяпа в кружале с шорником, Орехом Сидельниковым. Орех тот ему и скажи: ноги-де у тебя, Кирдяпа, кривые. Тогда Кирдяпа ногу на стол и говорит: «У меня-де нога лучше, чем у государя-царя и великого князя Алексея Михайловича!». Ну, шорник объявил «слово и дело», стрельцы обоих сюда сволокли. И за те поносные слова велено ему, Кирдяпе, отрубить воровскую его ногу!

Соколы захохотали. Человечек в углу вздрогнул и сжался.

— А шорнику награда вышла?—ревниво поинтересовался Мымрин. Не любил он, когда кого-нибудь, кроме него, за донос награждали.

— Орех-то Сидельников?—спросил Ефимка.—Так он у меня еще утресь на дыбе помер, не выдюжил. Доводчику первый кнут!

Соколы еще посмеялись, выпили маленько с Ефимкой и тогда перешли к делу.

— Видишь, Ефимушка,—сказал Васька,—какие у нас тут важные паны-ляхи? Ты бы поспрашивал их как следует, что они нынче утром на Телятиной речке делали? Да пусть Возгря их распросные речи в точности пишет!

Ефимка так поглядел на панов, что они сами бросились, толкая друг дружку, к писарю Возгре и наперебой начали признаваться, сваливая все друг на друга и на гетмана Сапегу.

— Вон тот усатый,—ткнул Ефимка в пана Голембу,—для дыбы в самый раз. А вон тот носатый,—он ткнул в другого пана, — под кнутом хорош будет...

— Тяженька,—запищал кто-то еще тоньше, чем Ефимка.—Носатому-то еще в ноздри женой пакли ладно было бы!

— Дело говорит малютка,—обрадовался кат. Из-под стола вылез малец лет пяти, вылитый Ефимка, но без бороды. А все равно, хоть и малец, глядеть на него страх брал. В ручонке малютка держал ладненький кнутик.

— Сынок мой, Истомушка,—похвастался Ефимка.—Пройдет время, и мой срок исполнится: рука ослабнет, глаз завянет. И переду я Истоме Ефимычу кнут этот, яко скиптр...

Запала тишина. Ефимка сообразил, что сказал не к делу.

— Ну-ка, ну-ка,—сказал Мыррин.—Какой такой скиптр? Ты что, себя, ката, с государем равняешь? Да государь не знает, с какого конца за кнут берутся! А вот ты ведаешь ли, Ефимушка, что и на ката кат бывает?

— На меня, что ли? — обиделся Ефимка.—Да я на всю Русь первый кат!

— А для тебя нарочитого ката привезут,—сказал Василий.—Из Сибири. Ерема звать. Он о запрошлом годе на спор с воеводой Пашковым плетью обух перешиб. Кто видел, сказывают: будто булатным клинком размахнул.

Ефимушка перепугался страшных своих поносных слов да и будущей встрече с сибирским собратом не порадовался.

— Детушки, да вы что? Я ли вас не миловал, вполсилы не хлестал?

— А ныне в четверть только будешь! А то живо доведем те слова твои. Хотя навряд мы с тобой теперь встретимся,—опрометчиво сказал Мыррин, а сплунуть через плечо забыл.

— Э, а мордвин Кирдяпа-то где? — забеспокоился кат.

И правда: пока мальцом любовались да лясы точили, хитрый Кирдяпа выскочил потихоньку из пыточной, как-то караульных стрельцов обошел и был таков.

— Мы, выходит, приводим,—сказал Мыррин,—а вы, выходит, распускаете? Негоже то...

— Ништо,—беспечно отвечал кат.—У меня дотемна все одно кто-нибудь помрет. Оттяпаю ему ногу и скажу, что Кирдяпина. Там ничего не сказано, чтобы его без ноги еще тут держать...

— Ох, и дошлый ты мужик, Ефимка! — восхитился Авдей.

— Тем торгуем,—пропищал кат.

Ефимка и сын, оба в одинаковых рубахах с закатанными рукавами, проводили соколов до ворот и вернулись разбираться с панами.

...Узнав о чудесном своем спасении, государь не помнил себя от радости.

— Вот это слуги! Вот это радетели! Все бы так! Вы бы еще мне клад князя Курбского открыли — цены бы вам не было. Чем же мне вас наградить, соколы вы мои ясные? По шубе, наверное, надо выдать...

Соколы стояли в низком поясном поклоне. Тут государь-царь заметил в рыжей волосне Авдея что-то зелененькое. Он подошел ближе и рассмотрел. То была веточка водоросли. Авдей с той поры не только не помылся (вода, видно, надоела), а и волос не чесал.

— А-а, вот оно что! — вскричал самодержец.—Так это вы, сукины дети, голяком из речки выскакивали! Это вы моего любимого кречета погубили! Вы коней перепугали! Да вы мне не только коней, вы мне людей перепугали! Сокольники мои, сказывают, и во сне от водяников спасаются, ходят под себя! Да сам-то я...—тут государь осекся, потом собрался с силами и продолжал: — Спасители! Вот уж во истину — лекарство пуще болезни!

— Виноваты, государы! — упал в ноги Авдей.

— Это паны проклятые все! — упал в ноги и Васька.—Мы, государь, не тебя, панов пугнуть хотели как следует, чтобы и дорогу в наши края забыли... Смилосердуйся, для тебя старались...

Романов потрогал соколиные головы ногой.

— Афоньку Кельина, сокольника, куда дели?

Мымрин поднял голову.

— Не трогали, как бог свят, не трогали!

Государь помолчал, походил по горнице.

— Ин ладно,—сказал он наконец.—За ляхов-злодеев я вас награжу: не велю казнить смертью.

Соколы и тому были рады.

— А вот за кречета моего любимого,—продолжал государь,—я с вас крепко взыщу. Так взыщу! Ступайте в театральную хоромину и скажите немчину Грегори, что государь-де отдает вас головой. Пострадайте для потехи государевой.

— Государь-надежда! — взвыли соколы разом.—Лучше Ефимке отдай, только не немчину Грегори! Уморит он нас, а нам еще клад искать!

— А это уж как хотите,—сказал царь.—Да Ефимку вовремя помянули: дорогой к нему зайдите, пусть высыплет вам по двадцать пять горячих. Скажите — я велел.

ГЛАВА 10

Всего было много у Алексея Михайловича. И диковинные растения в садах в Измайловском росли, и заморские звери в клетках бегали. Даже китайские золотые рыбки и те в хрустальных вазах плавали, дохли, правда, часто.

А потом решил государь, что не худо бы на Руси театральные действия начать представлять. Вон у Людовикаса во Франции — куда ни плюнь — театр на театре. Молиер, сказывают, какой-то насмешничает.

Когда-то, во время оно, повелел государь всю скomorошину на Русской земле разогнать. Гудки, жалейки, сопелки, домры, бубны, хари и машкары мерзостные были преданы огню, а скomorохов поставили в батоги. Так то скomorохи. Потому, за каждой ватагой человека не пошлешь проверять, что они там представляют. А они известно что представляют — как холоп боярскую жену огулял, как пьяный поп обедню служит. От попа да боярина, от боярина... и молвить страшно. И то бывало, редко, да бывало...

А театр такой завести, чтобы на одном месте стоял, всегда под боком. Так-то не повольничаешь. И представления таковые давать, чтобы к вящей славе государевой способствовали.

Сказано — сделано. Нашли в немецкой Кокуй-слободе ученого лютеранского попа Ивана Грегори. Государь прямо так и сказал —

или ладь театр, или ворочайся в свои немцы без штанов, как на Русь явился (батоги сами собой разумеются, как в этом деле без батогов).

Немцам на Руси такое житье было, что уходить без штанов пастору Грегори ну никак не хотелось.

Построили хоромину, набрали и артистов — школьных детей. Они потом государю челом били: «По твоему великого государя указу взяты мы, сироты твои, в комедию, и ноне нас в школе держат и до мой не отпускают, а твоего жалованья, корму нам ничего не указано, помираем голодною смертию. А мы, хлопы твои, учимся денно и ночью под караулом».

Может, жалование какое и было, и корма были, но вряд ли бы они через немцев прошли. Если уж взялся пастор Грегори, так уж, наверное, не за так.

Показали первую комедию—«Артаксерсово действо». Десять часов отсидел Алексей Михайлович, глядя на сцену. Ну да ему не привыкать было — на приемах сидеть не меньше приходилось, а на пирах и говорить нечего.

Добром, конечно, в артисты никто не шел, а попадали туда примерно так, как соколы наши: служба государева, и все тут. Один с соколами возится, другой комедию представляет, и все при деле.

...Немчин Грегори посмотрел на Авдея с Васькой сквозь стекла на носу:

— Сафтра будем тафать комедиум «Бахус унд Венус». Бахус дер готт пьянства есть, ферштеен?

— Дело знакомое,—сказал Авдей.

— Венус—либе, люпофь есть, ферштеен?

— Натюрлихьяволь! — отличился Мымрин.

— Нун, гут,—сказал пастор.—Роль Бахус занят. Роль Венус тоже занят. И занят роль Купидон. И роль шут, и роль вестник, и роль бардачник — все роль занят. Есть роль пьяниц лежащих. Зы лежать рядом с бочка Бахус. Как Бахус вставать с бочка, вы кричать: виват, Бахус! Это значит многолетие, зо? На сцене не говорить, не вставать, лежать якобы пьяный, ферштеен?

— А что, дело знакомое,—улыбнулся Васька.—Отчего и не по-лежать для дела? Можно и выпить, чтобы вовсе похоже было.

— Но, но, но. Тринкен ферботен. Если вы пить комедийный хоромина, я посылать вас кат Ефимка. Это есть палач. Аллес.

Аллес так аллес. Соколы вежливоенько попрощались со строгим немчином и пошли восвосяи: нужно было выспаться перед завтрашним действием.

— Вот это попали из огня да в полымя,—сказал Авдей.—Ну как нас кто-нибудь узнает? Срам-то, срам-то какой!

— Государева служба — срам?

— Разве ж это служба — пьяным валяться? Так-то всю жизнь бы служил государю верой и правдой, да только не в комедийной хоромине. Люди узнают — смеяться будут!

— Не узнают,—сказал Василий.—Немчин толковал, что всю лопоть казенную выдадут. А хари мы себе углем да свеклой вымажем, будто месяц из кружала не вылазили, и не узнают...

...На самом хорошем месте сидел, конечно, государь-царь. Бояр в хоромину набилось видимо-невидимо, почитай, вся Бархатная книга собралась. Женщин не было — не положено. Только на галерее, за деревянной решеткой, сидели царица Наталья Кирилловна и ее мамки-няньки.

Зазвенели медные трубы, давая знать, что действо вот-вот начнется. Соколы лежали на своих местах. Немчин, к слову сказать, похвалил их намазанные хари и сказал даже, что будет просить государя, чтобы Васюку с Авдеем навсегда перечислить в актеры. И ведь перечислят, думали соколы, коли не найдем Щура и клада. Да хорошо, если только в актеры, а не в каторжные...

Трубы зазвенели вдругорядь. Авдей лежал и тихонько причитывал:

- Соромно мне, Вася! Совестно!
- Терпи! Соромно ему! Нас таких тут сорок, и всем соромно.
- Лежим, а вор, может, клад наш берет!
- Молчи!

Третий раз грянули медные трубы. Вышел молодой паренек (соколы узнали его, это был сын лекаря Блюментроста) и начал читать вирши:

По всей вселенной, во все мира страны,
Где свет солнечный бывает виданы,
Где солнце восходит и где западает,
Всякая страна царску славу знает.

Вирши были длинные, Авдей несколько раз принимался засыпать с храпом, но Мыррин спасал его, пихая кулаком. Наконец началась и сама комедия о Бахусе и Венусе. Четверо дюжих служителей вытащили на сцену бочку ведер на сорок, а на бочке мужика, как бы голого, но всего как есть увитого настоящим плющом. И пошла комедия.

Кто хмельное зелье часто потребляет,
Всяк во мне Бахуса в един час узнает:
Пью непрестанно, плющом увившись,
Гимны сам себе слагаю, упившись.
Зелие хмельное ум просветляет,
Немошным силу чресел прибавляет,
А чтобы совсем не поразило пианство,
Надобе к тому иметь постоянство.

Соколы лежали рядом с бочкой и видели только ноги Бахуса, обутые в лапти с ремнями.

— Дело говорит Бахус,—заметил Авдей.

— Точно,—прошептал Мымрин.—Я как выпил — дай да подай мне Дарьицу-Егозу...
Между тем Бахус продолжал:

Зелена вина с утра коль напьюся,
Ан, глядишь, к обеду вновь тем зальюся,
Оттого-то я похмелия не знаю,
Недугом тем нимало не страдаю.

— Хорошо ему, Бахусу,—позавидовал Авдей.
— Плохо ли! — согласился Васька. А Бахус рек:

Всякому-то я,Бахус, любезен,
Для здоровья зело полезен,
А кто отвергает мое угощенье,
Тому реку ума помраченье!

— Я тоже заметил,—сказал Авдей.—Все непьющие чудные какие-то, как бы с придурью.

— Ага,—сказал Мымрин.—Данилу Полянского взять...
Бахус высоко поднял чашу, как бы выпил ее и рек:

Бахус потребен всему свету,
Никакого мне сопротивления нету.
Магмет турецкий вина избегает.
Оттого-то, видно, бит всегда бывает.

Государь засмеялся, и все засмеялись вдогонку.

— И это правильно,—сказал Мымрин.—Когда я в Стекольце был, там на приеме у короля персидский посол чашу романей опростал — и дух вон.

— Да ну, с чаши-то? Ему, поди, туда яду набуровили! Да хватит, давай послушаем!
Бахус:

Выходи, кому не жаль своей плоти,
Меня, Бахуса, попытай бороти.
Не только славы себе не добудешь,
Ниже, аки пес шелудивый, бит будешь!
Всяческим оружием я, Бахус, владаю,
Аглицкий кулачный бой и то знаю.
Выходи скорее на битву жарку,
А я пока опростаю чарку!

— Пойду-ка я,—сказал Авдей, пытаюсь подняться.—Чего это он тут ячится? В самом-то душа чуть жива, а туда же...

— С ума слетел,—зашипел Мымрин.— Это он по действию так говорит, а не тебе. Смотри, смотри: баба!

Появилась и вправду баба: вроде и платье сверху, а вроде и нет ничего. Бояре загудели. А баба говорила:

Кто меня, Венус всеблагу, не знает,
Себя тот жестоко обкрадает.
Боги олимпийски, и те подвластны.
Твои же, Бахусе, словеса напрасны.

Скот сущеглупый, что бога не знает,
И тот в томлени любовном пребывает.
Венуса бежать не годится:
Жуколица малая, и та плодится.
Мужи седовласы, Хроносом почтенны,
Такожде бывают Венусом сраженны:
От стрел любовных духом молодеют,
Конечности их уж боле не хладеют,
Сила младая по жилам пробегает,
Жертву мне, Венусу, принесть принуждает!

— Знаешь, Авдей,—сказал Мыррин.—Пытает меня давеча тот немчин Грегори: барум, дескать, ваш герр Полянский хабен цвай намен — Иоганн унд Данило? Я толкую, что Иван — молитвенное имя, для бога, стало быть, а Данило — для мирской жизни. А немчин дошлый, смеется: кого-де ваш герр Полянский объегорить хочет: господа или мир?

Авдей ничего не ответил. И на бабу даже не смотрел: принюхивался Авдей. Если у Васьки был нюх, так сказать, умственный, то у Авдея натуральный, как у собаки:

— Васька,—прошептал он.—Ведаешь ли, что в бочке той?

— Неужто вправду с винищем? — удивился Васька.

— Кабы с винищем! Порох тамо!

Прошибло Мыррина холодным потом. Приподнял голову, стал разглядывать бочку. А Бахус с бочки вещал:

А ну-ка, Венус, прикрой себя, голу,
Внемли моему глаголу:
Лучше тебя я, Венус, то знаю,
Поелику тем же свойством владаю.
Кто возжелает со мной упиться,
Тот такожде омолодится —
По земле ползет, младенцу подобно.
Языком лепечет незлобно.
И скот мне подвластен в этом роде:
«Аки лошадь, пьет», — рекут в народе.
А коли где сядут пить до свету,
Там тебе, Венус, места нету!

— Гли-ко, Авдей, а вот и фитиль! — сказал Васька.

— Поди, потешные огни станут пущать,—сказал Авдей.

— Хороша потеха, да мне не до смеха. Коли эта бочка да полыхнет, никого вживе не останется...

Ни Бахус, ни Венус не обращали внимания, что на полу кто-то бормочет, увлеченные своим разговором.

Венус:

Бахус злонаправный очи заливаает,
Ничего о любви не понимает,
Одной мне с ним не совладати,
Неволею приходится Купидо звати!

Мыррин тяжело (все же пьяного показывает!) перевернулся на спину и стал приглядываться к Бахусу, которого тем временем крылатый мальчонка пристрелил из лука.

Бахус:

Увы мне! увы! Прегорько стало!
Видно, выпил я нынче мало.
Во груди моей огонь с тех пор пылает,
Никак оный не угасает.
По тебе, Венус, жестоко страдаю,
Что и творити, отнюдь не знаю...

— Я зато знаю, что творити,—прошипел Васька.—Авдей, как я тебя ногой торкну, вскакивай и имай Бахуса!

Соколы разом вскочили и, возопив велегласно: «Слово и дело государево!», крепко схватили Бахуса с двух сторон. Другие актеры подумали, что пьяницы раньше времени начали славить Бахуса. Им показалось не «слово и дело», а «многая лета». И они в сорок глоток рывкнули:

— Многая лета! Многая лета! Многая лета!

Государь и другие зрители подумали, что так и положено. Тщетно немчин Грегори метался по сцене, пытаясь навести порядок. Авдей отпихивал немчина ногой. Актеры продолжали провозглашать многолетие. Бояре подняли шум. Государь уши заткнул. А в крепких руках соколов бился бритый, плющом увитый, но все-таки узнанный, Иван Щур.

ГЛАВА 11 И ПОСЛЕДНЯЯ

Нет, хорош, хорош государь-царь и великий князь Алексей Михайлович, царь Тишайший! И гневлив, да отходчив, и скуп до смеха временами, да другими временами щедр без меры.

Вот и нынче с лихвой наградил он соколов, другожды его спасших: снова не велел казнить до смерти. А за то, что все действие испортили, спосылал к Ефимке.

Ивашка Щур не запирался на спросе, только потребовал, чтобы государь его выслушал с глазу на глаз. Государю с таковым вором и злодеем говорить вроде бы невместно, да и страшновато. Всю-то nochеньку Алексей Михайлович ворочался с боку на бок: то в нем страх с алчбою боролись. К утру алчба свое взяла: привели скованного цепями вора в государевы палаты. Алексей Михайлович всех отослал прочь, чтобы не слушали. На случай же, если вор вздумает учинить какое дурно, оставил одного глухонемого арапа с пищалью. Соколы так и не узнали, что за разговор был у царя с шишом.

Поздно вечером государь призвал соколов и сказал:

— Что да к чему — вам знать ни к чему. Доподлинно скажу только, что клад тот есть, велик и несметен. И ежели вы, негодяи и бездельники, мнили, что сами добыть его можете, то вот вам мой царский кукиш!

И вправду показал кукиш. Ежели его, этот кукиш, взять сам по себе, то и не подумаешь, что царский.

— Положил князь заклатье, чтобы открылся клад только царской крови! Делать нечего, придется самому ехать. А вы — со мной. Вора возьмем, вор место укажет. Вор, поди, думает под шумок бежать, а того не знает, что я приказал весь город караулами обставить. Вчетвером поедем.

— Государь-надежда,—сказал Мыррин, которому совсем не хотелось еще раз связываться с хитрым Щуром.— А что бы нам взять целую стрелецкую сотню?

— Эх,—сказал государь.—Учат вас, учат, а чему учат? Неужели не ведаешь, холоп нерадивый, что если заговоренный клад начнет чужой человек брать, он, клад, на аршин в землю уйдет? И так вас со Щуром трое — уже три аршина. А сотня стрельцов топтаться будет — колодезь копать, что ли? Опричь того, про клад тот только вы и ведаете, а боярам моим ни к чему. Коли узнают про толикое богатство, не поглядят, что и царь. Я ли бояр своих не знаю?! Беги, Авдюшка, в кладовую, возьми там три заступа да мешков под золото поболее. Да смотри, чтобы никто не видел! Ключник, и тот чтобы не видел. Лучше сломай замок-то...

Мыррин глядел на государя и дивился. Вчера еще был квашня квашней, а нынче ни дать ни взять — атаман казачий. Вот что золото с людьми-то делает, всех равняет — и царя, и псаря. Со стороны глянуть — не государь с холопом, а два татя сговариваются пошурдить в чужой подклети...

— А что с Ивашкой делать? — спросил Мыррин с тревогой.

— Когда клад объявит, нимало не медля зарезати!—велел государь, царь Тишайший.—Зарезати и в яму метнуть, засыпать землю. Здесь же, в приказе, объявить — вор-де бежал.

— Ой, государы! — спохватился Васька.—Так ведь мы тогда тебе сдуру при дьяке Полянском повинились! Он тож ведает!

Государь маленько подумал:

— И Полянского зарезати!

Мыррин не мог укрыть восхищения:

— Ну, государь-батюшка! Уж коли мы — соколы, то ты у нас вовсе орел!

— Вестимо, орел! — согласился Алексей Михайлович.—Не век же я на троне сидел. Я и на коне, я и саблей... Из пистولي промаху не знаю... Я бы и сейчас верхом, да надо под золото карету взять. За кучера будешь.

Государь и оделся соответственно: то ли купец, то ли не шибко богатый дворянин. Только кафтан был ему малость узковат, и приметливый Васька увидел, что государь-то орел в большей степени, чем ранее казалось: за поясом у него были две пистолы, не на соколов ли приготовленные? Промаху, говорит, не знаю...

Карету выбрали тоже не парадную, простую. С трудом запрягли, потому что никто не умел. Государь прикидывал, войдет ли все золото в карету, не придется ли делать второй ездки.

Авдей сходил в застенок за Щуром, хорошенько проверил желе-

за, в которые вор был закован, подумал, что не худо бы на него «стул» надеть, да уж недосуг. А напоследок, как уходил, разбудил жившего при пыточной же ката Ефимку (хотя государь настрого запретил подымать шум) и с великой радостью, ото всей-то душеньки, брызнул его по зубам, мало не зашиб совсем. А и зашиб, не велика беда, малый катенок Истома подрастет.

Ехали в темноте и молчании. Мырину пришлось слезть с облучка и вести коней в поводу, держа перед собой горящую просмоленную паклю на палке. Шур время от времени говорил, налево либо направо надо ехать. Гремели от тряски цепи на воре и лопаты под ногами. Иногда встречу кареты выходили караульные стрельцы, но, увидев, что карета государева, пропускали без слов. Мало ли по какому делу мог послать свою карету Алексей Михайлович!

У одного стрельца Мырин отобрал добрый факел, а свою наспех смастряченную палку с паклей выбросил.

Выехали на пустырь. В ближних домах не было ни огонька. Шур сказал остановиться. Авдей вывел его из кареты. Васька с факелом подошел к ним.

— Веди, ворина!

Государь продолжал сидеть в карете.

Наконец раздался возмущенный вопль Авдея:

— Государь-батюшка, да тут помойная яма!

Алексей Михайлович кряхтя (и помочь-то не догадаются, олухи!) вылез из кареты.

— Для кого помойная,—говорил он на ходу, волоча заступы (и захватить-то не могли, срамцы!), а для царской крови сейчас преосуществится во благоухание росного ладана, мирра и нарда... Благорастворение воздухов... Так всегда с кладами, не знаете, что ли?

Но благорастворение не торопилось. Государь обошел яму и встал чуть поодаль от соколов и Щура. Яма как яма, чего в ней только нет, в ней и положено быть чему попало...

— Полезайте, коли уж приехали,—сказал царь и бросил к ногам холопей своих заступы.—Может, оно не сразу...

— Пушай ворина раньше лезет,—возмутился Мырин.

— И то,—согласился Авдей и начал подталкивать Ивашку в яму. И тут произошло небывалое. Скованный по рукам и ногам Шур сделал неухватное глазу движение, отчего цепи упали на землю, а соколы, матерно в царском присутствии ругаясь, полетели в глубокую помойную яму. Государь, не ведая от изумления, что творит, ногой спихнул им заступы. От падения соколов вонь от ямы пошла вовсе нестерпимая.

Иван Шур, держа в руке факел (и когда успел выхватить у Мырина?) подошел к государю и вытащил у него из-за пояса пистояи.

— Это не царское дело,—пояснил он.

Алексей Михайлович не мог слова молвить. Наконец собрался с силами:

— Ты для чего, вор, учинил такое?

— Для души,—спокойно ответил Щур.—Очень хотелось государя-царя и великого князя на помойке увидеть, а псов твоих — в яме поганой... Я бы и тебя туда посадил, кабы не боялся, что державе позор выйдет. Станут еще говорить: на Руси-де царь на помойке найден... А и быть вам, царям да боярам, на помойке, псмяни мое слово! Жаден ты, царь, как последний купчишка в Зарядье! Книжную премудрость превзошел, а того не знаешь, какие такие богатства у князя Курбского могли быть, а коли и были, их давно Иван Васильевич в свою казну отписал... Клад я тот выдумал, чтобы Никифора Дурного обмануть, так на то ему и фамилия дадена: Дурной. А ты, яко бабка старая, в клады заговоренные веришь! И под таким-то вся Русь ходит!

Соколы в это время тщетно пытались выбраться из ямы. Авдей попытался подсадить Ваську, но от тяжести еще глубже уходил ногами в сметье.

— Это не я их в яму посадил,—продолжал меж тем Щур, глядя на возню под ногами.—Это ты их в яму посадил. Им бы цены в другое время не было, Ваське да Авдюшке, а ты из людей псов сотворил, ну и получай. Ты русского человека честь в других землях велишь высоко держать, а здесь под ноги себе мечешь. Говорите: мужик-де русский ленив, а немчины вам поддакивают. Да может ли мужик вас прокормить, коли вы приучены в три горла жрать? Жаль, не смог я тогда все племя ваше порохом взорвать — свежее бы на Руси стало! Одним обедом твоим две деревни накормить можно — кто ты такой, чтобы их объедасть? Может, ты полки водишь, врагов державы повергаешь? Нету того. Может, ты, как царь Соломон, суд праведный творишь? И того нету. Так на кой ты нам нужен?

Щур подошел к карете и залез на облучок.

— Ныне с Москвы схожу,—сказал он.—А ведь вернусь. И не один вернусь — слышал же, что Степан Тимофеевич в Астрахани вашему племени устроил? Как бы тебе в эту яму самому не пришлось лезть — прятаться...

Царь как стоял, так и стоял. А что сделаешь? Крикнуть — голоса нет...

— Ин прощевай, Алексей Михайлович! И помни накрепко эту яму! Помни, что русский человек до времени терпит! Не быть крепку царству, стоящу на доносе и ябеде!

Он хлестанул коней, свистнул и покатил вон из Москвы, во все горло орал при этом: «По государеву делу!», чтобы караульные стрельцы не чинили препятствий. Докатит, небось, до рогаток, выберет коня получше (а выбирать трудно, кони-то царские!), да и помчит к Степану Тимофеичу. Может, сложит голову в бою либо на плахе, а может, долго будет колдобродить по Руси, пугать боярское племя...

Факел, брошенный Щуром, догорел. Наступила темнота. Соколы в яме притихли. Вышла из-за туч луна, и увидел самодержец, что

стоит он на пустыре один-одинешенек. И вот тогда-то он закричал не своим голосом. Из домов никто не вышел, думали, просто так — режут кого-нибудь. Могли и вправду подойти тати и зарезать — был бы тогда еще один царь-мученик, невинно убиенный...

На царское счастье, выбрел к пустырю безместный поп Моисеище. Попа Моисеища только что с великими трудами выбили из кружала за святотатственную попытку пропить наперсный крест. Поп шел злой и алчущий злостью эту сорвать на ближнем своем. Самым ближним и оказался Алексей Михайлович.

Другой бы на месте попа Моисеища спросил у одинокого прохожего: «А по морде хочешь?». Но поп Моисеище и в самом непотребном виде твердо помнил, что на него возложен сан. Поэтому он не спросил, а воспросил:

— А не дерзнуть ли ты по лику, сыне?

Когда же присмотрелся, понял: не дерзнуть. В молодости поп Моисеище принимал участие во многочисленных диспутах о вере, покуда диспуты эти еще допускались. Алексей же Михайлович в молодости был до таковых диспутов великий охотник. Моисеище доподлинно признал государя и повалился ему в ноги. Государь продолжал кричать — тоненько-тоненько уже, и поп сообразил, что с ним неладно. А сообразив, подхватил царя в охапку, как малое дитя, и побежал в сторону Кремля. Набегавших стрельцов он отгонял громовым рычанием: «Слово и дело государево!».

В царских палатах уже всполошились. Алексей-то Михайлович ладил вернуться с золотом до рассвета, а не вышло. Так что навстречу Моисеищу бежала целая толпа челяди, а впереди всех дык Иван (Данило) Полянский. Он выхватил царя из объятий Моисеища, начал приводить в чувство, плакал горько и от сердца. Полянский пережил государя, и невдомек ему было, что тот однажды велел его «зарезати».

Придя в себя, царь первым делом приказал скакать к яме и казнить соколов на месте. Прискакали, и веревку бросили, а взять соколов не смогли: так противно было, даже кони стрелецкие шараялись. Соколы это заметили и стали разгонять стрельцов, швыряя в них всякой пакостью, что набилась в карманы и за пазуху. Поправил дело кат Ефимка, одыбавший малость после Авдея. Он на расстоянии мог стегать соколов кнутом, вот и погнал их по городу. И впервые услышал от горожан Ефимка добрые слова:

— Так, так, Ефимушка! Ожги его! Перепояшь! Любо! Ой, любо! Гони их, Ефимушка, подале, чтобы духу их не было!

Ефимушка гнал их, гнал, пока сил хватило. Куда потом подевались соколы — неведомо, да уже и неинтересно. Такие нигде не пропадут, жить будут, покуда не найдется добрый человек, не посадит их на законное их место — в помойную яму.

Про страшный этот случай велено было забыть. Поэтому ни в каких документах никаких следов не осталось. Алексей Михайлович, должно, помнил, оттого и помер рано...

Да еще помнил безместный поп Моисеище, коего поили по государеву указу во всех кабаках и кружалах за так. Говаривал поп Моисеище, надувшись винища:

— Гряду, я это, братие, из кружала. Ошую и одесную — тьма во истину египетская. Смотрю — впереди свечение, как бы с Фавора исходящее... Гряду далее — и зрю рядом з мерзостью запустения миропомазанника нашего богоданного...

Но ему, понятное дело, не верили.

М. ШАЛАМОВ

СТРОГИЙ ЗАЯЦ ПРИ ДОРОГЕ

— Что бы я без вас делал, Уотсон! Вы же прирожденный сыщик! — с улыбкой сказал Шерлок Холмс.

А. Конан Дойл, «Записки о Шерлоке Холмсе»

Э! — сказали мы с Петром Ивановичем.
А. С. Пушкин, «Капитанская дочка»*

Глава первая

ПРОПАЖА ХОМЯКА

Я заканчивал починку старенькой «Ригонды», когда в цех заглянула наша приемщица Катерина и, разыскав меня взглядом, окликнула:

— Эй, Макс, к тебе пришли!

Я вытер руки тряпкой и вышел в коридор.

Конечно же, это была Ася. И сразу было заметно, что у нее не все в порядке. Я Аську знаю, как самого себя, и всегда замечаю, когда у нее не все ладно.

— Здравствуй, Макс,—попыталась она улыбнуться.—Ты знаешь — Хомяк пропал!

— Куда пропал? — не понял я.

— Сказал, что в командировку уезжает. Я его ждала, а сегодня пошла к нему на работу. Они там меня на смех подняли: какие, мол, говорят, у бармена могут быть командировки! А он, оказывается, отпуск на две недели взял. Ну разве можно так обманывать человека?! — и Ася заплакала.

Я смотрел на сестру. Женщин с такими глазами, как у нее, обманывать — преступление. Но их обманывают сплошь и рядом, обманывают походя, все, кому не лень.

— Ты успокойся, Ась! — сказал я ей. А что еще можно сказать женщине в такой ситуации? — Найду я твоего Хомяка. Из-под зем-

* Конечно же, ты прав, мой прощательный читатель: нет прощения тому, кто путает пушкинские строки с гоголевскими! Но — с кем не бывает?! Конечно же,— это Гоголь. «Мертвые души»! Последующие авторские примечания ищите в конце повести.

ли я его достану и морду ему набью, чтобы не зарывался. А ты иди домой и жди меня. Я обязательно его найду! — И осторожно подтолкнул Асю к выходу. Она поняла и ушла, зябко кутаясь в серебристый песцовый воротник, славная моя сестренка.

Я вернулся в цех. Вот уж Аськина проблема мне совершенно ни к чему! На носу — сессия, а у меня еще контрольные не написаны. И переводы. Эта чертова уйма знаков. Когда я только все это успею? А теперь еще и Хомяка искать! Я, конечно, понимаю — дело молодое, но вот так, внаглую, обманывать свою жену... Для этого нужно быть Хомяком!

Ася моложе меня на четыре года. Сейчас она, конечно, «дама солидная», а вот когда наши с ней родители погибли в автокатастрофе, была Аська совсем еще девчонкой. На меня тогда сразу все заботы рухнули: и дом, и учеба, и с деньгами нужно было как-то выкручиваться. Попал я в порочный круг — бросить институт для меня значило уйти в армию и оставить Аську безо всякой поддержки. А ведь надо было жить на что-то. Я подрабатывал ночным сторожем, ввязывался в долги — порой совсем безнадежные — и, вконец, запустив учебу, все-таки загремел из института за перманентную академическую неуспеваемость. Паниковал жутко. Не за себя, конечно, — за сестренку. А та, перед самым моим уходом в армию, объявила, что собралась замуж за Хомяка.

Хомяка я знал давно, с детства. Он был нормальный веселый парень, правда — ужасный задира и плут. Но мне это тогда в нем нравилось. Хомяк, он даже дрался весело, без злобы. И когда мне в детстве от него перепадало, я не мог долго сердиться на Хомяка.

К тому времени Славка уже успел отслужить срочную, работал на городском холодильнике и вполне мог содержать семью. Помню, я тогда подначивал Аську:

— Какая же у тебя теперь фамилия будет? Хомячиха, что ли?

Ася фыркнула, махнула косой и рассмеялась:

— Вот еще! Свою оставлю: Аблакатова! Имею на это полное гражданское право! — снова рассмеялась и добавила.— Видел бы ты, как Славка рассердился, когда я это ему сказала. Он съест меня, был готов. А я на своем настояла.

Аська еще не догадывалась, что эта ее «победа» над Хомяком была первой и последней. И то потому только, что Хомяк больше делал вид, чем настаивал. Ему самому не слишком нравилась своя фамилия, которая совсем уж не сочеталась с красивым славянским именем Святослав. Да его почти и не называли по имени — все Хомяк да Хомяк. Любому надоест. Может быть, он и сам рад был бы сменить фамилию и стать Аблакатовым. Но он слишком самолюбив, наш Хомяк, и на любой компромисс со своей гордыней издавна хаживал, как на медведя — с рогатиной и душевной яростью. Поэтому Славка предпочитал нести свой крест до конца.

Мои проходы в армию совпали с их свадьбой, и на следующее утро я ушел на призывной пункт, спокойный за судьбу своей сестры..

Когда я вернулся, у Аськи с Хомяком уже рос сын Леха, фамилия у парня была материнская. Папаша его обзавелся «Москвичом», трудился барменом в большом и престижном пивбаре и, отрастив пучок, стал еще жизнерадостнее и наглее. Аська ревновала свое сокровище ко всем женщинам на свете, готова была пыль с него сдувать. Только Хомяк пылью не покрывался — не в его это было характере.

И вот теперь он пропал.

Делать было нечего: взялся искать Хомяка — ищи. Прикинул я все «плюсы» и «минусы», настроил бумажку на трехдневный отгул в счет сверхурочной работы и подписал ее у Иннокентия Ивановича. Старикана я еще никогда не подводил, работой моею он доволен и поэтому, поворчав для проформы, И. И. черкнул на моем заявлении свою подпись и махнул рукой — мол, аудиенция окончена.

Около часа я еще ухлопал на «Ригонду», довел ее, как говорится, до ума, остался доволен и, попрощавшись с мужиками, отправился в отгул.

— Макс, ты куда-то ехать собрался? — в последний момент окликнула меня Катерина.

— Еще не знаю. Может, и съезжу куда-нибудь.

— Заказец тогда прими! — Катерина, порывшись в сумочке, достала оттуда и протянула мне измятую четвертушку тетрадного листа. На бумажке крупными латинскими буквами было начертано: «Semen Cucurbitas».

— Заглядывай в аптеки. Средство, правда, отечественное, но подается очень редко. Встретишь — покупай как можно больше, вместе пощелкаем. Оно дешевое, тридцать копеек упаковка.

Я согласно кивнул, сунул бумажку в карман и вышел на улицу.

Морозец был под тридцать. В глаза катила зима, снег под ногами крахмально хрустел и дышалось тоже — с хрустом.

Сначала я решил заглянуть к себе, перехватить тарелку борща. По дороге завернул в аптеку на углу — нет ли там этого самого отечественного дефицита? Протянул в окошечко свою четвертушку и оттуда на меня хитренько прищурилась аптечная девушка. Есть, говорит, данное средство. Тридцать пять копеек за упаковку. И, в ответ на чек, выдает мне десяток коробок этого самого дефицита. А на каждой коробке аршинными буквами написано: «Эффективное глистогонное средство». Господи, что эта девушка обо мне подумает? Ну, Катерина! Ввела во грех!

Сложил я злополучный дефицит в портфель и только теперь разглядел на коробках русскую надпись чуть пониже латинской: «Семя тыквенное». Ну, Катерина, ты и даешь!..

Поднялся я с этой ношей к себе, засунул все в аптечку и, пока грелся на плите борщ из брикетика, сел мыслить.

Итак, налицо — пропажа Хомяка. Пропажна наглая, в которой, как пить дать, замешана женщина. Значит, он снова обманул нашу Аську. И как только можно обманывать такого золотого человека?

Ася, она же всему верит, все прощает, всех жалеет. Она с детства такая. Помню, когда ей было лет шесть, Аська притащила домой с улицы большую доверчивую крысу. Отвечая ревом на протесты родителей, она поселила Машку у себя под кроватью и пичкала ее шоколадом до тех пор, пока эта тварь не сдохла от диатеза. Вот ведь душа у человека!

А Хомяк, он все опошил. Значит, так: первый маршрут — к нему на работу. Попробую узнать, что у него за пассия объявилась. Ведь Славка своих секретов держать в тайне не умеет.

Горячую борщевую тюрю я съел без аппетита — просто замерз на улице и хотелось согреться, прежде чем снова идти на мороз.

* * *

В пивном баре «Презент» только что начался обеденный перерыв. Персонал, рассевшись за столиками, угощался ромштексами и бараньими ребрышками фри. Меня сюда пустили без лишней волокиты — я в «Презенте» не то чтобы примелькался, но был на заметке в качестве Хомячиного шурина и полезного человека. Меня уважили, посадили к общему столу и, поставив передо мной кувшин кваса и горшочек с колдунами, разделили со мной трапезу.

Потом, унося на кухню свою посуду, я остановил в коридорчике за раздаточной Павлика Пысина:

— Слушай, ты в курсе, что там наш Хомяк отчудил?

Павлик Пысин был напарником Святослава — юноша сорока неполных лет с брюшком и двумя волевыми подбородками.

— Ася прислала? — ответил он вопросом на вопрос.

— А что, у меня к нему своих дел не может быть?

— Может, — с готовностью согласился Павлик.

— Так где он?

— В Москву уехал, — ответил юноша и повернулся, чтобы уйти, сочтя нашу беседу законченной. Но только я знал, чем его можно пронять. Павлик был болезненно жаден. Слыхали анекдот: приходит жаба к врачу. «Дайте, — говорит, — мне таблеток от жадности. Только больше! Больше!..» Так вот это — про Павлика.

— Ладно, гражданин Пысин, — сказал я нарочито раздумчиво, — если вы мне не друг, то и я вам телевизора за так больше чинить не буду. А я-то, дурак, еще выгодное дельце с тобой провернуть хотел!

Вот тут-то Павлик ко мне и обернулся:

— Что ты, что ты, Макс! Я же к тебе, как к родному!

— Ну тогда слушай. Есть дело «на сто тысяч»! Знаешь собачий питомник на Ваншенке?

— Это милицейский, что ли? — в голосе юноши звучало непонимание.

— Милицейский... — я специально выждал паузу, чтобы Павлик помучился. — Так вот... Работает там один мужик. Он собакам рационы составляет. — Я фантазировал увлеченно, экспромтом. — Месяц на-

зад этот мужик сделал Хомяку предложение: за полцентнера обглоданных бараньих костей он дает породистого щенка: добермана-пинчера, бульдога или рольмопса¹ со всеми документами и родословной. А кости эти будут нужны ему регулярно. Сечешь поляну?

— Секу-у-у,—протянул Павлик, усиленно соображая.

— За месяц полцентнера костей соберешь?

— Соберу! — гораздо увереннее отозвался Пысин.—За три недели управиться можно, если надо.

— Тогда считай: в году — пятьдесят две недели. Делим на три. Это у нас получится 17,3 щенка в год. Нет, вру — меньше! Не учел твоего отпуска. Я берусь пристроить каждого щенка за полтора ста рублей. Не забывай, что они чистопородные! Значит, получаем 2445 рублей. Делим на троих. Получается больше чем по восемьсот рублей на нос. И заметь — все это за обглоданные кости!

— Ни фига-а себе-е! — разомлел Павлик от моей арифметики. Он, потев, представил себе эту сумму мелкими купюрами.—Слушай, Макс. А если мне в этом году отпуск не брать? — прошептал он в предвкушении ответа.

— Чего уж проще,—сухо заметил я, — на полста «рябчиков» больше иметь будешь — и вся разница.

И в его мысленную копилку, шелестя, слетело еще пятьдесят вожде ленных рублевок. Подбородки Павлика заходили ходуном.

— А если нам с тобой на двоих делить?! — быстро зашептал он, —Что нам Хомяк? Ведь нету Хомяка! Макс, посчитай, сколько тогда каждому придется!? Посчитай, Макс!

ИЗ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ, НЕ ПЕРЕВЕДЕННЫХ СТУДЕНТОМ МАКСУДОМ АБЛАКАТОВЫМ 22 ЯНВАРЯ 1986 ГОДА:

«...Раз, два, три, четыре, пять...—считал лорд Колвин изукрашенные смарагдами и рубинами золотые паланкины. Сгибаясь под непосильной тяжестью, их втащили в зал чернокожие рабы. Из первых трех носилок торжественно вывели любимых мопсов вдовствующей королевы, из четвертых — величественно вышла сама владычица Роканкора, из последнего паланкина ступило на мраморную мозаику пола очаровательное воздушное создание — наследная принцесса Ридина. Колвин не мог оторвать взора от ее лица.

— Подойди ко мне, о рыцарь! — промолвила вдовствующая королева, подзывая Колвина плавным жестом холеной ручки.—Поведай, чей ты сын и откуда пришел в эти земли.

Лорд сдержанно поклонился и припал к королевским перстням:

— Я жалкий изгнанник,—сказал он.—Отец мой, владетель земель Маргайтских, пал со своей дружиной в неравном бою с осадившей наш замок Голубой ордой. Я в это время был далеко от дома, в Эльсинкаре — изучал там военное искусство, получил титул «мастера клинка». Вернувшись в Маргайт, я застал там только ды-

мящиеся развалины и стаи ворон на пепелище. Теперь у меня нет дома, и я пришел послужить своим искусством твоему знамени, великая королева! Я готов принять от тебя любое испытание. Только прикажи, величественнейшая!

— Хорошо. Я испытаю тебя! — улыбнулась королева и щелкнула холеными пальчиками. Тут же распахнулись двери и четыре раба втащили в зал на цепях огромного беснующегося махайродуса. Звякнули и упали на пол его оковы. Тут же ошетинились копьями гвардейцы, чтобы уберечь свою владычицу от ярости саблезубого зверя. А тот огляделся по сторонам, роняя с морды клочья белой пены.

Отыскав взглядом налитых кровью глаз беззащитную фигуру Колвина, зверь припал к земле и прыгнул. Вытянутое в струну, мускулистое тело его рванулось к Колвину. Казалось: еще секунда — и нет ему спасения. А лорд просто шагнул в сторону, сделал молниеносный выпад и гигантская туша грянулась к его ногам.

Под гром аплодисментов Колвин нагнулся и вытащил из шерсти за ухом зверя вычурную серебряную булавку. Почтительно поклонившись королеве, он сказал:

— Вот здесь — единственное уязвимое место этой бестии, Ульв, старый мастер клинка из Маргаита, показал мне этот и многие другие приемы охоты на махайродусов... Испытай меня еще раз, о несравненная!

— А выступишь ли ты против лучника? — закусив губку, спросила королева.—Ведь лучники Роканкора — лучшие в мире!

— Со шпагой — один против восьмерых,—скромно ответил лорд и, с радостью заметив в глазах обмершей принцессы огонек сострадания, твердо добавил.—Я готов!

Из рядов гвардии вышли восемь лучников и встали напротив Колвина. Королева взмахнула кружевным платочком, и в воздухе зазвенели первые стрелы.

Шпага Колвина описала широкий полукруг, и к ногам лорда осыпались обломки разрубленных в полете стрел. Все ахнули.

Снова взмах платка, свист рассекаемого воздуха, широкий разлет лезвия и глухой стук падающих на пол обломков. Так продолжалось до тех пор, пока колчаны не опустели. Глядя на королеву, лучники лишь развели руками. Та сморщилась, а Колвин в это время подошел к своим противникам и прикончил их одного за другим.

— Я думаю, это — справедливо! — ответил он на безмолвный вопрос королевы.—Ведь они же стреляли в меня боевыми стрелами!

Все подивились силе его логики.

— Теперь я верю тебе,—сказала властительница.—Возглавишь мое войско и поведешь его в поход против Голубой орды. Эти кочевники уже начали вторгаться в мои владения. Но запомни: главное—одолеть Бустрофедона. Они — ничто без своего вождя!

— Бустрофедон? — переспросил лорд.—Знакомое имя. Кто он?

— Колдун и маг, достигший вершин темного мастерства. Он был

одним из моих подданных. Когда Орда вплотную подошла к моим владениям, я послала его в ставку Хана разведать обстановку, а если можно, то и помешать Орде вторгнуться на эти земли.

Уже через месяц Бустрофедон занял престол Орды, но не повернул свою армию назад, а продолжил набеги на земли Роканкора с еще большей наглостью. Мне донесли, что Бустрофедон стал обладателем Кольца Власти, которое делает сильного непобедимым, а слабого подчиняет своей воле. Колдун знает об этом свойстве Кольца и пользуется им лишь в самых крайних случаях. Кольцо спрятано в замке Рюр. Там его стережет один из князей Орды — Сеглан-хранитель. Отняв Кольцо у кочевников, ты обратишь Орду в бегство. Если это случится, я пожалую тебе титул герцога и женю на своей дочери со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Да, я сделаю это! — твердо сказал Колвин, ища взглядом зардевшееся личико прекрасной принцессы.—Голубая орда прахом ляжет у твоих ног, о королева!

— Ну и чудненько! — ответила та, окидывая лорда оценивающим взглядом.—А пока проявите галантность, сударь, прогуляйтесь по садику с ее высочеством!

Светило солнышко, пели птички. Лорд Колвин шел по тенистой аллее, держа в руке пальчики своей любимой. Чтобы завязать разговор, он рассказал Ридине пару солдатских анекдотов, из тех, что каждый понимает в меру своей испорченности. Ридина не поняла абсолютно ничего, и лорд был безмерно этому счастлив.

Но вот только долго ли продолжится это счастье? Сколько лет, дней, часов, мгновений?..»

* * *

— Нисколько! — отрезал я холодно.—Или трое в доле, или ни одного! Во-первых Хомяк — муж моей сестры и благосостояние его семьи мне не безразлично. А во-вторых,—я смягчил тон и даже хитро подмигнул Павлику,—только Хомяк знает в лицо того дядьку. И дядька пойдет на связь только с Хомяком. Теперь понял, почему я ищу Святослава? Я людям щенков наобещал, мне на работу назначают, деньги носят. А товара нет. Не подскажешь, где Славку искать, — плакали наши денежки. Так где же он?

— Макс,— проникновенно сказал Павлик,— так ведь я и правда не знаю!

— Может, он у девчонки своей отсиживается? — закинул я удочку.

— Может...—в голосе юноши звенело сомнение.—А у которой?

— У Люськи,—брякнул я наобум.

— Во! Иди к Люське! — обрадовался Пысин.—Он наверняка у нее!

— Схожу! — обрадовался я.— Ты адресок знаешь?

— Не-а. Я ее и саму-то не видел ни разу!

— Так с чего ты взял, будто Хомяк у нее?

— Ты же сам сказал...—обиделся юноша.

— Та-ак... Значит, не у Люськи.

Правду говорит народ: простота хуже воровства. Теперь вы поняли, почему я упорно величаю этого толстого и лысого недоросля «юношей»?

— А может, Хомяк у Любки?

— Может, и у Любки,—охотно согласился со мной Пысин.

К этому моменту я уже кипел изнутри.

— Павлик, друг мой,—сказал я, еле сдерживая ярость,—ты видел хотя бы одну Славкину подружку? Нет? Ты слышал от него хотя бы одно женское имя?

— Сто раз! — обиделся Павлик.

— Ну и что Хомяк говорил тебе о своих женщинах?

— Он говорил, что он — не промах,—серьезно ответил Павлик, и мне захотелось надеть ему на голову кувшин.

— Ты, я думаю, в ранней юности тоже был не промах,—боюсь, что в моих словах в этот момент было мало убежденности.—А сейчас-то... сейчас Хомяк с кем гуляет? Подумай, маленький, и ответь!

— А сейчас его семья заела,—охотно зазвучал Пысин.—Мы со Святославом люди семейные, мы с ним копейку в семью несем. Я думаю, Макс, нет у него постоянной подружки. А мимолетные его амурсы я не считал и в протоколы не вносил.

— Так где же он тогда?² — версия супружеской неверности Хомяка давала трещину.—Выкладывай, Павлик, что здесь произошло интересного на прошлой неделе?

Пысин начал старательно вспоминать. С минуту он молча шевелил губами и пальцами, мычал и мекал. Потом изрек:

— В понедельник нам аванс платили, в среду вечером в зале драка была — Хомяк шпану разнимал. В четверг утром я ему икону продал, в пятницу он с директорского телефона в Москву звонил по междугородке. Вот и все, пожалуй.

— Та-ак,—сказал я,—давай по порядку! Аванс вы получили обычный? Ни больше, ни меньше?

— Конечно, обычный! — ответил Пысин с явной обидной на аванс.—Аванс — он аванс и есть!..

— Понятно. А драка? Знакомые дрались или пришлые?

— Да Игореха Зуев с чужими связался. Завзлом милицию вызвала. Чужих замели, а Зуева Хомяк через служебный ход выпустил. У них с Зуевым какие-то дела. Ты же знаешь...

Я знал. У меня с Игорьком одно время тоже были кое-какие дела. Но вряд ли эти события могли стать причиной пропажи Хомяка.

— Так, теперь — икона. Что это была за икона?

— Икона как икона. На доске. В четверг, как только мы открылись, подошел ко мне в «предбаннике» мужичок. С похмелья. Это ведь сразу заметно. Денег, говорит, нет — возьми икону. Хорошая, говорит, вещь. Крепкая. А сам за нее только комплекс с пивом и попросил. Ну, думаю, почему бы мужичку не помочь! Взял икону,

поставил ему два литра пива да бараньи кости. Тот выпил, съел и ушел. Я иконку сначала домой решил унести. А Хомяк: продай да продай. Вот и уступил я ему эту доску за четвертную, себе в убыток. Мне, Макс, деньги нужнее!

Кажется, вот она, зацепочка!

— А что за икона? — всеми силами пытался я не показать своего интереса.

— Во-от такая доска,— отмерил Павлик пухлыми лапками изрядный кус воздушного пространства.—Нарисован стол и три бабы. На столе рюмка стоит. И вообще — икона как икона.

Что-то смутно напомнило мне это описание. Вот только что?

— Старая была икона? — спросил я осторожно.

— Да,—ответил Павлик, — грязная. Эх, не догадался я ее сначала «пемоксолью» отшоркать! Тогда бы меньше чем за три «красненьких» ее Хомяку не отдал!

— А человек тот, что икону принес?..

— Мужичок этот мне не знакомый. Лет ему, этак, шестьдесят с хвостиком. Невысокий такой, тебя пониже. В сером пальто с каракулем. Такие пальто в шестидесятых годах были модными. А под пальто у него старые галифе и свитер. Да я толком его и не разглядывал.

— А кому Хомяк в Москву звонил, ты не знаешь?

Пысин этого не знал, а я вот — догадывался. В столице у Славки был только один приятель.

Окончился обеденный перерыв. В зал пивбара ввалилась первая партия жаждущих любителей.

— Павлик, у тебя клиенты! — кинула, проходя мимо нас, грандама — завзалом.

Пысин дернулся было уйти, но вернулся и свистящим шепотом спросил:

— Макс, а зачем ему кости? Ну тому... дядьке из питомника?

— Темнота! — ответил я.—Собакам мясо положено. А кости-то бараньи! Сечешь поляну?

— Секу! — все еще шепотом ответил Павлик и бодро зашпешил, махнув мне на прощанье рукой. Только не в зал, к клиентам, а на кухню — к бачку с пищевыми отбросами. Там ему и было самое место, по-моему.

Глава вторая

«ТРИ МУЖА В ОДЕЖДЕ ПУТНИКОВ»

— А, это ты...—сказала Ася, открыв дверь.

— Опять плакала?

— Вот еще!—всклинула сестренка.—Плакать еще из-за этого кобелины!—И, уже не сдерживаясь, убежала, рыдая во весь голос. Я нашел ее в комнате на диване, сел на краешек и, погладив

сестренку по гладким черным волосам, сказал как можно более убедительно:

— Я узнал это точно: женщины здесь ни при чем!—Конечно же, полностью в этом я был не уверен. Только Аське вовсе не нужна была сейчас объективная истина — сердце ее жаждало успокоения. — Я был у Славки на работе и допросил с пристрастием его напарника, Пысина. Ты ведь его знаешь... Так вот — у Славки нет и не было кроме тебя ни одной женщины. Иначе я узнал бы!

— Так куда же он подевался-то? — сквозь слезы запричитала моя Аська, но что-то в ней уже изменилось.

— А вот это мы с тобой сейчас и попытаемся выяснить! Давай, пои меня чаем, и мы с тобой подумаем вместе, в какую щель наш Хомяк забрался.

Ася уже снова почувствовала себя хозяйкой, сбегала в ванную — плеснуть в лицо воды, потом — на кухню, погреть чайником.

— Слушай, Ась,—кликнул я ее как можно более беспечно,— Хомяк никакую икону домой не приносил?

— Приносил,—ответила она из кухни.—Грязную такую. Совсем сдурел: выпросил у меня замшевый лоскут и полвечера ее, словно кошку, оглаживал, чистил... Тебе с каким вареньем, с брусничным или с рябиновым?

— С брусничным. А где икона?

— Загляни под диван. Он туда ее сунул.

Я полез под диван. Аська вся в маму — отличная хозяйка. Под диваном не было ни пылинки. Но и иконы, к сожалению, тоже.

Только теперь я убедился, что женщины к Хомячиному исчезновению действительно не были причастны. Святослав не из тех, кто дарит своим пассиям древнерусскую живопись. Хомяк исчез вместе с иконой — значит, она того стоила.

Ася пригласила меня к столу и я, пожертвовав собой ради сестры, самоотверженно добавил к тому квасу, что уже плескался у меня в желудке, стаканчик крепкого чая с пряником.

— Итак, Асенька, расскажи об этой иконе поподробнее!

Сестренка вздохнула отзвуком недавних слез и налила мне еще стаканчик. Я отважно пригубил чай и посмотрел на Аську в ожидании.

— Икона была большая, размером почти с журнальный столик. На ней нарисованы три ангела с крыльями. За чаепитием. По-моему, там даже самовар стоял. На иконах бывает золотой оклад, а на этой его не было. Самая что ни на есть обычная икона. Я такие сто раз видела.

Я со вздохом допил чай, и сестренка налила мне третий стакан. Потом она мыла посуду, а я пошел в комнату, булькнув желудком, присел на диван и осоловело начал разглядывать корешки книг в шкафу напротив.

Года два назад Хомяк приобрел польский гарнитур «Жилая комната». В комплект входил и книжный шкаф. Славка самозабвен-

но занялся его заполнением. Сперва он накупил в магазинах целую кучу совершенно не нужной ему публицистики. Эти книги, попав на полки, придали шкафу обжитый, но не слишком-то солидный вид. Нынче, в эпоху книжного бума, когда гарнитуры «Жилая комната» есть в каждой преуспевающей семье, такие несолидные шкафы не уважают. И тогда Хомяк совершил самоотверженный поступок — за два года он заполнил полки шкафа сверхдефицитом, ежемесячно тратя свою богатую заначку от жены только на книги. Все добытое он мужественно прочитывал, а вытесненную с полок публицистику щедро раздаривал сослуживцам, завоевав тем самым в коллективе славу мецената и бесребреника.

И вот сейчас, рассматривая пестрые корешки, я наткнулся взглядом на один, который привлек мое внимание. Я снял книгу с полки и раскрыл ее.

«Жил старый кочевник Авраам, и давно было ему дано обетование, что станет он родоначальником целого народа. Проходили годы, состарились он и его жена, и уже по законам естества не могло быть у них потомства. И вот однажды, когда сидел он на пороге своего дома в Мамврийской дубраве, в полуденный зной явился к нему сам бог. Невидимое, непостижимое, не имеющее образа божество, для общения с человеком принявшее вид трех путников.

Три мужа в одеждах путников с посохами подошли к шатру гостеприимного старца. Он пригласил их за трапезу. Жена месит муку, чтобы испечь хлебцы, слуга-отрок закалывает тельца, хозяева подают к столу угощение...» А через две страницы — фотография.

— Это — та самая икона? — спросил я Аську.

Она молча кивнула. Я присвистнул. Такого просто не могло быть. «Троица» Андрея Рублева — народное достояние и хранится в Москве, в Третьяковской галерее. Уж не туда ли укатил с иконой наш Хомяк?

— Ась, у вас нигде не записан телефон этого... ну... московского Славкиного приятеля?

— Васи Акулова, что ли? Да был где-то! — сестренка порылась в ящике трюмо и вытащила оттуда большой потрепанный блокнот. — Тут у нас адреса и телефоны друзей. А... А... Акулов. Василий. Вот тебе и адрес, и телефон.

Я тщательно переписал их в записную книжку и, поинтересовавшись, не появились ли у Хомяка в столице новые приятели, распрощался с сестренкой.

— Ты мне верь. Я найду его! — сказал я с порога.

Дальнейший мой маршрут предугадать было бы легко: на троллейбусе доехал до почтамта и заказал разговор с Москвой, с Василием Акуловым. Об этом человеке я знал только понаслышке. Хомяк служил вместе с ним на подводной лодке и не прерывал армейской дружбы вовсе не потому, что Вася жил в столице. Славка был способен на настоящую дружбу.

Меня вызвали в кабинку, и я услышал голос москвича.

— С вами говорит родственник Святослава Хомяка. Брат его жены,—кричал я в трубку. Слышимость была неплохая, но стереотип поведения на переговорном пункте требовал, чтобы я именно кричал.—Святослав уехал в Москву. Он к вам не заглядывал?

— Вот ведь подлец! — возмутился в трубке бархатный баритон.—Совсем недавно я говорил с ним по междугородному, так он и словом об этой поездке не обмолвился. Я его в гости звал, а он все отнекивался — не скоро, мол, в белокаменную выберусь. А сам поехал, и ко мне ни ногой... Обидел меня Славка!..

Мне пришлось срочно спасти Хомячину репутацию:

— Так его же неожиданно в ваши края послали. Опыт перенять. И даже не в саму столицу, а в Одинцово — там у них курсы по повышению квалификации. Так что не сердитесь на него! А появится — передайте Славе, что жена просит привезти растворимого кофе. Банок этак... гм... восемь — десять. Хорошо?

— На всю XII пятилетку? — сострил мой абонент.—Передам.

— Да, кстати, как там с иконой? Он ведь так и не успел мне рассказать подробности! — рискнул я спросить напрямик. Вряд ли Акулов с Хомяком в сговоре.

— Так это для вас было нужно?

— Конечно, для меня. Для работы! — я шел ва-банк.

— Тогда слушайте. Когда он ко мне позвонил, я вооружился рулеткой и пошел в Третьяковку. Но измерить размеры иконы мне не удалось... Вместо нее висела табличка «на реставрации». Когда на следующий день я позвонил Хомяку на работу и сказал ему об этом, Святослав страшно разволновался. Даже по телефону чувствовалось, как он взволнован.

Меня, признаться, прошиб холодный пот. Неужели в руках Хомяка оказалась подлинная икона кисти Андрея Рублева? Табличка «на реставрации», как мне казалось, никого ни к чему не обязывала. Ее могли повесить и на месте похищенной иконы. Ведь нам с вами не нужны нездоровые сенсации. Нам подавай сенсации здоровые!

— А вы точно знаете, что это была именно «Троица»?

— Конечно! Ведь другой такой нет.

Другой такой, действительно, не было. Я сердечно попрощался с москвичем, поблагодарил его за услугу, оказанную не мне, и, сам не свой, вышел на улицу. «Три мужа в одеждах путников». Ишь ты! — сказал я сам себе, задрав голову в морозное небо.

Вернулся к Аське. О разговоре своем с Москвой я ей, конечно, рассказывать не стал. Вместо этого я помог ей приготовить ужин и повесить новые шторы. Ася ушла забирать из детского садика сына, а я тем временем приводил в порядок свои мысли.

Дело складывалось нешуточное. Проверить, точно ли «Троица» Рублева находится сейчас на реставрации или была невероятным образом украдена пресловутым пысинским мужиком в галифе — не представлялось никакой возможности. Даже если ее и украли, то

«Об этом знают лишь компетентные товарищи, которые мне этого секрета не откроют³. Но вот, зато, когда какой-нибудь милицейский старшина Иванов задержит моего Хомяка с украденной иконой, в газетах об этом напишут обязательно, а может — и снимут даже документальный фильм, потомкам в назидание, так сказать.

Мы с Аськой, а точнее — я, оказались в крайне дурацкой ситуации: с одной стороны — икону нужно вернуть государству, а с другой — сделать это так, чтобы Хомяк не погорел. Мне ведь совсем не хочется, чтобы из-за мужниной дурасти Аська в расцвете лет стала «соломенной вдовой»!

— Господи, какой же он дурак! — думал я о Хомяке. — В какую авантюру вляпался! И я тоже хорош. Ведь не раз же сиживал со Славкой за стаканчиком с пряником и слушал его разглагольствования:

«Мы, Макс, с тобой люди честные. Только что это за штука — честность и кто возьмется это понятие сформулировать? Вот скажи мне: «Залезь кому-нибудь в карман!» — так не залезу ведь, хоть убей. И человека перед другими оклеветать... на это мы с тобой не пойдем — противно. А вот, представь: идешь ты по улице и видишь — миллион на дороге лежит. Подбирай да жизни радуйся. И в карман никому лезть не нужно, и фарт жирный сам к тебе привалил — тогда как? Если просто подойти и взять? Не воровство же это! Вот ты головой мотаешь и даже не подозреваешь, что ты — чистоплюй. А моя, брат, совесть миллиона не стоит!»

Да, такие люди, как Хомяк, никогда не сдадут государству найденный на огороде клад, отысканный в тайге золотой самородок или оброненный кем-нибудь на дороге миллион. Такой не украдет. Но может купить заведомо украденное. Нет, не для того, чтобы перепродать или нажиться — просто так, для себя. Он никогда не был щепетильным и, бывало, страдал по этой причине. Но не менялся. Он вообще, как это принято говорить у литературоведов, был «статичным персонажем без малейшей динамики образа». Помню, был такой случай...

Построили в нашем городе новый драмтеатр, симпатичное, современное здание. Облицевать решили его мрамором. Вызвали специалистов из столицы, те потихоньку пилили этот мрамор на плиты и работали, кропотливо, без суеты. Рабочие напилили множество плит, а устанавливать их в таком же темпе не успевали. Вот мраморные блоки и мокли под уральским дождиком. Хомяк этот непорядок заметил, соблазнил ночного сторожа нехитрыми благами ближайшего гастронома и вступил в права незаконного владения тридцатью мраморными плитами. Всю ночь он их со стройки перетаскивал.

Обретя мрамор, Хомяк задумался, куда бы его употребить. В первую очередь он украсил мрамором могилу своей незабвенной бабушки, из одной плиты выдолбил пятикилограммовую пепельницу, а остальным нашел довольно нетрадиционное применение — облицевал стены своего туалета. Помните анекдот: «А у Сидоровых даже

унитаз золотой»? Так вот, у Хомяка все удобства стали из мрамора. И он же от этого и пострадал, ведь наши с вами коммунальные удобства вовсе не рассчитаны на такую облицовку. С некоторых пор Славка мог втискиваться в соответствующее помещение только боком. А потом пришла и расплата. Самодельный раствор, на который Святослав крепил мрамор, сдал свои позиции. Это напоминало падение Вавилонской башни: Хомяк ворочался под тяжелыми плитами, упрекая себя за опрометчивую сделку с ночным сторожем. А потом выбросил эти булыжники на помойку. Такой вот у нас Хомяк.

Теперь его нужно разыскать, отобрать икону и объяснить, глупому, чего может стоить семье его авантюра. Но попробуй отыщи этого Славку!

Вернулась Ася с Алехой. Пока мать грела для пацана ужин, тот с шумом и гудением возил по ковру игрушечную пожарную машину. Об отце он не вспоминал — ему было хорошо и без этого.

Я вышел на кухню и спросил сестру:

— К вам никто не приходил в гости перед Славкиным исчезновением?

— Приходили, — ответила Аська, помешивая ложкой молочную лапшу. — Ты приходил, а потом — этот паршивец Зуев. Они заперлись у Славки и о чем-то спорили. Славка ему еще икону показывал.

После ее слов мне почему-то очень захотелось увидаться с Игорьком Зуевым. Уж не в его ли квартире пьют сейчас свою вековую чашу «три мужа в одеждах путников»?

Глава третья

ПЯТЬ РУБЛЕЙ ЗА КИЛОГРАММ

Из-за обитой дерматином двери слышались музыка и хриплый магнитофонный голос старательно выводил:

«Помню, в детстве я приучен был к стаканчикам.
Молочком меня из них поила бабушка.
Симпатичным и послушным был я мальчиком
И любил играть я с бабушкой в «ладушки».
Бабка щедро наполняла мне стаканчики
Рыбьим жиром, киселем да простоквашею,
И поэтому я крепким рос пацанчиком...»

Я решительно нарушил звонком магнитофонный интим и, чтобы не проигнорировали, не отпуская кнопку довольно долго.

«Ах, веселые, граненые стаканчики!
В вашем звоне узнаю я ресторанички.
Ваша музыка, как лучшее лекарство.
Вы — министры винно-водочного царства...» —

спели мне доверительно из-за двери, и звякнувшая щеколда открыла мне благородный лик хозяина квартиры, носившего в раннем детстве кличку «Пиява».

Игорь несколько секунд смотрел на меня мутными очами, потом растянул тонкие губы в улыбке, показав четыре золотых зуба, и откинул разделяющую нас цепочку.

— Я иду встречать скотину, а господь мне вас послал! — жеманно хихикнул он, пропуская меня в прихожую.—Сколько лет, сколько зим!

— Да не так уж и много,—буркнул я, вытряхиваясь из шубы.

Мы прошли в комнату. Там, за раздвинутым столом, уставленным нехитрыми закусками и бутылками с демонстративно безалкогольными наклейками, сидели три мужа в одеждах путников и столько же девиц в более легких нарядах. Все они смотрели на меня.

ИЗ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ, НЕ ПЕРЕВЕДЕННЫХ
СТУДЕНТОМ МАКСУДОМ АБЛАКАТОВЫМ
22 ЯНВАРЯ 1986 ГОДА:

«...Волшебнику Бустрофедону было не до вражеского войска, осадившего цитадель. С самого утра он был поглощен работой — ставил серию научных опытов.

В вольер, где содержался крупный самец единорога⁴, помещали юную девственницу. Животное, как правило, вело себя в подобных случаях спокойно, ело траву.

Потом девственницу извлекали из вольера, отдавали на поругание полуроте дворцовой охраны и после этого вновь помещали к единорогу. Как правило, жертва бывала растерзана им в течение получаса. Точно таким же образом единорог реагировал и на появление в вольере престарелой вдовицы, которая принесла ему кусочек ячменной лепешки. Лепешкой единорог, впрочем, тоже не побрезговал.

Бустрофедон делал в своем журнале наблюдений очередную запись, когда над его головой пролетел и со страшным грохотом разбился о стену угловой башни огромный валун, брошенный осадной катапультной противника.

Это Колвин пошел на штурм крепости.

Лорд ворвался в крепость одним из первых. Он вскарабкался на стену по легкой приставной лестнице, с отяжкой полоснул шпагой поперек груди ближнего из встретивших его наверху вражеских воинов и тут же вступил в поединок сразу с тремя.

Внизу трубили трубы. Это шла на приступ гвардия Роканкора. Со всех сторон звучали вопли сражающихся, и воинственное ордынское «нга-нга-нга-нга!» мешалось в посвежевшем воздухе с боевым кличем воинов Колвина.

Один за другим полетели со стены противники лорда туда, где таяко било в ворота стенобитное орудие. И вновь — крики, звон клинков, стоны и сдавленная разноязыкая ругань раненых.

Колвин фехтовал с очередным противником. На сей раз это был рослый ордынский сотник, плоское остроносое лицо которого выдавало в нем уроженца Кугланских гор. Сотник ловко управлялся с «абушу» — «драконьей челюстью» — традиционным и причудливым оружием горцев. Но Колвин был искуснее в рукопашной схватке. Хладнокровно уворачиваясь от многочисленных сверкающих лезвий «абу-

шу», он неумолимо теснил противника к краю стены и, наконец, завершив поединок блистательным ударом, ступил на лестницу, ведущую внутрь цитадели, к улочкам и площади, густо уставленной походными кибитками ордынцев, так и не решившихся поселиться в каменных домах захваченного ими городка.

Лорд шел по крепости, поминутно обагрив свой клинок кровью врагов. Он полностью отдался одной цели — разыскать отступника Бустрофедона. Все ближе и ближе была Башня Мрака. Полурота дворцовой охраны держалась до последнего. Однако Колвину показалось, что вражеские солдаты были слишком утомлены, атаковали вяло, охотнее уходя в оборону. За это они и поплатились.

Окинув башню пылающим взором, Колвин увидел своего заклятого врага. Бустрофедон, мрачный, закутанный в прожженный кислотами и адским пламенем черный плащ, стоял на балкончике второго этажа, сжимая в одной руке истрепанный фолиант, а в другой — жезл, увенчанный головой грифона.

— Что, дрожись, коварный враг?! — прокричал ему Колвин, переступив через труп очередного противника. — Я принес тебе смерть на острие моего клинка! Если ты не трус, выходи! Мы сразимся в честном поединке! Выходи, подлый трус, и мы скрестим шпаги!

Все так же молча, колдун взшел на перила балкончика и прыгнул вниз. Колвин приготовился встретить его в полете и уже занес для удара шпагу. Однако Бустрофедон, зацепившись за перила своим дырявым плащом, повис у него над головой, нелепо раскачиваясь в воздухе. И тогда неожиданная жалость к беспомощному противнику остановила карающую руку справедливости. «Какая жалость, — промолвил Колвин, — висит высоко — шпагой не дотянуться!»

А колдун, не потерявший самообладания, взмахнул черным жезлом, и на Колвина упали невидимые клейкие нити, опутали его со всех сторон, сковали движения. А в воздухе уже звучал протяжный стон медной сурны, оповещавший Орду о том, что атака на крепость отбита. «Пленен! — понял Колвин. — И теперь...»

* * *

— А теперь я имею честь представить вам месье Макса де Аблатофф! — ерничал Игорек. — Кстати... это именно он починил мне стиральную машину!

На слова бывшего Пиявы мужская половина застолья разразилась бурными аплодисментами, переходящими в продолжительную овацию. Мне стало странно: не так давно я действительно переделал для Игоря машину «Малютка». И только-то. Так что овация была явно не по заслугам. Рыжие девы смотрели на меня с плотоядным интересом, а одна из них, пухленькая и довольно интересная, смело окрашенная под гиену, указала мне на место подле себя.

«Каждый — сам кузнец своего счастья. Пойди — накуй!» — красовался над ее головой написанный корявыми буквами длинный бумажный транспарант. У Игоря с детства была необъяснимая тяга к громким лозунгам.

Мне вымыли тарелку, поставили стакан и, пока магнитофонный певец исповедовался перед нами в грехах своей беспутной юности, плеснули в этот стакан гранатового сока.

— А у нас сегодня торжественное событие! — сказал Зуев, чокаясь со мной стаканчиком.—Ульяна учится пить одеколон.—И он кивнул в сторону темнотой девицы, которая, неестественно прямо сидя за столом, смотрела на мир выпуклыми стеклянными глазами.

— Итак, леди энд джентльмены, дамы и господа, товарищи и... товарищи! — В Ульянин фужер был опустошен флакон «Шипра», а вода из чайника превратила содержимое фужера в противные белесые помой.—Поехали!

Емкости с хлюпаньем опустели. Ульяна опустошила свою последней и, раскрывшись над столом, словно перочинный нож, покачиваясь, ушла в прихожую. «Эта уже готова!» — подумал я, глядя ей вслед.

«А теперь я записался в стариканчики,
И друзья мои — клопы да тараканчики,
Позабыл давно дорогу в ресторанчики».

Игорь Зуев любил жить красиво. Когда-то мы учились с ним в одном классе, потом поступили в один институт, из которого он, впрочем, тут же вылетел. Гораздо раньше, чем оттуда выставили за академическую неуспеваемость и меня. Игорь был сыном полковника, но в последнее время его отношения с семьей сводились, в основном, к тому, что он позволял родителям оплачивать кооператив, который те для него построили.

В армии он не служил — отсиживал свой год за угон автомобиля, который однажды по пьянке перепутал с папашиним. А жаль — там бы его пообломали!

— Ника! — представилась моя соседка-гвиенка.—Это значит Ника. А ты действительно — Макс по паспорту? Как интересно!

— Как же, держи карман! — вмешался Игорек.—Месье Аблакатов у нас по паспорту Максуд. Не Макс и не Максим какой-нибудь задрипанный. Месье у нас по паспорту татарин.

— Ой, как интересно!..

Это, конечно, мне искренне наплевать, кто я по паспорту, и я вполне понимаю таких людей, как мой отец, который настоял, чтобы его сыну вписали в паспорт национальность матери. Но такие вот ужимочки в зуевском духе просто отвратительны. Реагировать на них я не стал, только подумал, что когда придет время бить морды шпане, Игорьку достанется и за это.

— Кстати, о птичках,—глупо хихикнул один из малопочтенных

«джентльменов», сидевший напротив меня,—слушайте анекдотец. Тундра. Посреди этой тундры в сугробе сидит чукча и ест ананас, а вокруг него бегают другие чукчи...

Все ржали до упаду, а когда кончили, я кашлянул и сказал:

— Зря вы так! В нашей роте служил один чукча. Так это был умный и рассудительный парень, к тому же — очень трезвого поведения!

Моим словам застолье обрадовалось еще больше, чем анекдоту.

— Ну, ты даешь, Макс! — неслось со всех сторон.—Ну, с тобой не соскучишься!

А Ника-гиенка уже ласково терлась щекой о мое плечо. В комнату вернулась побледневшая, осунувшаяся Ульяна и стала лечиться остатками лимонада.

«К черту медиков и их советы вечны!
Я не буду больше пить бурду аптечную!
Лучше выпью я стаканчик русской водочки,
Астраханскую закушаю селедочкой!
Ах, веселые граненые стаканчики!
Вы вселяете надежду в стариканчика...»

— Уля, ты забыла? Ведь сегодня ты пьешь только одеколон! — укорил виновницу торжества Игорек и, мягко отобрав у девушки стакан, начал лечиться сам. С каким бы удовольствием я забил этот стакан ему в глотку! Сдерживала меня только мысль об Аське и Святославе.

— Есть дело. Выйдем на кухню,—сказал я негромко этому подонку. Игорек кивнул, поднялся и пошел из-за стола по ногам, опрокидывая пустые бутылки, притаившиеся под стульями. Я — за ним, заметив краем глаза, что предусмотрительный Пиява прихватил со стола длиннозубую мельхиоровую вилку. Хорька видно по повадке.

— Ну, чего тебе? — спросил он мрачно, когда мы прикрыли за собой кухонную дверь.

— Только ты меня и сможешь выручить! — я попытался придать своему голосу как можно более беззащитное и наивное выражение.— Понимаешь, Хомяк пропал. А ведь вы с ним корешились. Может, он собирался куда-нибудь? А тут еще икона какая-то...

— Предлагал он мне эту икону,—лик Пиявы тоже вдруг расцвел, вовсе не свойственным ему добро- и простодушием.—Только Славка столько заломил за нее, что я отказался. Порекомендовал я ему одного денежного типа. Хомяк пошел к этому типу, и я Хомяка больше не видел.

— А что за тип? — поинтересовался я.

— Да грузин один с колхозного рынка. Гиви его зовут. Пойдешь к нему спрашивать?

Я кивнул.

— Думаю, ты его сразу узнаешь,—с готовностью выпалил Игорек,—у него шапка пошита из енота. Ни с кем не путаешь. Не мужик, а денежный мешок. Только без пароля он с тобой просто раз-

говаривать не станет. У тебя хорошо с деньгами? Придется чуть раскошелиться. Возьмешь два ведра и пойдешь на базар. Там разыщешь Гиви, подмигнешь ему сначала правым, а потом и левым глазом. Потом купишь у него два ведра грейпфрутов. Не перепутай только: грейпфрутов, а не картошки! Расплатишься с ним, как положено, и только потом спрашивай его о чем пожелаешь!

«Пароли какие-то,—подумал я,—того и гляди на шпиона наврешься или на предателя родины. Надо бы с ним поосторожнее!».

Совсем мне перестало нравиться предстоящее мероприятие. А Игорьек уже снова тащил меня за стол. Только я отказался и покинул эту компанию, провожаемый грустным взглядом Ники и золоченой ухмылочкой Зуева. Век бы мне этой рожи не видывать!

— А ты поостерегись! — сказал я Игорьку на прощание.—Эти твои штучки с одеколоном дурно пахнут. Ульяна, хоть и длинная до неприличия, а восемнадцати ей явно еще нет. За спаивание таких деточек законом конкретный срок выдается, и я тебя покрывать не намерен!

— А я что? — ответил Пива.—Я ей в рот не наливаю. Сама пьет, дура! А мы только смотрим. Развлечение у нас сегодня такое — смотреть, как Ульяна одеколон пьет...

* * *

Сам не знаю почему, но переночевал я у Аси, на кухне, на раскладушке. Мне казалось, что так она будет меньше нервничать из-за Хомяка. Но она все-таки нервничала и плакала всю ночь.

На утро был назначен визит на колхозный рынок. В восемь утра, за чаем, я машинально повторял про себя: «Гиви... шапка из енота... новенькая десятка...» В чем-то Зуев меня обманул.

Вот только в чем? И тогда я решил вернуться к Игорьку и устроить ему допрос с пристрастием. Может, все-таки удастся выведать у него правду.

Красноглазая, как кролик, Аська собирала сына в детский сад. Я улыбнулся ей ободряюще, влез в шубу и вышел из дома. За ночь деревья покрылись свежим инеем, прохожие прятали в воротники разноцветные носы, а на придорожных сугробах сидели нахохлившиеся от холода молчаливые воробьи.

До Зуева было два квартала. Я одолел их, не успев как следует замерзнуть. Поднялся по лестнице, позвонил в знакомую дерматиновую дверь. На звонок не открыли, но дверь подалась от прикосновения моего локтя. Я вошел в куцую прихожую и деликатно кашлянул, предупреждая о себе. Отсюда был виден уголок стола с остатками вчерашней пирушки, в воздухе застоялся густой запах одеколона. Поставил ведра, вошел.

Комната плавала в сумраке. Я щелкнул выключателем. На полу, между столом и зеркалом, ничком распластался Игорь.

Мне еще ни разу не приходилось видеть у людей мозги поверх

прически, но здесь с первого взгляда было понятно, что правды от Игорька мне услышать так и не доведется.

Я сел где стоял, борясь с подступающей тошнотой. Весь мой недавний пыл бесследно улетучился. Уйти бы сейчас из этого страшного места, да куда скроешься? С минуту сидел я, противно потея, с закрытыми глазами и тряс головой. Потом думал. Вчерашние мальчишки-девчонки могут и на меня показать в случае чего. С них станется. Значит...

Стараясь унять противную дрожь в руках, взял со стола и тщательно вымыл под краном свои вчерашние бокал и тарелку с прилипшими к ней остатками салата. Протер шарфом дверные ручки, которых касался руками. Не хватало мне только обвинения в убийстве! Так, что еще? Взяв со стола флакон с недопитым «Шипром», я выцедил его на сиденье стула. Теперь и овчарки меня не унюхают! Пустой пузырек — в карман. А в пепельнице я, помнится, вчера оставил окурочок... Кажется, все!

Стараясь не смотреть на труп, на багровые сгустки в светлых волосах, я по крещу ковра прошел в стальную. Там на широкой кровати разметалась в тяжелом одеколонном сне Ульяна. Потоптавшись на пороге, вернулся в комнату. Вот, значит, как... Игорька я никогда не любил, с ним был связан далеко не самый приятный отрезок моей биографии. Но я знал его с детства, а друзей детства терять всегда тяжело, даже если они тебе и не друзья больше.

Я уже стоял в дверях, когда меня пронзила неожиданная мысль: «А ведь ты поступил, как скотина последняя, Максуд Александрович! Милиция все равно будет тебя искать — не прошел незаметно в компании твой вчерашний визит, и доставишь ты только лишнюю морочу и следователю, и милиции». Это заставило меня вернуться в комнату. Двигаясь, как сомнамбула, я зацапал потными руками зеркало и полированный стол, шкаф и экран телевизора, перетрогал все бутылки и рюмки. Нет, никто не обвинит меня в трусости и подлости! Вот так.

Из автомата на углу я позвонил в милицию. Будет лучше, если оперативники приедут до того, как проснется Ульяна. А то наделает дедка каких-нибудь глупостей.

— Ваша фамилия? — раздался в трубке голос выслушавшего меня милиционера.

— Аблакатов, — ответил я и скорее повесил трубку. Сомневаюсь, что мои показания помогут следствию, а мне ведь еще надо Хомяка искать!

Вряд ли избавиться мне сегодня от гадкого чувства. Но Зуева я не жалел ни минуты. Дрянь был парень. Когда перед уходом в армию я оказался в безвыходном, по моему мнению, положении, Игорек предложил мне долю в своем «деле». В те годы в самом разгаре был джинсовый бум, и Зуев, вовсе не обделенный от рождения предприимчивостью, делал на штанах свой маленький бизнес. Он тогда вкалывал разнорабочим в типографии и завел там нужные зна-

комства. По его просьбе молоденькая дурочка из цинкографии изготвила для него клише с рисунком «лейбла» фирменных джинсов «Вранглер». Почему я назвал эту девицу дурочкой? Да потому, что, вкусив запретного плода, она начала изготавливать для себя на работе всякую всячину и на этом погорела. А Игорек остался в стороне, чистеньким. Ничто не мешало ему делать оттиски с этого клише на коже, а готовыми «лейблами» украшать зады дешевых польских джинсов. Фирменные «флажки» вышивала ему гладью другая дурочка. Таким образом, Игорек имел с двух дур приличный капиталец. Впрочем, почему только с двух? Ведь те, кто выкладывал за зувский «самопал» по две сотни, были нисколько не умнее подружек Игорька. Да и я был ничем не лучше этих недоумков, когда взялся за двадцать процентов с оборота продавать для Зуева эти штаны. Если бы не армия, не знаю, до чего бы я на этом поприще докатился!

У Зуева был несоветский талант заставлять на себя работать. Был у него нюх на деньги, изворотливый ум, было кое-какое обаяние. Он слыл красивым парнем, и девчонки ходили за ним табуном; дружок себе подбирал по принципу обратной пропорциональности веса кулаков и головного мозга. А вот теперь и его собственный многохитрый мозг лежит сейчас на истоптанном ковре красной слякотью — значит, не сработала в чем-то зувская система и не понадобятся ему больше его несоветские таланты.

Дождавшись с тяжелым сердцем автобуса, я доехал до рынка. Утро едва перевалило за девять часов, а здесь уже всюю шла торговля. Огромные тетки-колхозницы ворочали мешки с картошкой; терпеливые «божьи одувачники», словно рыбаки у лунок, хохлились над кучками моркови и свежей, не поддранной еще, редьки; знойные горбоносые дети гор в дорогих шапках бойко жестикулировали над россыпями южных яблок, хурмы, апельсинов и других субтропических растений. Я искал среди этих шапок енотовую.

Под пышным холмом енотового меха были густые черные брови, две широко расставленные карие черносливины, крупный классический нос с горбинкой, усы. Еще ниже — мягкая шведская дубленка задумчиво-сиреневатых тонов, еще ниже — гора крупных желто-зеленых грейпфрутов и скромная бумажка: «5 РУБЬ КИ-ЛОГРМ».

Я протянул Гиви пригоршню мятых «трешек» и, старательно подмигивая ему разными глазами, изъявил желание приобрести у него два ведра отборных грейпфрутов. И только тут я хватился: оба Аськиных ведра остались стоять в прихожей покойного Игорька. А Гиви долго смотрел на меня, наливая нос и белки глаз пунцовым соком. Потом он нащупал на вершине фруктовой пирамиды крупный тяжелый плод и бросил его мне в лицо.

Очнувшись, я понял, что лежу на снегу. Яростный профиль грузина нависал надо мной, а в глазах читалась такая ненависть, что оставалось только надеяться, что у него нет при себе кинжала.

— Цудиа,—сказал я по-грузински,—Мцива. Ме тавс цудад вгрдзноб!*

В глазах Гиви промелькнуло удивление. Он, конечно, никак не ожидал услышать в далеком уральском городе от человека негрузинской национальности знакомые слова, к тому же — почти без акцента.

— Шендзлеба?**—вежливо спросил я, делая попытку подняться. По лицу моего победителя было видно, что он усиленно соображает. Я уже встал на ноги, а он так и не решил еще, что ему со мной делать.

— Так вы продаете мне фрукты? — спросил я еще раз, нагледя от безнаказанности.

— А вам действительно нужно от меня только это? — голос у Гиви был хриплый и недоверчивый.

— Конечно, только это.

— Так вы не из тех?..

— Из каких «тех»? — Я все более и более убеждался, что резать меня сегодня не будут.—Извините, я не понимаю, о чем вы спрашиваете.

Гиви на что-то решился и с виноватым видом начал отряхивать с меня снег.

— Бодиши! — бормотал он.—Извините, я обознался. Я думал, вы тоже из тех гадких пижонов...

Я вытащил носовой платок и стер с лица грейпфрутовую мякоть. Глаза щипало. Сопровождаемый раскаявшимся Гиви, я добрал до колонки и, нацедив воды, умылся. Под правым глазом набухал синяк. Этот грейпфрут явно стоил пять рублей в одиночку.

— Арапери,—сказал я грузину, трогая синяк пальцем, — до свадьбы заживет. Кстати, ра гквиат?***

— Гиви, — сознался Гиви. — Гиви Цибахашвили. А вы что, бывали в Грузии?

Я честно рассказал ему, что не бывал, но в армии служил вместе с симпатичным парнем из Гори. Я учил его говорить по-русски, а он преподавал мне грузинский язык. Мы познакомились, и у меня хватило времени посетовать на то, что дома я совсем почти разучился говорить по-грузински. Мой Гиви совсем сомлел и заявил, что он — мой большой должник и докажет делом, что грузинское гостеприимство — не просто красивая легенда. Перепоручив фрукты стоявшему рядом пожилому соотечественнику, Гиви почти силком потащил меня в прирыночный ресторан «Богатый урожай».

Ресторан был провинциально патриархален и напоминал дореволюционные кабаки среднего пошиба, какие сплошь и рядом увидишь в исторических кинофильмах о временах Николая Кровавого.

* «Плохо. Мне холодно. Я плохо себя чувствую» (груз.).

** «Разрешите?» (груз.).

*** «Ничего. Как вас зовут?» (груз.).

В подобных заведениях коротали досужие часы извозчики. В воздухе витал дух квашеной капусты, соленого огурца и граненого стакана.

Гиви заказал бутылочку «Митарби»⁵, чахохбили и фрукты. Напитка этого я крайне не одобрял; фрукты оказались зелеными, но подгнившими изнутри наподобие современного империализма, яблоками, а чахохбили имело к солнечной Грузии весьма отдаленное отношение — разве что курица, из которой оно было приготовлено, самостоятельно пришла к нам пешком с отрогов Кавказского хребта. Гиви морщился, но умело создавал иллюзию красивой жизни. После многочисленных тостов:

— Чвенс гацнобас гаумарджос!*

— Чвенс царматабебс гаумарджос!!!**

— Чвенс мшоблес гаумарджос!!!***

— Чвенс мегобребс гаумарджос!!!!****

— Имат гаумарджос, винц чвен гвикварс!!!!!!*****

— Гвимарджос!***** — во время которых я вдосталь напоил мутным нашим напитком стоявший поблизости фикус и, кажется, погубил его безвозвратно, я попытался вызвать своего визави на откровенность, и когда мы пошли «по второму кругу», стал закидывать удочку:

— Ты мне теперь как брат, Гиви. Но скажи ради нашей дружбы, почему ты бросил в меня цитрусом?

И мой новый «друг» рассказал такую историю:

Приложение № 1

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

История, рассказанная крестьянином Гиви Цибахашвили

— Я простой грузинский крестьянин. Я и такие, как я, кормим весь народ. Разве можно обманывать крестьянина? Скажи, дорогой, разве можно? А меня обманули. А меня обманули и очень даже благородно!

Недели три назад ко мне подошел на базаре один молодой мерзавец. Сразу он мне не понравился: глаза хитрые, зубы золотые, руки белые — не рабочие руки, Макс! Подошел он ко мне и сказал: «Продай мне два ведра этих золотых плодов осени!» А мне-то что — я ему хоть вагон этих грейпфрутов могу устроить! Купил фрукты и унес их на коромысле. А на следующий день снова приходит:

* «За паше знакомство!» (груз.).

** «За наши успехи!!» (груз.).

*** «За наших родных!!!» (груз.).

**** «За наших друзей!!!!» (груз.).

***** «За тех, кого мы любим, за нашу дружбу!!!!!» (груз.).

***** «За нас!» (груз.).

«Продай, кунак, два ведра цитрусовых!» Ну, я думаю, у парня и аппетита!

Неделю я на него не мог парадовать. Любому понравится такой покупатель! Только интересно было — куда ему столько грейпфрутов? Раз не удержался, спросил. И в какого только отца я такой любопытный уродился!

А он, гад, вопрос мой выслушал, подмигнул мне глазами и говорит, мерзавец: «Хочешь,—говорит,—я тебе фокус-покус покажу? Пойдем,—говорит,—ты век такого фокуса не видал и еще век не увидишь!» Попросил я Илариона фрукты покараулить, и пошли мы фокус смотреть.

Привел он меня, гад, в подъезд. А там в картонном ящике стояла почему-то машина. Где-то я видел такую, где вот только — не припомню. А вот говорит, это, мол, мое изобретение. Я в эту машину твои фрукты закладываю, а наружу из нее коньяк течет. Отличный коньяк, грузинский, пять звездочек. Покупай, говорит, машину и кончай фруктами торговать. Богатый, говорит, будешь, сад купишь, цветы посадишь — никому не продашь. Яму выкопаешь, лебедей туда запустишь — совсем озеро будет. Чем не жизнь?! А мне, говорит, коньяк уже нельзя пить — я, говорит, уже себе рак прямой кишки заработал. Только, говорит, не могу я своей молодой вдове такую машину оставить. Она, говорит, совсем коньяком в подворотне торговать не умеет.

А я ему говорю: «Ты молодой, зачем умирать?! Поедем на Кавказ! Там старики по сто лет живут и никакая кишка у них не болит. Будешь работать на винограднике, будешь кушать барашка, будешь пить кавказские минеральные воды — совсем умирать не захочешь».

А он мне говорит: «Ничего мне теперь не поможет! Прямая кишка совсем плохая сделалась, хоть выбрасывай ее!» Купи, говорит, у меня машину. Я, говорит, деньги жене хочу оставить. А я говорю: «Куплю, куплю, дорогой. Только поедем на Кавказ! У нас старики сто лет живут и умирать не надо!»

А он говорит: «Дай восемь тысяч и иди себе. Я тут завещание писать останусь». Совсем, мерзавец, помирать собрался. А я говорю: «Дам я тебе восемь тысяч, покажи только, как нужно машину заводить! А потом мы поедем на Кавказ и будем там сто лет жить и умирать не станем». Понятно я объясняю?

Он мне показал, как его машина работает: высыпал в нее ведро грейпфрутов, подключил к проводу, который откуда-то сверху свешивался, и ведро пустое под дырочку поставил. Гляжу, а из машины уже коньяк хлещет. А я в нем хорошо разбираюсь — работал раньше грузником в винных погребах. Действительно — грузинский и действительно — пять звездочек. И целое ведро. Это ж сколько такое ведро стоит будет?

А он говорит: «Коньяк можно и из других фруктов делать. Из винограда — можно, из брюквы — можно, из арбузных корок — тоже можно. Только лично мне больше нравится коньяк из грейпфру-

тов!» А я ему говорю: «И из алычи можно?» А он: «И из алычи!» И из шелковицы? «И из шелковицы!» А я говорю: «И из хрена можно? А то у меня в огороде этого хрена столько каждый год вырастает — выпалывать приходится...» — «Нет, говорит, из хрена коньяк не получится».

Ну, дал я ему восемь тысяч. Вдову пожалел — триста рублей от себя прибавил. Представляешь — вынул и отдал! Привет, говорю, передай молодой вдове от Гиви Цибахавили! Привет и соборлезнование. Вот веришь — нисколько эти триста рублей не жалел. А он, негодяй, обманул меня. Машина потом не работала. Вот ведь гад! Умирать собрался, а людей обманывает!..

* * *

Я подумал, насколько близки оказались последние слова Гиви к правде — больше Игорек уже ни над кем так не подшутит. Теперь я уже окончательно понял, зачем Зуеву потребовалось переделывать стиральную машину в соковыжималку. С месяц назад пришел он ко мне в мастерскую и жалуется: «Нашли, Макс, у меня врачи гастрит. Плохо мое дело — придется в принудительном порядке на безалкогольные напитки переходить, на соки и воды. Помоги, Макс! Есть у меня стиральная машина «Малютка»... Переделай ее в соковыжималку с резервной емкостью! Ты ведь все можешь, Макс!»

Вот и купил он меня этим «все можешь». Я ведь, признаться, в технике действительно многое могу. У меня к технике и к иностранным языкам с детства способности. Ничтоже сумняшеся покумекал я два-три вечерка и переделал машину Игорьку на радость, хотя и не простая была это задача. Вот Гиви теперь все и расхлебывает. А Игорек — хорош! С размахом работал — не купился десять литров марочного коньяка в запасной бак «Малютки» закачать. Правы капиталисты в том, что без первоначального капитала больших денег не заработаешь... Ну и влипли мы с Гиви в историю!

Долго ли, коротко плакался торговый гость мне в жилетку, но только жалко мне его так и не стало. Да и как можно жалеть человека, который в любой момент может достать из кармана восемь тысяч, если сам ты этакой суммой сроду и не нюхивал. Ну, да мне с этим Гиви детей не крестить.

— Слушай, Гиви, я икону купить хочу. Ты мне ничего не советуешь по дружбе? В случае чего, я бы тебе и комиссионные заплатил...

— Обижает! — надул губы Гиви. — Будь у меня икона, я бы ее тебе просто так подарил, по дружбе! Только нету у меня. Приходил как-то мужик, предлагал икону. Двадцать тысяч просил. А зачем мне икона? Вот если бы он мне картину Пиросманишвили предложил!

— А что за мужик такой? — изобразил я интерес и недоумение.
— Видно, хорошая икона у него, если двадцать тысяч стоит.

— Икона как икона. С тремя ангелами. Старая очень, говорил. А мне от него ни старой, ни новой не надо. Вот машину купил бы. «Волгу» только.

— Гиви, а откуда этот мужик? Адреса своего он тебе не оставил? Где разыскать его можно?

— А я знаю? — ответил Гиви.

* * *

Я шел домой и размышлял. Какой смысл был Зуеву наводить меня на этого Цибахашвили? Хотел ли он похвастаться передо мной своей выдумкой с «Малюткой», попутно выставив меня дураком; искренне ли пытался мне помочь или желал руками грузина избавиться от конкурента? Ведь Гиви мог ударить меня и чем-нибудь посушественнее, чем грейпфрут,—кирпичом, например.

Ниточка, ведущая к Хомяку, оборвалась. И дай бог, чтобы сидел он сейчас у себя дома на диване, живой и здоровый, сосал бы квас и дожидался прихода жены. А, может быть, так оно и есть?

Я остановился в раздумии и повернул к дому Хомяка. Аська сейчас на работе, но ключи от квартиры при мне. Так уж у нас заведено: у меня есть ключ от Аськиного дома, а у нее — от моего. Свернул за угол, зашел в знакомый подъезд. У сестренки соберусь с мыслями, прочитаю газету. А домой торопиться — так кто меня там ждет?

На площадке второго этажа, где висят почтовые ящики, я остановился. А что, если Славка письмо прислал или какую-нибудь записку? Может, хватило у него совести написать жене, чтобы не убивалась попусту?

Ящик с номером 43. Я просунул пальцы в круглые дырочки, которые рядочком были вырезаны понизу, приподнял газеты и нащупал нетолстый конверт. Манипулируя в ящике кончиками пальцев, подогнал конверт к щели и выдавил его наружу. Такие конверты, без марки и рисунка, продают в «Культтоварах» по две штуки за копейку. Ни адреса, ни марки, ни штемпеля на письме не было. Только крупными буквами выделенная надпись фломастером по диагонали: «С. ХОМЯКУ. В СОБСТВЕННЫЕ РУКИ!»

Я решительно вскрыл конверт и вынул из него листок бумаги, густо испещренный машинописными строчками. Шрифт машинки был необычный — одни только заглавные буквы.

«МОСКВА ЯКОВЕНКО, — читал я с недоумением,—ПРИ РАС-
СМОТРЕНИИ РАБОТЫ 17 ЯНВАРЯ ОБЛГЛАВСНАБОМ П/О
СИЛЬВИНИТ УРАЛКАЛИЙ ВЫПОЛНЕНИЕ ПЛАНА ПОСТА-
ВОК ТЕХСОЛИ ЗА IV КВАРТАЛ ТЧК П/О УРАЛКАЛИЙ ПО-
СТАВКА ПОТРЕБИТЕЛЯМ ПЛАНЕ 180 000 ТОНН ОТГРУЖЕНО

60 253 ТОННЫ 33 ПРОЦЕНТА ТЧК П/О СИЛЬВИНИТ ПЛАНЕ КВАРТАЛА 155940 ТОНН ПОСТАВЛЕНО 67 558 ИЛИ 43 ПРОЦЕНТА ТЧК НАЧАЛЬНИКОМ СЛУЖБЫ ДВИЖЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ЖЕЛДОРОГИ ТЕЛЕФОНОГРАММОЙ 4.01. П/О СИЛЬВИНИТ УКАЗАНИЕ О ЗАПРЕЩЕНИИ ПРОИЗВОДИТЬ ОТГРУЗКУ ТЕХСОЛИ ВАГОНАМИ МПС ТЧК П/О СИЛЬВИНИТ СОРВАЛО ПОСТАВКУ ТЕХСОЛИ ЧЕТВЕРТОГО КВАРТАЛА ГЛАВТЮМЕННЕФТЕГАЗУ ПЛАНЕ 20 780 ОТГРУЖЕНО 16 901 ИЛИ 81 ПРОЦЕНТ ТЧК СРЫВАЕТСЯ ПОСТАВКА ТЕХСОЛИ ЭТОМУ ПОТРЕБИТЕЛЮ ЯНВАРЕ 26 800 ТОНН СОЛИ НА 15 ЯНВАРЯ ОТГРУЖЕНО 4 343 ТОННЫ ТЧК СИСТЕМАТИЧЕСКИ ПЛАН ПЕРЕВОЗОК НИЖЕ ПЛАНА ПОСТАВОК ТЧК НЕОДНОКРАТНЫЕ ОБРАЩЕНИЯ МИНИСТЕРСТВО ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ ЗПТ МИНИСТЕРСТВО МИНУДОБРЕНИЙ ЗПТ СОЮЗГЛАВКОММАШ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ НЕ ДАЮТ ТЧК ПРОШУ ВАС РАССМОТРЕТЬ ВОПРОС О ПОСТАВКЕ ТЕХСОЛИ СОВМЕСТНО С СООТВЕТСТВУЮЩИМИ СЛУЖБАМИ ГОССНАБА СССР ЗПТ МИНУДОБРЕНИЙ И МПС СОЮЗГЛАВКОММАШ ТЧК ЗАМНАЧОБЛГЛАВСНАБ БАРАНОВ 18 ЯНВАРЯ».

Дочитал, перечитал еще раз, засунул обратно в конверт и, обалделый, поднялся на третий этаж. На Аськиной кухоньке сел за стол и снова достал письмо из конверта.

«П/О СИЛЬВИНИТ ПЛАНЕ КВАРТАЛА 155 940 ТОНН ПОСТАВЛЕНО 67 558 ИЛИ 43 ПРОЦЕНТА ТЧК НАЧАЛЬНИКОМ СЛУЖБЫ ДВИЖЕНИЯ...» — что за дьявольщина? Похоже на шифровку. Я пробовал читать этот текст задом наперед, через букву, через две, в шахматном порядке — получалась неизменная галиматья. Я проглядел послание утюгом, чтобы проявились симпатические чернила, облучил листок кварцевой лампой... Ребус не поддавался расшифровке. И только когда я повернул листок обратной стороной, чтобы разглядеть его на просвет, мне раскрылась его тайна. На обороте телеграммы четким почерком было написано от руки:

«Святослав Иванович! На Вашу цену согласен. Деньги принесу сегодня в 22 часа местного времени в подвал Вашего дома. Буду ждать Вас в вышеуказанное время в течение 15 минут. Ваш неприход будет расценен как отказ от сделки».

Подписи под этой запиской не было. Теперь мне стало понятно, как я проведу сегодняшний вечер.

Книга «Андрей Рублев» лежала на столе. Я пролистал ее и с удивлением обнаружил, что подробного описания «Троицы» в ней нет. Есть черно-белая фотография. А ведь мне не помешало бы знать об иконе кое-какие детали: размеры, сохранность доски, гамму красок. Да мало ли что могло пригодиться в расследовании! И все-таки книга оказалась полезной. В конце ее была дана краткая библиография:

1. Алпатов М. В. «Андрей Рублев». М., 1959.
2. Лазарев В. Н. «Андрей Рублев». М., 1960.
3. Прибытков В. «Рублев». М., 1960.
4. Иванова В. А. «Андрей Рублев — живописец Древней Руси».
5. Демина Н. А. «Троица» Андрея Рублева». М., 1963.
6. Лазарев В. Н. «Андрей Рублев и его школа». М., 1966.
7. Плугин В. А. «Мировоззрение Андрея Рублева». М., 1974.

Список, конечно, был не слишком длинный, но и просмотреть все эти книги в одночасье было бы затруднительно. Я выписал в блокнот номера с четвертого по седьмой, вскипятил чай.

Потом я вернулся в прихожую и достал из внутреннего кармана шубы потрепанную английскую книжонку в яркой обложке, из которой я до сих пор не перевел ни одного слова. Ох, и обломится мне «неуд» по английскому в этом семестре!

С лаковой обложки на меня смотрел симпатичный брюнет с длинными волнистыми волосами. Изящными руками в кружевных манжетах он рвал пасть кому-то очень противному. По выражению его лица было видно, что парень делает не слишком приятное, но привычное дело. Видно, его, как и меня, заедал быт.

Вздыхнув, я оставил злополучную книжку на столе и пошел в библиотеку. Надо же было как следует ознакомиться с «Троицей». Труднее всего искать вещь, которую никогда в жизни не видел!

В городской библиотеке имени Кондратия Рылеева я не бывал с прошлого семестра. Пятнадцать минут мне перерегистрировали билет, потом примерно столько же времени я разыскивал по каталогу карточки нужных мне изданий. Для начала я заполнил требование на монографию Деминой. У нее было самое многообещающее название.

Высокие полутемные коридоры библиотеки вселяли в меня покой и уверенность. Библиотекарша, бросив взгляд на требование, сказала:

— Книга выдана час назад. Возьмете что-нибудь другое?

— Нет,—сказал я,—посмотрите, пожалуйста, по формуляру, кто ее взял. Это, наверное, кто-нибудь из моих знакомых. Тогда я просто пойду в зал и поищу его.

Женщина порылась в формулярах и, вытащив один из них на белый свет, показала его мне:

— Бейлина Нина Александровна. Знаете такую?

— Нет, к сожалению,—покачал я головой.—Она взяла одну только эту книгу?

— Она востребовала почти все издания о творчестве Андрея Рублева, которые есть в нашей библиотеке. Шесть монографий.

— Ну-у...—протянул я,—тогда есть шанс, что именно сейчас она чистает другую книгу. опишите мне ее, и я поищу в зале.

Библиотекарь на секунду задумалась, сняла и протерла очки с толстыми стеклами:

— Невысокая, полненькая, в синем вязаном платье. И краше-

ная. Она в малом читальном зале — я заметила, куда она ушла.

Я поблагодарил и направился в малый читальный. В дальнем углу, возле самого окна маячило ярко-синее платье. Я подошел и поздоровался:

— Добрый день, Ника!

Гиенка подняла на меня глаза. В них промелькнул мимолетный испуг, потом — узнавание.

— А, это вы, Макс...

— Вот что значит хорошая память! — губы сами сложились в улыбку.—А вы, как вижу, всерьез увлеклись древнерусской живописью? — И я выудил одну из горки лежавших перед девушкой книг.—Очень милая книжечка! — Девушка послала мне улыбку в ответ.—Вас это действительно интересует, Ника? Меня, представьте, тоже! Кстати, Ника, а вы уверены, что у вас найдется двадцать тысяч, которые просят за икону? Или вы намерены ослепить Святослава Хомяка своими юными прелестями? Тогда — даже не просите — я с вами в долю не войду!

— А я вас и не зову в долю! — вежливо ответила девушка.

— Ну, тогда вам иконы и вовсе не видать! — В эти свои слова я искренне верил, сомневаясь, правда, увижу ли я эту икону сам. А ведь очень хотелось бы.—Да, Ника, а это не вы так несмешно подшутили над Игорем?

Девушка резко побледнела, глядя на меня круглыми глазами. А я продолжал равнодушным тоном:

— Впрочем, какое мое дело?! Передайте Игорьку, что я приду на его похороны.

Ника сглотнула слюну и снова сложила губки в вымученную улыбку. Я молчал — просто не о чем было с ней говорить. Промурлыкав под нос несколько тактов «Прощания славянки», я сел за соседний столик, забрав с собой книгу, и, просмотрев текст по диагонали, начал делать выписки в блокноте. У соседки моей эта же работа явно не клеилась: она поминутно оглядывалась на меня, ерзала на стуле — словом, чувствовала себя не в своей тарелке. Лично меня это устраивало, ведь чем больше дезорганизуются конкуренты, тем больше шансов лично у меня.

«Троица ветхозаветная. Первая четверть XV века. Доска, паволока, левкас, яичная темпера, 142×114... В «Троице» Рублева преобладают золото и золотисто-зеленоватые тона. Ими окрашены фон и поля, крылья ангелов, невысокие седалища и подножия, стены и потолок портика палат, нависающая скала, чаша. Широкое применение золота (а оно обозначает свет и является символом божества) сообщает иконе тихое сияние и отпечаток возвышенной неземной красоты. Не менее замечательно трехкратное повторение лазурно-голубого тона в одеждах ангелов, ясно ведущее к пониманию их небесного происхождения. Удивительно также сочетание в драпировках центральной фигуры лазури плаща и темно-вишневого цвета хитона. Лазурь и вишневый создают торжественное и, вместе с тем,

скорбное впечатление от облика среднего ангела. Вообще же «Троица» дает образец сдержанности цвета.

В иконе отброшены все бытовые подробности библейского повествования, затрудняющие восприятие этой философской идеи. Смысловой и композиционный центр иконы — чаша с головой закланного тельца, символизирующего жертвенный подвиг Христа. Трапеzia, на которой стоит чаша, — прообраз «гроба господня». Чашу благословляет ангел, олицетворяющий Духа...»

Я перечитал свои записи, перебрал книжку на Никии стол и пошел из зала по-английски.

— Пойдите, Макс! — вполголоса окликнула меня девушка. Я услышал, повернулся и присел на краешек стула.

— Не сердитесь! — сверкнула она на меня серыми глазами. — Вы мне очень-очень симпатичны! И мне есть что сказать вам... Я расскажу все, что знаю об иконе. Но не сегодня. Не сегодня, Макс! Давайте встретимся завтра вечером.

— Ну, если нам действительно есть о чем поговорить... Когда и где? Назначайте, мадемуазель!

— В девять вечера, — опустила глазки долу моя собеседница. — Раньше, к сожалению, не могу.

— В девять, так в девять. А куда подойти?

— Макс, я... я живу очень далеко от центра...

— Не в Лабазово, надеюсь...

— Чуть поближе. На Висиме.

Я неплохо знал этот довольно удаленный от центра города рабочий район. Висим — это высокий холм, увенчанный кокошником частных деревянных домиков, во дворах которых мирно пасутся козы, а по стремительной крутизне его улочек в зимние голоеды не может забраться ничто четырехколесное. И почему-то я голову готов был прозакладывать, что живет Ника вовсе не на Висиме. Так зачем же я ей так понадобился?

— Значит, в девять ноль-ноль на Висиме. А где именно?

— Нет, на Висим вам взбираться не стоит! — Ника подарила мне очередную странную улыбку. — Встретимся внизу, в парке, на берегу пруда. Вы знаете, где там пруд?

Я покорно кивнул.

— Вот и хорошо. На набережной, возле спортклуба. В девять у меня кончается тренировка и я к вам выйду. Хорошо?

Я кивнул еще раз. Мне ведь не трудно.

— Буду ждать завтрашнего вечера, Макс! Вы ведь обязательно придете туда? Обязательно?

Заверив Нику, что приеду обязательно, я раскланялся. Но напоследок все-таки спросил у нее:

— Ника, вы случайно работаете не в Облглавнабе?

— С чего вы взяли? — вполне искренне удивилась девушка. — Я вообще нигде не работаю. Учусь в строительном техникуме.

На этом мы и распрощались.

ТОВАРИЩ ТИТ

Вас когда-нибудь били свинчаткой по голове? Если да, то вы меня поймете. Но лучше — все по порядку.

Когда в далекой столице кремлевские куранты отзвонили восемь часов, в нашем городе пробило десять. В этот момент я стоял возле двери подвала в доме Хомяка. Когда-то, в детстве, мы часто играли в том подвале. Довольно обширный, он был плотно застроен внутри дощатыми чуланами, между которыми змеился лабиринт коридоров. В чуланах жильцы хранили старые вещи, запасенные на зиму картошку и морковь, пыльные газеты десятилетней давности. А пацанье, когда удавалось стащить у родителей ключи, традиционно играло здесь в «катакомбы». Место это было уединенное, и я готовился к любой пакости со стороны неведомого клиента моего шурина. Зато и у меня были шансы выудить из него все, что он знает про Хомяка и икону.

Ключ со скрежетом повернулся во влажных недрах замка, и на меня пахнуло подземельем: запахом проросшего картофеля, мышинного меха и старины — не антикварной, как в музеях и книгохранилищах, а недавней, полувековой, не более. Протянув руку, я щелкнул темневшим на холодной беленой стене выключателем. Внизу пыльно засветились слабые лампочки. Нашупав в кармане ребристую коробочку фонарика, я спустился по бетонным ступеням. Метров через семь коридор резко сворачивал. Шершавые стенки чуланов были прохладны и мертвы на ощупь. Это дерево давно умерло, и в нем не осталось даже намека на былую жизнь — плоть доски стала стройматериалом, не более.

В записке ничего не говорилось о месте встречи, но интуиция вела меня в дальнюю часть этого дощатого лабиринта, туда, где находился родовой майорат семейства Хомяков.

Когда-то, в детстве, этот подвал казался мне огромным, целым миром, островом сокровищ, втиснутым в коробку старого кирпичного здания. Теперь же это был обыкновенный, тесно застроенный подвал, в который я сошел ловить неведомую удачу.

К сожалению, оказалось, что удачу здесь ловил не только я. Из-за дощатой стенки, шагах в пяти от меня, раздался громкий свист. Тут же выключенный кем-то, кто остался у меня за спиной, погас свет. По глазам ударила темнота. Я потянул из кармана фонарик, уже чувствуя, что он застрял и я не успею его вытащить. Шорох показал мне, что я больше не одинок в коридоре. Потом было первое, робкое еще, прикосновение — и вот чьи-то крепкие пальцы уже вцепились в мой рукав.

— Вот он! Я его держу! — Голос был таким же безликим, как

сумрак коридора. Я ударил наудачу, попал, и меня отпустили. А через мгновение навалились снова — уже втроем или вчетвером. Меня схватили за лицо и за горло, кто-то повис на правом колене, другой — на левой руке. Меня еще не били. Бил я. Удар в мягкое — чей-то живот; подтверже — плечо. Потом — обдирающая костяшки пальцев боль и чьи-то неожиданно поддавшиеся под кулаком зубы, каскад захлебывающегося площадного мата и град ударов в грудь, в лицо, в голову.

И в завершение удовольствия — удар свинчаткой по затылку. Тут уж добру молодцу и карачун пришел.

Когда-то я любил читать книги с описанием красивых драк, и переводные, и наши. Одно удовольствие читать, как доблестная милиция крушит направо и налево челюсти нарушителей общественного порядка, укладываясь при этом в рамки необходимой обороны. И так уж красиво это у них получается, что просто нет слов. Прочитаешь такую книжечку и хочется кого-нибудь... того... А мы дрались совсем некрасиво: несколько неловких тычков вслепую, один удачный удар по зубам с моей стороны и один отменный удар свинчаткой⁶ в пользу противника. Вот и вся драка.

А пока — меня нет. По меткому выражению Святослава Ивановича, я валяюсь «в полном отрубе», и на все мне пока наплевать.

ИЗ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ, НЕ ПЕРЕВЕДЕННЫХ СТУДЕНТОМ МАКСУДОМ АБЛАКАТОВЫМ 23 ЯНВАРЯ 1986 ГОДА:

«...По знаку волшебника солдаты сомкнули свои ряды вокруг Колвина.

— Плюешься! — прошипел Бустрофедон.—Я тебе покажу, как плевать! Отведите его в Залы Фобоса!—И он издал звук, которого от него лорд Колвин никак уж не ожидал,—тоненькое мерзкое хихиканье, вовсе не вязавшееся с его мрачным и величественным видом. Колвин еще раз плюнул магу на мантию, повернулся и пошел, сопровождаемый стражей, по мрачным коридорам цитадели.

Тяжелая, обитая бронзовыми полосами дверь выходила на винтовую лестницу, ведущую, казалось, в самое чрево земли. На узкой лестнице конвой перестроился по двое. Мерные шаги его рассеивались в безмолвии подземелья. Спускались долго, распугивая светом чадащих факелов нетопырей и кожанов, которые свисали с потолка пыльными гроздьями.

Внизу, за заброшенной комнаткой тюремщиков, лорд увидел новую дверь, на сей раз — решетчатую, набранную из толстых дубовых балок. За дверью было другое, более обширное подземелье.

Засов лязгнул, решетка ушла в сторону. Тьма навалилась на факелы, живая, мохнатая, ждущая... Колвина приковали к кольцу, врезанному в пол подземелья. Рядом воткнули факел так, что узник остался стоять в круге рассеянного света.

Лейтенант стражи что-то сказал остальным на свистящем диалекте племени гурков, и те дружно захохотали. Узнику стало не по себе. Вот они, значит, какие — Залы Фобоса, о которых в Роканкоре говорили только шепотом,— лабиринт извилистых тоннелей и тайников в недрах скалы, где ненавистный Бустрофедон производит свои ужасные опыты над людьми, животными и — ходили слухи — даже над демонами, которых он вызывает сюда силой своего волшебства.

Тем временем стражники кончили смеяться, застыли, прислушиваясь к чему-то, и, вдруг засуетившись, выскочили обратно за решетку. По приказу лейтенанта один из них скрылся в комнате тюремщиков и через минуту в этом мрачном помещении вспыхнул робкий огонек. Остальные стражники нестройной толпой стали подниматься вверх по лестнице, и Колвин остался в одиночестве...

* * *

— Товарищ! — кто-то тряс меня за плечо.—Товарищ, очнись! Прислушиваясь к сосущей боли в затылке, я разлепил веки. Не дай бог — сотрясение мозга. Меня снова легонько потрясли:

— Как они вас!.. — с восхищением сказал тоненький детский голос. Я окончательно открыл глаза, но не увидел ничего, кроме яркого снопа света, бившего мне прямо в зрачки, захотел сказать: «Отведи фонарик в сторону» — и почувствовал во рту кляп — отвратительную на вкус тряпку. Попробовал пошевелиться и понял, что связан. Тогда я замычал и задергался.

— Полное спокойствие, товарищ! — шепотом сказал обладатель фонарика. Луч нырнул, потом взвился к потолку, выхватив попутно из темноты угол рассохшегося шкафа и стену чулана, потом уперся в пыльную лампочку. К ней потянулась детская рука, повернула в патроне, и зажглись 45 робких свечей. Мальчик ободряюще улыбнулся и погасил свой фонарик.

Это был лобастый крепыш лет девяти в синей, отороченной синтетическим мехом курточке, с ног до головы выпачканный в пыли и паутине.

— А я думал — они вас кокнут! — радостно сообщил он мне.— Но так даже интереснее. Тебя как зовут, товарищ?

Он ухватил за уголок и вытащил из моего рта мерзкую тряпку. Я вздохнул свободнее, сплюнул и сказал:

— Спасибо, парень! А зовут меня Максуд Александрович. Развяжи-ка меня. Веревку перетянули, гады!

Мальчик склонился над веревками, бормоча:

— Нет, Максуд Александрович — это слишком длинно. Я буду называть вас «товарищ Штирлиц». Хорошо? — пальцы его возились с моими путами. Я напряг мускулы и почувствовал себя посвободнее, воспрянул духом.

— Называй как хочешь. Хоть груздем...

— Значит, договорились. Товарищ Штирлиц. А меня зовите «товарищ Тит». Ладно?

Я молча кивнул. И что он там столько возится с этими веревками? А парень тем временем, удовлетворенно хмыкнув, разогнулся.

— Давайте условимся,—сказал он.—Вы — наш разведчик, томитесь в застенках гестапо. Вас били, пытали, но вы так никого и не выдали. А я — юный подпольщик. Я случайно наткнулся на подземный ход, который ведет в ваш каземат. Я буду носить вам еду и воду, перевязывать вам раны и искать способы вашего освобождения,—голос мальчишки звучал самозабвенно, и мне было не по себе. Пошевелив плечами, я понял, что веревки, хоть и ослаблены, но не развязаны. Теперь я нащупал на них что-то вроде морского узла, которого там раньше не было.

— Э-эй ты, как там тебя... товарищ Тит! Ты не балуй... Развязывай веревки! Кому говорят, развязывай!

— Успокойтесь, Штирлиц! — заботливо ответил он.—Ваши мучители пока еще не должны догадываться о моем присутствии. Они, конечно же, еще вернуться сюда, чтобы выпытать у вас пароли и явки. Но я твердо верю, что вы будете молчать. Да, кстати,—он порылся в кармане курточки и поднес мне на чумазой ладошке четыре золотых зуба.—Ваше имущество?

— Нет,—сказал я,—не мои...

— Так, значит, это вы его...

Я молча кивнул. С чем-то ассоциировались у меня эти зубы.

— Ну, тогда это ваши трофеи, Штирлиц! — Мальчик полез мне под шубу и ссыпал зубы в нагрудный карман пиджака.—Три зуба храните, а один я оставляю себе на память. Ладно?

Помотав головой, чтобы отогнать сосущую боль в затылке, я спросил пацана:

— Так что, ты разве не развяжешь меня? Ты не играй у меня на нервах! Развязывай сейчас же!

— Не пришло еще время! — сурово ответил мальчик.—Подвалы гестапо под охраной, на улицах — комендантский час, патрули автоматчиков. А подложные документы еще не готовы.

— Развязывай! — рявкнул я на него уже во весь голос, противно потея.—Развязывай сейчас же!

— Тише, товарищ,—приложил он палец к губам.—Мюллер услышит!

— Товарищ? — заорал я зверея.—Багдадский вор тебе товарищ! Освободи меня сейчас же, сопляк! Я тебе поиздеваюсь!..

Лицо моего мучителя стало грустным.

— Я понимаю... Я прекрасно вас понимаю, Штирлиц! Вы истерзаны жестокими пытками, ваше тело горит от веревок. Я был бы счастлив, если бы мог вернуть вам свободу. Но если побег из застенка не удастся, вас подвергнут еще более изощренным пыткам. А вы этого не переживете...

С моей головой было что-то неладно. Неожиданно мне почудилось, что я действительно по паспорту Штирлиц, сейчас 44-й год и я под колпаком у Мюллера. Уж больно складно шарил парнишка свою ерундистику, выдавал, как по писаному:

— Единственное, что я могу для вас сделать, Штирлиц, — это принести пищу — свой скудный осадный паек. Ждите меня, я вернусь. Верьте мне, Штирлиц!

Мальчишка метнулся к двери и уже выскочил было из чулана, но вернулся, проверил на мне веревки и, подобрав с пола кляп, засунул его на прежнее место.

— Так надо, Штирлиц,—скорбно заметил он,—чтобы наши враги не заподозрили лишнего!

Не обращая внимания на мое возмущенное мычание, он вывернул лампочку и, включив фонарик, удалился.

«Псих! — понял я.—Сумасшедший!»

ИЗ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ, НЕ ПЕРЕВЕДЕННЫХ СТУДЕНТОМ МАКСУДОМ АБЛАКАТОВЫМ 23 ЯНВАРЯ 1986 ГОДА:

«...Создание, которое безглазо смотрело на Колвина из темноты, походило на огромную белесую жабу. Огромный растянутый рот его время от времени судорожно распахивался, чтобы выпустить длинный кроваво-красный язык. Им чудовище сбивало влет нетопырей, привлеченных паразитами, которые кишели на его полупрозрачной коже. Вместо глаз у создания были лишь сочащиеся наросты, но узник чувствовал, что жуткий хозяин подземелья видит его, следит за каждым движением.

Существо топталось на границе света и тьмы, давая Колвину как следует разглядеть его обличие. Туловище у него было почти человеческое, безволосая голова сидела на короткой шее, плеч не было, но длинные, волочащиеся по полу сильные руки — все в буграх мускулов. Короткие кривые ножки с плоскими, точно расплюснутыми огромной тяжестью ступнями, носили чудовище быстро и бесшумно. Оно то совалось в круг рассеянного света, то отступало обратно во мрак.

— Ты кто? — холодея от ужаса, спросил Колвин.

— Уаллум,—сказала тварь,—уаллум улу.—И попыталась дотянуться до Колвина рукой, сама оставаясь в тени. Прикованный узник отшатнулся.

— Улуа уал,—донеслось из сумрака, и тварь сменила позицию, заходя с той стороны светлого круга, к которой Колвин приблизился. Человек каждый раз легко уходил от протянутой лапы, но тварь казалась неутомимой, непрерывно скользя на границе света и тьмы. А Колвин с ужасом думал, что факел в конце концов догорит и он

окажется беспомощным во власти демона. Нужно было на что-то решаться.

— Ладанка,—прошептал он,—прощальный подарок принцессы Ридины...

Дрожащими пальцами нащупал Колвин под камзолом замшевый мешочек, лихорадочно развязал шелковые тесемочки... Внутрь был маленький флакон из бесценного лингорского хрусталя. Откинута в сторону алмазная пробка — и в ноздри ударила струя сладковатого запаха.

«Это всего лишь какая-то ароматическая эссенция! — понял Колвин.—Ридине захотелось, чтобы ее любимый в походе благоухал, словно какой-нибудь изнеженный столичный фронт. Глупый женский каприз! Но будь же так, как ей угодно!»

Лорд расхохотался с горьким надрывом, расставаясь с последними иллюзиями, и выплеснул содержимое флакона на свои цепи.

«Ирония судьбы — пленник в благоухающих узах. Спасибо тебе, нежная принцесса!»

В воздухе распространился все усиливающийся аромат. Чудовище в темноте натужно закашляло.

— Ллау луако улл! — обиженно пробормотало оно из мрака.— Луалаапу!

Но Колвин его не слушал. Как замороженный, смотрел он, как шипя оплывают и капают на пол подземелья его железные цепи. Минута — и от оков остались только широкие браслеты на запястьях.

«Вот так принцесса!» — ошарашенно подумал он и, выдернув факел из позеленевшего бронзового канделябра, шагнул к отшатнувшемуся чудовищу...»

* * *

Через часок товарищ Тит вернулся и, не говоря ни слова, заменил кляп в моем рту краюхой черствого хлеба с маслом. Хлеб я сжевал, чтобы не задохнуться, а масло большей частью осталось лежать на лице. Потом Тит напоил меня минеральной водой из ржавой консервной банки, которую, похоже, подобрал тут же, в подвале. Пить из этой посуды было противно, но жажда уже давала о себе знать.

— Приятного аппетита, Штирлиц! — пожелал мне товарищ Тит и, поняв по моему лицу, что я собираюсь ему ответить, ловко заткнул кляпом уже открытый для беседы рот.

Я чувствовал себя униженным и оскорбленным. Терпеть такое обращение от пацана было свыше моих сил. «Злой мальчик» — назвал одного из таких маленьких изуверов Антон Павлович Чехов, а современный городской фольклор добавил к его рассказу пару дюжин так называемых «страшилок Винни Пуха», в которых детишки предстают далеко не в самом безобидном облике, а взрослые дяди и тети попадают в критические ситуации.

А мое положение чем лучше? Что помешает этому малолетнему преступнику в следующий раз притащить сюда столовый нож или отцовские кусачки? А может, они и сейчас при нем? У-у-у-у! Черт бы побрал этого Винни Пуха с его страшилками!

Со все возрастающим страхом смотрел я на оттопыренный карман товарища Тита. Что там: молоток, пила или садовые ножницы? Но тот извлек из кармана большой грейпфрут и начал сосать его, потеряв, казалось, ко мне всяческий интерес.

Приложение № 2

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Из письма школьника Тита Алексеевича Колосова

«В управление кинофикации»

П И С Ь М О

Мне десять лет. Учусь я в четвертом классе. Наш пионерский отряд борется за право носить славное имя Павлика Морозова но сам я хочу быть бойцом невидимого фронта в амереке. Там у меня будет пистолет красивая радистка и автомашина. Конечно гораздо интереснее быть нашим разведчиком в ведомстве Гимлера, там выдают красивые черные мундиры но Гимлер отравился а Мюллера взорвали в фильме «Ставка больше чем жизнь» и шпионить там типерь незакем. И вообще в бывшем логове фашиского зверя Берлине теперь ГДР и у них от нас теперь никаких тайн нет. Значит буду в амереке. Взрослым хорошо им показывали Фантомаса в трех сериях а мама говорит што меня тогда небыло вовсе. Это не чесно! Теперь прошло столько лет а Фантомаса в трех сериях все не показывают а только знают казать про любов и где целуютца. Зачем нам такие фильмы? Мамка говорит ты балбес и я выдеру тебя как сидоровую козу если принесеш еще хоть одну двойку а мне неинтересно учитьца скусным урокам. Вот начнетца у нас английский язык и я по нему буду главным отличником потому что нашему разведчику без него в амереке как без рук. А парни на улице говорят меня в разведчики не возьмут а сами и не знают когда надо замести следы то надо посыпать из папиросы табаком и тогда собака зачихает и потеряет твой след. А сыщик должен курить трубку иначе его туда не возьмут. Только мне это никчему ведь я буду не сыщиком а разведчиком. А разведчикам трубка не нужна. А мамка нашла табак у меня в кармане и не поверила что это у меня для собак а не я курю и выдрала как сидоровую козу. Так что уважаемое управление кинофикации покажите нам Фантомаса в трех сериях а то мы вырастем и будет уже позно!

С пионерским приветом Тит Колосов. Окей!»

Когда кожура грейпфрута отлетела в угол и Тит снова взглянул на меня своими мечтательными глазами, он был мне уже противен донельзя.

— Маленький паршивец, вот ты кто! — сказал я ему. Услышав мое «Ммммм-ммм-ммм», товарищ Тит понимающе кивнул.

— Крепитесь. Штирлиц! В следующий раз я принесу вам банку консервов,—сказал он с отеческой заботой.—Вы любите «Спинку минтая», Штирлиц?

Более отвратительного завтрака я представить себе не мог, а потому забился и замычал в своих путах. Тит, донельзя довольный моим энтузиазмом, долго еще сидел рядом со мной, делясь незаурядными соображениями о сыщиках, гангстерах, разведке и контрразведке — почерпнутыми, как видно, из многочисленных книжек и кинофильмов.

Чтобы продемонстрировать ему всю глубину своего презрения, я сделал вид, что сплю. Парнишка совершил пару неудачных попыток меня разбудить. Но я продолжал похрапывать и, в конце концов, заснул по-настоящему. Когда я проснулся, вокруг было темно.

ИЗ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ, НЕ ПЕРЕВЕДЕННЫХ СТУДЕНТОМ МАКСУДОМ АБЛАКАТОВЫМ В НОЧЬ С 23 НА 24 ЯНВАРЯ 1986 ГОДА:

«...Привлеченный хрустальным звоном, ордынец вышел из комнаты тюремщиков и приблизился к решетке. Мгла подземелья мешала ему видеть затаившегося Колвина, а слабый факел в руках стражника осветил лишь хрустальный флакон, который валялся по ту сторону решетки.

Воздев факел над головой, он пытался разглядеть во тьме то место, где был прикован узник. Но света не хватало, а блеск драгоценного флакона на полу все более и более приковывал к себе его алчный взор. Прислонившись к решетке, стражник просунул руку между брусьев и, дотянувшись до хрустала острием кривой сабли, начал подгрести флакон к себе.

Пальцы Колвина сомкнулись на его плече. Лорд почувствовал в ладони верблюжью шерсть куртки и сдвинул его руку той же железной хваткой, с какой совсем еще недавно сжимал глотку белесой твари подземелья. Стражник с протяжным воем пытался вырваться. Бросив на пол факел, он потянулся за кинжалом, который был заткнут за его расшитый бисером пояс. Но не успел. Колвин добрался до горла ордынца. Мгновение — и тот отлетел со сломанной шеей. Колвин подобрал факел, взял у стражника кольцо с ключами.

Ни один из ключей к замку не подходил. В отчаянии Колвин попытался перерубить саблей один из брусьев решетки, но закаленное лезвие от ударов только покрывалось зазубринами. Пригля-

девшись, лорд увидел рядом со следами от ударов сабли полосы, похожие на следы укуса зубов такой величины, что ему стало не по себе.

Под ногами узника звякнуло. Колвин нагнулся и поднял флакон. На донышке его переливались последние капли эссенции. Приняв в себя каплю, тяжелый кованый замок с легким шипением растворился, и решетка под тяжестью тела лорда пошла в сторону.

Внезапно на плечо его легла маслянистая тяжесть. С быстротой атакующей змеи Колвин обернулся. Позади громоздилось что-то мягкое, аморфное, состоящее, казалось, из неплотно набитых мешков и мешочков. Одни из этих мешков были украшены широко открытыми бельмастыми глазами, другие — щерили редкозубые рты, на третьих шевелились кургузые мясистые щупальца. Одним из них оно и трогало сейчас руку узника. Взмахнув саблей, Колвин выскочил из-за решетки и с грохотом задвинул ее за собой.

Создание подковыляло поближе и попыталось отворить дверь. Колвин привалил решетку телом стражника и заклинил ее обломком старого, давно догоревшего факела. Чудовище припало к трупу всеми своими мешками и мешочками и засмеялось вдруг нежно и чисто, как юная дева. Постепенно смех стал глуше и перешел в сочное чваканье. Обернувшись, Колвин шагнул на лестницу.

Бустрофедона он застал в маленькой лаборатории, расположенной позади тронного зала. Тот колдовал в дальнем углу над дымящимися ретортами. Багровое пламя под тиглем бросало на его лицо зловещие отблески.

— Вот и я! — сказал Колвин.

Бустрофедон резко обернулся на голос.

— Лорд? Жив, значит?..— задумчиво протянул он.— Но ничего, это ненадолго! — и вдруг метнул в противника черный жезл, которым только что помешивал какое-то зловонное варево. Колвин отбил жезл в сторону. А тот, упав на пол, внезапно зашевелился и, извиваясь, пополз к обидчику своего господина. Потеряв на мгновение из вида колдуна, Колвин придавил жезл ногой и ударом кривой сабли отхватил его серебряный набалдашник в виде головы грифона. Острый клюв набалдашника защелкал, пытаясь ущипнуть лорда за сапог, а обезглавленное «туловище» конвульсивно задергалось на полу, свивая и распуская шелестящие кольца.

Когда Колвин снова оглянулся на колдуна, то увидел, что тот собирается войти в отверстие тайного хода, которое открылось в дальней стене. Лорд прыгнул к Бустрофедону, втащил его, упирающегося, обратно в комнату и рубанул саблей.

Голова колдуна, с глухим стуком подпрыгивая на ступеньках, скатилась во тьму тайного хода. Тело несколько мгновений стояло, покачиваясь, потом сложило Колвину солидный кукиш и, несколько неуверенно, проследовало по лестнице вслед за головой. Стена с грохотом сомкнулась.

«Вот ни фигя себе!» — подумал Колвин...»

Лишь познавший пути знает, каково это — пролежать связанным хотя бы сутки. И не потому, что тело немеет от веревок, а от мерзкого вкуса старой тряпки в глазах плывут радужные круги. Положение пленника невыносимо с чисто физиологической точки зрения. Ну, ночь-то я еще кое-как выдержал, но при мысли о том, что товарищ Тит посетит меня только после школы, мне становилось не по себе.

К тому времени глаза мои уже привыкли к темноте. Довольно ясно различал в углу чулана две большие бочки, в которых, судя по запаху, хранилась картошка. В другом углу валялось несколько связок старых «Огоньков» и стоял высокий массивный шкаф, предназначенный, видимо, для хранения «более ценного» старья.

Сначала я опробовал бочки. Они, хоть и были старыми, но в здоровом микроклимате подвала не рассыхались, и обручи сидели на них плотно. Изъелозив спиной обе бочки, я так и не обнаружил на них ни одного выступа, о который можно было бы попытаться перетереть веревку. Потом я начал исследовать пол темницы в поисках какой-нибудь железки или осколка стекла. Но хозяева чулана держали свои владения в чистоте — на мою беду, конечно.

Настала очередь шкафа. Когда-то он был зеркальным. Но теперь он не мог похвастаться ни зеркалом, ни даже металлическими ручками, от которых в дереве остались одни только дырочки. Углы у шкафа закругленные — веревку о них не перетрешь. А вот внутри могло храниться что-нибудь подходящее. Ах, как мечтал я тогда о консервной банке, из которой поил меня товарищ Тит. Но хитрый малый уволок банку с собой.

Я поудобнее устроился перед шкафом и начал пинать его связанными ногами. Не в дверцу, а в самое основание. От каждого пинка громадина вздрагивала и скрипела. Не хватало мне только подломить шкафу ножки и уронить его себе на голову! Надо бы поосторожнее... Но время поджимало, и я долбил этого дубового монстра ногами, не слишком-то заботясь о последствиях.

Наконец, болезненно скрипнув, дверца распахнулась, и из затхлой глубины шкафа прямо на меня вывалился ворчливо дребезжащий человеческий скелет. А я-то, дурак, всегда понимал знаменитую английскую поговорку «скелет в шкафу»⁷ фигурально!

Оправившись от первого шока и довольно плохо соображая — мне было совсем уже немого, — я нащупал в темноте дверцу шкафа, которая оказалась вся в зазубринах, и перетер о нее веревку. А уже через минуту, вздохнув с облегчением, вытащил изо рта кляп.

При свете включенной лампочки бранные останки выглядели еще печальнее. На скелете был одет поношенный синий костюм с университетским значком на лацкане пиджака. Судя по всему, бедняга простоял в шкафу не один год. Хомяк мне как-то рассказывал о том, что лет пять назад загадочно исчез из лона семьи его сосед по лестничной клетке доцент Киндергартен. Народная молва приписывала его исчезновение влиянию двух причин — злой жены

и решительной разлучницы. А он, значит, вот где коротал все эти годы...

Я, конечно же, сообщу о своей скорбной находке в милицию— можете не сомневаться! Сегодня же вечером и сообщу. Но сначала устрой хороший сюрприз для товарища Тита!

Уложив скелет на место, где лежал раньше я сам, я оставил его там, прикрыв череп старой газетой. Хотелось бы мне видеть товарища Тита, когда, завернув сюда после школы, он поднимет эту газету с «моего» лица!

Вот так. Йо-хо-хо и ящик дохлых Винни Пухов!

Наверху было утро. Я взглянул на свои раздавленные часы — стрелок не было, циферблата тоже. Сняв их с запястья, выбросил в ближайший сугроб. Туда же полетел жестяной блин, сутки назад бывший моим фонариком.

— Сколько сейчас времени? — спросил я прохожего.

— Полвосьмого.

Значит, на работу я сегодня не опоздаю. Бездарнейше пролетело время. Хомяка так и не разыскал, Аську не успокоил, икону на белый свет не вытащил. Ворона я, а не Пинкертон после этого! Мне хотелось пить, есть, спать, слать все к чертям собачьим и многое-многое другое...

Я думаю, нет нужды загромождать повествование подробностями того, как, приехав на работу, я скандалил с И. И. по поводу отпуска. Старикан никак не мог понять, почему это я решил перенести его с августа на январь, да еще и так срочно. Но не мог же я сказать ему всей правды! Легко было Шерлоку Холмсу, Эркюлю Пуаро и майору Пронину! Они занимались расследованием преступлений в служебное время. А мне совмещать это занятие с ремонтом радиоаппаратуры — ох как трудно.

— Макс, семечек купил? — хихикнула Катерина, которая попала мне в коридоре возле кабинета И. И. Отмахнувшись от нее подписанным заявлением, я устало кивнул головой:

— Купил. После отпуска доставлю тебе твое глистогонное!

Катерина долго и залиvisto хохотала мне в спину.

Глава пятая

ИОРДАНЬ

Домой я не поехал. От работы было гораздо ближе до Ашкиного дома, чем до моего. Трамвай шел быстро, был не слишком полон, и я задремал, беспокоясь лишь о том, чтобы не проспять нужную остановку.

Сквозь сон я слышал, что в салоне говорили о пьянстве.

— Что же это, гражданин, вы на меня перегаром дышите? Здесь же люди живые! — возмущался высокий женский голос. В ответ бурчали.

Я открыл глаза, продушал в расписанном морозом стекле проталинку и выглянул наружу. Так и есть — остановку свою я проехал, благополучно миновал трамвайное кольцо и теперь приближаюсь к месту своего назначения с обратной стороны. Снова засыпать было уже опасно, и я начал прислушиваться к разговору. В это время представительная дама в черно-буром в ротнике подавала рацпредложение:

— Я бы на месте милиции,—говорила она,—этим пьяницам выжигала бы счет за пользование вытрезвителем на спине каленым железом! Сразу бы они у меня шелковыми сделались!

— И очень даже правильно! — поддержала ее соседка с авоськами.—И ресторанные счета тоже выжигать! А то в привычку взяли: праздник ли, будни ли — все по ресторанам шастают. Денег им некуда девать! А так бы: пришел в ресторан или на дискотеку ногами дрыгать — тут бы хвост ему и прищемили! Живо бы шастать бросили!

— А вот мы не пьем целым клубом! — вмешался бодрый мужчина в вязаной шапочке.—Представляете: целых тридцать восемь человек! Представляете: собираемся — и ни капли в рот! И на журнал все подписались, на «Трезвость и культуру»...

Скромная старушка, чуть пришамкивая и пришепетывая, рассказала о том, как зять ее, жуткий тунеядец и забулдыга, угорел в бане, и предрекла всем пьяницам точно такую же участь.

Слушать народ было интересно и поучительно. Видно было: чаша терпения его давно лопнула и цикута льется из нее через край. Жалко — подошла моя остановка. Я вышел на мороз и побрел через заснеженный парк к Хомячиному обиталищу.

Открыл дверь своим ключом, прочитал на столе записку: «Макс, если узнал что-нибудь про Славку, напиши!» Вздохнул, взвесил мысленно, чего мне хочется больше — есть или спать, и завалился на диван. Сегодня у меня встреча с Никой. Не проспать бы...

Мудрый Мухаммад Авфий из Бухары писал в XII веке нашей эры примерно так:

«Гарун аль-Рашид увидел однажды во сне, что у него выпали сразу все тридцать два зуба. В тот же день собрал он своих мудрецов и поведал им об этом сне. Один из них, самый умудренный в науке толкования, сказал:

— О мой повелитель, свет очей моих! Все родные и близкие твои вскорости перемрут и ты останешься одиноким на этой Земле!

Гарун аль-Рашид рассердился, услышав такое, и велел наказывать мудреца палками. Но, тем не менее, настроение повелителя было испорчено, а злополучный сон не давал ему покоя. На следующий

день вызвал он почтенного старого муфтия, искусного в толковании снов, и тот отвечивал.

— О мой повелитель! Всевышним дано тебе нескончаемое богатство и долгая жизнь. Ты проживешь дольше всех своих родных и знакомых.

Гарун аль-Рашид страшно обрадовался этому и приказал отсыпать мудрецу динаров. Увидев на лицах вельмож искреннее удивление, он объяснил свой поступок так:

— Я тоже понимаю, что ответы обоих мудрецов одинаковы по своей сути. Но все дело в форме: один своими грубыми намеками вонзил острый шип в мое сердце, а другой оказался достаточно тактичным и обходительным. Казалось бы — пустячок, а приятно!»

...Постойте, к чему это я?! Сам не понимаю... А! Это я, видимо, еще не проснулся!..

Разбудила меня, конечно же, Ася. Она растрясла меня за плечо. Когда я увидел ее, взволнованную, еще не снявшую пальто и холодную — только что с мороза, — то понял, что, пока я прохладился в путах и узах, она уже окончательно извелась за Славку, за меня, за все на свете. О женщины! Что только не выносите вы на своих хрупких плечах!

Хотя я не рассказал ей и о половине своих приключений, Аська плакала долго и самозабвенно. Она поняла, что Хомяк ввязался в опасную авантюру и последствия ему теперь грозят самые серьезные. Мне было жутко жаль свою сестренку, а та, напоив меня на дорожку горячим чаем, поцеловала в щеку на пороге и махнула рукой на прощанье. Так когда-то ее далекая пра-пра-пра- и неизвестно сколько еще раз прабабка провожала на поле Куликово своего брата. Впрочем, об этом лучше не вспоминать — с Куликовской битвой в нашей семье связано совсем не веселое семейное предание, о котором я умолчу.

Но, как бы там ни было, я улыбнулся Асе ободряюще и ушел.

Скованный льдом и сумраком, Висимский пруд спал в безмолвии морозного вечера. Обсосанный желтый месяц над горой висел, как ему и положено, рожками к Каме. Ники не было уже полчаса. Я вприпрыжку слонялся от одного конца плохо освещенной набережной к другому и обратно. Вокруг было безлюдно и по-зимнему гулко.

Было бы интересно узнать, зачем эта стервочка меня надула? Ведь она сама остановила меня, когда я собирался уходить из библиотеки. Или у Ники — своя игра в этом сумасшедшем фарсе? Что это за игра — я не знаю.

На дальнем конце набережной появилась неясная женская фигурка. Ника? Она бесшумно шла мне навстречу. Впрочем, может быть, она и топала, как слон, — просто между нами было метров триста и я ничего не слышал. А вот и еще фигура у нее за спиной.

На сей раз — мужчина. Он догонял ее со стороны спортивного клуба. До меня донесся слабый звук ее голоса. Он ей ответил. Ника остановилась, обернувшись к мужчине. Или, все-таки, не Ника? Я отступил в тень газетного киоска.

Двое стояли на набережной. Я видел, как он махнул рукой в сторону пруда, она кивнула головой. Мужчина взял ее под руку, и они вместе сошли по заснеженным ступеням к воде. Нет, вы только не подумайте, что я забыл о сковавших воду морозах! Просто неподалеку от берега во льду была вырублена прорубь — «иордань»³, как говаривала моя покойная бабушка. К проруби вели дощатые мостки.

Парочка шла по этим мосткам к проруби, не подозревая, что за ними наблюдают. Конечно, я не мог тогда предугадать, чем кончится эта прогулка по мосткам. Но на сердце все-таки было неспокойно.

Остальное действие не заняло и нескольких секунд. Взмах руки мужчины, отлетающая в сторону женская шубка и всплеск ледяной воды, поглотившей Нику. Вода сомкнула круги над ее головой. Мгновение я следил за прорубью, затаив дыхание. Женщина вынырнула, и в ночном воздухе раздался слабый вскрик. Видимо, обжигающая холодом вода отняла у нее силы даже кричать как следует.

Мужчина наклонился над прорубью и хладнокровно что-то сказал своей жертве, потом, громко расхохотавшись, повесил шубку на парапет, которым была огорожена деревянная площадка над прорубью.

ИЗ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ, НЕ ПЕРЕВЕДЕННЫХ СТУДЕНТОМ МАКСУДОМ АБЛАКАТОВЫМ 24 ЯНВАРЯ 1986 ГОДА:

«Ыыыыыыыыыыы...» — закричал последний из разбойников, выронил из рук ржавую алебарду и покатился в дорожную пыль. Лорд Колвин по инерции сделал еще несколько изысканно-потрошительных выпадов и опустил шпагу.

Не оборачиваясь, шел он по пыльной дороге, которая петляла по пустоши, поросшей зарослями вереска и таволги да редкими чахлыми осинниками, зябко дрожащими на ветру. Кое-где по сторонам угадывались валы и рвы, размывые дождями и временем, — остатки давно исчезнувших поселений. Когда-то здесь высились крепости, дымили очаги и жертвенники ныне забытых богов.

Колвин вспоминал жуткие легенды, которые передавались в народе от отца к сыну, от деда к внуку — о странных и страшных вещах, которые случаются порой в этой дикой местности. Мало нашлось бы в Роканкоре храбрецов, которые осмелились бы заночевать на одном из таких вот холмов или у подножия кургана, насы-

панного над могилой усопшего в незапамятные времена царя или витязя. Бледные духи умерших вставали по ночам из своих вечных жилищ, на вершинах курганов мерцали холодные огоньки, и таинственные молчаливые существа танцевали над равниной. Огромные белые волки рыщут здесь в поисках добычи, подстерегают одинокого пилигрима разбойники, и дикие племена, обитающие в холмах, приносят кровавые жертвы своим богам — медведю и черному пещуху.

Колвин чувствовал приход ночи и копящуюся в воздухе угрозу, мрачную недосказанность бегущих теней. Грозовые тучи на горизонте, в которые медленно опускалось солнце, казалось, готовы поглотить его навсегда. Пора было подумать и о ночлеге. Перевалив через очередной холм, Колвин увидел в стороне от дороги какое-то обветшалое каменное строение. Стены его, источенные безжалостными веками, были покрыты мхом, а в трещинах камня ветер колебал пучки проросшей там чахлой травы. Лорд нерешительно остановился в дверном проеме, безмолвно распахнутом в сторону заката, и заглянул в сумрак, обдавший его промозглым холодом.

Посреди небольшой квадратной комнатки стоял каменный гроб. Мраморная плита, когда-то служившая ему крышкой, расколота, валялась на полу. Достав из сумы одну из светящихся палочек, захваченных им в дорогу из лаборатории Бустрофедона, Колвин шагнул к гробу. В рассеянном колдовском свете увидел: внутри — пусто. «Кенотиф. Ложная гробница», — понял лорд. Во время долгих путешествий по этим землям ему уже приходилось сталкиваться с подобными унылыми причудами древних мастеров.

Пошарив в холодной глубине гроба, он нащупал в изголовии и вытащил серебряный браслет с большим, мышинового цвета, аметистом. Хмыкнув, лорд надел браслет на руку и, раскрыв глаза в изумлении, увидел, как массивная драгоценность без следа всасывается в кожу. Через минуту от браслета не осталось и следа, лишь несколько серебристых пылинок сдуло сквозняком с запястья.

А на улице уже барабанили по древним камням первые струи дождя и первые молнии пучками упали на землю.

Колвин опустился на мраморную плиту, прислонился к прохладному гробу, машинально ощупывая запястье. На руке под кожей явственно прощупывалась округлость браслета, извивы гравировки, выпуклость аметиста.

Потом Колвин задумался о сокровенном. Машинально водил он пальцами по замысловатому полустертому узору на мраморе. И древние руны под его рукой сложились вдруг в знакомое слово.

Лорд вскочил, дрожа от непонятого предчувствия, и, приблизив к плите светящуюся палочку, прочел, цепenea: «Здесь покоится Колвин из Маргаита, принц-консорт земель Роканкорских»... и дата, пятью столетиями удаленная от этой ночи.

Колвин чувствовал себя словно замороженным в ледяную глыбу...»

Писатель Валентин Пикуль утверждает, что большинство людей, потерпевших кораблекрушение, гибнут не в зубах акул, не от голода и жажды, а от переохлаждения организма в воде. В ту минуту я вспомнил об этом и поступить по-иному не мог. Ника была эта женщина или не Ника, но бросился к ней на помощь. В минуту преодолел разделяющие нас метры набережной, перескочил через чугунную ограду на мостки, добежал до проруби, потерял несколько секунд на нокаут неизвестному злодею, который перелетел через поручни и всем телом грохнулся об лед, и, притормозив перед прорубью, с содроганием взглянул на черную воду «иордани» с плавающими на поверхности прозрачными льдинками и на белую женскую ручку, мелькнувшую над бездонными водами.

Потом я зажмурился и прыгнул...

* * *

— Он, кажется, приходит в себя! — услышал я, словно сквозь сон, незнакомый мужской голос, приоткрыл глаз и увидел склонившееся надо мной лицо со свежим кровоподтеком на левой скуле. Тогда я открыл уже оба глаза и попытался сесть. Раздетый до плавок, я лежал в большом спортивном зале на длинной зеленой скамье. Мужчина с кровоподтеком растирал мне грудь нашатырным спиртом из флакончика, а столпившиеся вокруг парни и девушки в спортивных костюмах вполголоса подавали ему ценные советы.

— Ну, парень, тебе просто повезло! — попытался улыбнуться мой растиратель, но сморщился и притронулся пальцами к ушибу. — Больно уж ты прыток! Разве так начинают зимнее плавание? У тебя же с непривычки сердце могло не выдержать!

— Гад! — ответила я ему. — Убийца!

Люди вокруг дружно захохотали.

— Лида, покажись! — сквозь смех позвал «гад и убийца». В круг вошла, жутко смущаясь, милая девушка в купальном халатике. Волосы ее были еще влажные после ледяной купели, а на лице цвела полунасмешливая улыбка. Эта смесь насмешки и смущения добила меня окончательно.

— Спасибо вам...

— Макс, — подсказал я.

— Спасибо вам, Макс, — повторила она уже без насмешки. — Только меня никто не топил. У нас — клуб любителей зимнего плавания. И я вот... «морж»...

И тогда я тоже рассмеялся, хотя меня трясло, просто выворачивало от холода.

Когда «по мою душу» приехала машина «скорой помощи», я уже не дрожал. Распаренный после нашатырного спирта и горячей душа, я был молодцом. Усталый молодой доктор осмотрел меня и, фамильярно похлопав по плечу, обнадежил:

— Жить будете. Организм сильный, закаленный. Так что, в худшем случае — насморк, а от этого не умирают.

Врач был опытный, хотя и молодой. Насморк я действительно схватил. Но хуже было другое: моя великолепная синтетическая шуба вишневого цвета и все, что было под ней, лежало сейчас в раздевалке в непотребном, насквозь промокшем виде. На мороз в такой одежде не выйдешь. Но и тут доктор пришел мне на помощь:

— Собирайте свои вещи. Довезу вас до дома. Вам куда?

Поразмыслив, я назвал Аськин адрес. Все равно у меня дома не было другого зимнего пальто, а у сестренки можно будет разжиться старым Хомячиным тулупом. И мы поехали.

Встретив меня на пороге в мокрой шубе, с остальной одеждой в руках, Асенька посмотрела на меня с т р а н н о. И сам я чувствовал себя странно, и потому мы с ней были квиты.

* * *

Утром я позволил себе поваляться на раскладушке: как-никак, воскресший утопленник! С недоверием прислушивался я к своему телу. Все ли на месте, ничего ли не болит. Из болячек с удовольствием обнаружил лишь обещанный насморк⁹. «Рожденный для виселицы — не утонет»,—говорят англичане, и, видимо, они правы.

Потом я снова задремал, и мне приснилась Лида, влажная только что из проруби и такая же красивая, как наяву.

А встретиться предстояло мне сегодня совсем с другой девушкой. Бейлина Нина Александровна. И лет ей, похоже, около двадцати. Значит, она с 1966 года. Или в 65-го. Или с 67-го. С такими данными мне ее адрес «Горсправка» без волокиты выдаст. Так' что дерзай, гусар!

«Бейлина Нина Александровна. 1966 г. р., ул. Карлукхина, 17, кв. № 34» — значилось в бумажке, которую за четыре копейки вручила мне женщина из киоска «Горсправки». Почти в центре города. Так что и Висим и Висимский пруд были лишь плодом Никиного воображения.

Дом, в котором обитала гиенка, был зданием довольно примечательным — массивная хоромина довоенной постройки с высоченными потолками. Три нижних этажа в нем занимало серьезное учреждение под названием Облглавснаб. Из чистого любопытства я завернул туда и, признаюсь, в первой же стоящей в коридоре урне обнаружил машинописную копию какого-то документа на фирменном бланке. Вот, значит, где родилась таинственная записка, по милости которой я был бит и отдан на растерзание товарищу Титу. Ну, держись теперь у меня, Бейлина Нина Александровна 1966 года рождения.

Она смотрела на меня, как на оборотня. В огромном полушубке Хомяка, в котором тот ездит на рыбалку, я выглядел достаточно внушительно. А зверское лицо я делать умею.

— Вы...—пролепетала Ника, с неподдельным ужасом разглядывая мою зверскую физиономию.

— Да, это я! — Голос мой от насморка был хрипл и замогилен. Носок ботинка был предусмотрительно просунут в щель между дверью и косяком, но деморализованная моим появлением девушка даже не попыталась остановить незваного гостя на пороге.

Это была обширная «коммуналка» из тех, где по коридору можно кататься на велосипеде. Велосипедов этих на стене висело целых два. Из кухни пахло борщом, а откуда-то из эмпиреев доносились пудные звуки гаммы — кто-то неуверенно тыкал пальцем в клавиши.

Сонная кошка со шкафа смотрела на меня равнодушно, как на мебель, а Ника, после минуты колебаний, впустила меня в свою комнату.

— Вот тут мы и живем с мамой,—сказала она.

В комнате было по-женски уютно. Нет, такой уют мне не нравился — он ничего не говорил о хозяевах, кроме того, что они — женщины. Недорогой ковер на стене, дешевый, но с претензией на роскошь, аляповатый сервиз в буфете, на самом видном месте, окруженная почетом и уважением,—хрустальная конфетница без конфет, сувениры, чистые тюлевые занавесочки. Вся та бутафория, за которую может спрятаться и Наташа Ростова, и коварная Мата Хари.

С наглым видом я сел на предложенный стул и, положив на колени шапку, молча уставился на Нику. Краем глаза я отметил одну деталь — чисто вымытую пепельницу в центре стола. Значит, в семье Бейлиных курили. Закурил и я. Молча. Ника, так же молча, подвинула поближе пепельницу.

Бывалые летчики охотно рассказывают по телевизору, что лобовая атака — явление во многом психологическое: два самолета рвутся навстречу друг другу, лоб в лоб. Наконец у одного из пилотов не выдерживают нервы и он сворачивает с прямой, подставляя беззащитное брюхо своей машины под пулеметную очередь. А как с нервами у моей визави?

Ника выдержала минут десять такой молчанки. Потом, так же молча, она расплакалась. Сначала всхлипывала, ловя слезы кончиками пальцев, потом — заревела по-бабьи, честно, не на показ. Поэтому я ей верил, но продолжал молчать, гипнотизируя ее суровым взглядом. Потом мне все это порядком надоело, и я спросил:

— Что со мной должно было случиться на берегу пруда?

— Н-ничего,—всхлинула девушка.—Я просто хотела рассказать обо всем Игорю. Только этого не понадобилось, ведь он сам прищучил вас в подвале. Я... я не думала, что вы оттуда так скоро выйдете...

Изобразив на зверском лице зверски-презрительную усмешку,

я кивнул головой — знай, мол, наших! Потом порылся в кармане и бросил на льняную скатерть перед девушкой три золотых зуба.

— Передай это му... — процедил я сквозь зубы.—Я чужого не беру.—А перед глазами у меня в эту минуту так и стояла картина: бездыханный труп Зуева на ковре и багрово-красные сгустки вокруг его разбитой головы. Труп. За полсуток до того, как я вышиб Игорьку в подвале его золотые протезы. Бабушка моя в таких случаях говаривала: «Антересный покойник! Помер, а глядит!»

— Ты приходила к пруду?

— А зачем? Что мне там было делать? Ведь вы... в подвале!

— Как видишь — не в подвале! — Меня так и подмывало спросить эту маленькую дрянь, что за труп подсунули они мне на зувеской жилплощади. Но такой вопрос выходил за рамки моей роли.

— Вот что, девочка,—сказал я почти спокойно,—зачем Игорю нужно было разыгрывать из себя в подвале Минотавра?

Ника в ответ неожиданно хихикнула:

— А вот такой он злопамятный! Утром после вечеринки к нему приехала милиция. Мало того, что Игоря замели в отделение, на него еще и дело завели за то, что он Ульку спаивал. А днем к нему пришел какой-то грузин и скормил Зуеву пять кило грейпфрутов.

Тут уже я не удержался:

— Значит, Гиви его нашел! Пять кило, говоришь? Ну, а Игорек?

— Съел, как миленький! — уже заливалась она в полный голос.— Съел прямо с кожурой!

— А почему бы и не съесть? У Гиви хорошие грейпфруты. Кубинские.

— Но — с кожурой!.. И все какие-то деньги он с Игорька требовал. Только тот ему ничего не отдал, а еще и сам милицией пригрозил. Я в другой комнате сидела, не все поняла, но как грузин Зуева грейпфрутами кормил — в шелку видела.

— А я-то тут при чем?

— Так Зуев же думал, что это вы на него милицию натравили и грузина этого. И с иконой вы, Макс, ему конкурент. И вообще он склонен на вас всех «собак» вешать, вплоть до соуса.

— До какого соуса? — все еще смеясь, спросил я гиенку.

— А того, что я ему, уходя, на голову вылила. Игорь упился как поросенок и заснул прямо на полу. В спальне — Улька, остальные — лыка не вяжут. И до того мне паршиво сделалось, Макс, что вылила я ему на голову банку «краснодарского» соуса. А утром — милиция. Зуев — в стельку и в соусе, а тут еще и Улька из спальни выперлась. Вот и замели моего Игоря...

— Да,—сказал я высокопарно,—о женщина! Имя тебе — вероломство! Ты что, действительно любишь этого... Игорька? Или — так?

— Или так! — вздохнув, ответила девушка и, прищурившись, бросила на меня долгий взгляд.—Я ведь тебя люблю, Макс! С первого взгляда люблю! Я, может, от тебя ребенка хочу. Сына!

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

**Из раздумий славного парня
Аблакатова Максуда Александровича**

Абрам, Аввакум, Авдей, Авенир, Аверкий, Агафон, Адам, Акинфий, Александр, Алексей, Альберт, Альфред, Анатолий, Андрей, Анисим, Антип, Антон, Ануфрий, Аполлинарий, Аристарх, Аркадий, Арнольд, Арон, Арсений, Артамон, Артем, Артур, Архип, Аскольд, Афанасий, Афиноген, Бенедикт, Богдан, Болеслав, Борис, Вадим, Валентин, Валериан, Валерий, Варлам, Варсонофий, Варфоломей, Василий, Велимир, Вениамин, Венцеслав, Викентий, Виктор, Вилен, Вильгельм, Виссарион, Виталий, Витольд, Владимир, Владислав, Влас, Всеволод, Гавриил, Галактион, Гелий, Геннадий, Генрих, Георгий, Герасим, Герман, Гермоген, Глеб, Гордей, Григорий, Гурий, Давид, Даниил, Дементий, Демид, Демьян, Денис, Дионисий, Дмитрий, Донат, Дорофей, Евгений, Евграф, Евдоким, Евлампий, Евмен, Евсей, Евстафий, Евстигней, Егор, Елизар, Елисей, Елистрат, Емельян, Епифан, Еремей, Ермил, Ерофей, Ефим, Ефрем, Захар, Зенон, Зиновий, Зосима, Иакинф, Иван, Игнат, Игорь (черта с два!), Измаил, Иларион, Илиодор, Илья, Иннокентий, Иона, Иосиф, Ипат, Ипполит, Исаак, Исай, Исидор, Казимир, Каллистрат, Капитон, Карл, Касьян, Клим, Климентий, Кондрат, Константин, Корней, Корнил, Ксенофонт, Кузьма, Куприян, Лавр, Лаврентий, Лазарь, Ларион, Лев, Леон, Леонид, Леонтий, Леопольд, Лука, Лукьян, Маврикий, Май, Макар, Максим, Максимилиан, Максуд, Мануил, Марк, Маркел, Марлен, Мартин, Мартын, Мартьян, Матвей, Мефодий, Минай, Мирон, Митрофан, Михаил, Михей, Модест, Мокей, Мстислав, Назар, Наркис, Наум, Нестор, Нефед, Никандр, Никанор, Никита, Никифор, Никодим, Николай, Никон, Нил, Нифонт, Олег, Олимпий, Онуфрий, Орест, Осип, Оскар, Остап, Павел, Панкрат, Пантелеймон, Панфил, Парамон, Парфен, Патрик, Патрикей, Пафнутий, Пахом, Петр, Пимен, Платон, Поликарп, Порфирий, Потап, Пров, Прокл, Прокопий, Протас, Прохор, Радий, Рафаил, Роберт, Родион, Роман, Ростислав, Рудольф, Рюрик, Савва, Савелий, Самсон, Святослав, Северьян, Селиверст, Серафим, Сергей, Сид, Сидор, Силантий, Симон, Соломон, Софон, Софрон, Спиридон, Станислав, Степан, Сысой, Тарас, Терентий, Тимофей, Тимур, Тихон, Трифон, Трофим, Ульянов, Устин, Фадей, Федор, Федот, Феликс, Феофан, Феофил, Филипп, Фирс, Фома, Харитон, Христофор, Эдуард, Эммануил, Эрнест, Юлиан, Юрий, Ян...

Нет, если у меня когда-нибудь будет сын, я все-таки назову его Яковом. И только Яковом...

А что, чем черт не шутит!

ПОПКА ОСТАЕТСЯ В ДУРАКАХ

Я нажал на кнопку вызова лифта. Кнопка эта с выжженной в ней, явно не фабричного производства, дыркой запала в гнезде легко, и звука работающего мотора при этом не последовало. Я нажал еще дважды — снова мертвящая душу тишина. Плюнул и пошел вверх по лестнице, радуясь тому, что мне не семьдесят. Коля Недрыгайлов уже ждал меня у себя на двенадцатом этаже.

Я понимаю, от меня ждут объяснений, что произошло между мной и Ниной после той ее фразы про любовь, а может быть, даже и интимного эпизода, приправленного доброй порцией «клубнички». Конечно, этот интерес вполне закономерен. Наш избалованный подробностями читатель привык в таких случаях к многоточиям только после слов: «она протянула трепещущую от страсти руку к выключателю и выключила свет» или — если это драма из старинной жизни — «он в нетерпении подул на свечу». Но никак не раньше. А я... Тут положение сложилось щекотливое: если скажу, что ничего такого между нами так и не произошло, мне все равно не поверят. А если что-то произошло, то не в моих обычаях об этом болтать на каждом углу. Так что извините!

Нина оказалась хорошей девчонкой. Она открыла мне один секрет, который давал мне возможность расквитаться с Игорьком за все его гадости. Завтра в девять он собирается залезть в квартиру Хомяка на поиски иконы. Оказывается, он все еще думает, что Святослав прячет «Троицу», а может быть, и сам прячется у себя дома. Тогда пусть лезет! Там мы с ним и поквитаемся!

Простившись с Ниной, я зашел в кафе, посидел за столиком. На душе было муторно. Что же я, собственно говоря, ищу: икону, Хомяка, папу римского?.. Когда-то, в детстве, ребята нашего двора обожали дурацкие «нескладушки», пели их с огромным удовольствием. Помню одну из них:

Строгий заяц при дороге,
Подпоясанный ломом.
А кому какое дело,
Может, волка стережет!

Вот и я казался себе таким же «строгим зайцем», ломом подпоясанным. И я, как он, взял на себя чужие обязанности. Ну разделаюсь я с Зуевым, ну вышибу я ему оставшиеся зубы, ну сдам в отделение... А дальше что? Поможет это мне в поисках Хомяка? Поможет это вернуть государству похищенную икону? В таком деле нужен дедуктивный талант. А что я умею? Два-три приема боевого самбо... Стоило ли вообще браться за это расследование? Эти вопросы не давали мне покоя. Хотелось с кем-то поделиться мыслями и сомнениями.

И тут я вспомнил о Николае Недрыгайлове.

Год назад в нашу мастерскую пришел корреспондент молодежной газеты. Он собирал материалы для статьи о бригадном подряде в сфере обслуживания. И. И. направил его ко мне — пусть, мол, бригадир сам рассказывает о достижениях коллектива. Так мы познакомились.

Тогда, после разговора с Николаем, я отправился в «Рылеевку» и перелистал годовую подшивку «Молодой смены». Надо же узнать, что за человек собирается о нас с ребятами писать статью! Ни одного материала, подписанного фамилией Недрыгайлов, я в газетах не нашел, зато сплошь и рядом там встречались интересные и дельные статьи какого-то Н. Николаева. Значит, Недрыгайлов — новичок, решил я и забеспокоился о судьбе статьи. Но она вышла через неделю за подписью Н. Николаева. Так я узнал, что у журналистов бывают псевдонимы.

Я пришел в редакцию, чтобы от имени бригады поблагодарить Недрыгайлова за статью, пригласил его в гости. Так мы подружались. Некоторое время я колебался. Можно ли посвящать Николая в мою тайну, сумеет ли он, подавив в себе азарт газетчика, не обратить мой рассказ в репортаж под рубрикой «Из зала суда»? Но в том, что Недрыгайлов может дать мне дельный совет, я не сомневался.

— Отдел рабочей и сельской молодежи слушает,—сказала мне телефонная трубка голосом Николая.

— Привет, Коля! Это Макс. У меня к тебе важное дело.

— Так подъезжай!

— Нет, Коля, в редакции не могу! Нам нужно поговорить наедине. Можно?

— Можно... Только сложно,—помолчав, добавил Николай.— Я, понимаешь, в командировку уезжаю. По области, на два дня. Поезд в десять вечера, а до восьми — дежурю по номеру. Приезжай ко мне домой вечером. Сможешь?

— Смогу,—сказал я, тайком радуясь, что Николай волей-неволей вынужден будет дать мне двое суток форы.—Значит, в девятом часу — у тебя.

— Если опоздаю — жди. Тамара тебя чаем напоит. Адрес не забыл?

Я молча кивнул, и Николай повесил трубку.

* * *

— Я по лестнице по этой, я по лестнице по этой поднимусь к тебе...—бормотал я, карабкаясь с этажа на этаж. Было решено не обдумывать заранее наш предстоящий разговор, но снова и снова прокручивались в голове отдельные фразы, обкатывались формули-

ровки. Главное — сразу же подавить в Недрыгайлове журналистский азарт. Удастся это или не удастся? Я рисковал.

Я шел уже между седьмым и восьмым этажами, когда услышал сверху чей-то сдавленный крик. Еще бессознательно, ускорил шаги. Крики становились все громче и яснее. И вот я на девятом этаже. Здесь вопли совсем уже нестерпимые. Квартира 240. Из-за двери доносятся хриплые пьяные угрозы и неразборчивые женские причитания. Ясно: семейный скандал «под градусом». Ну, это тебе не прошлый век, пьяница несчастный! Только открой двери, и я покажу тебе, что такое бывший боец стройбата! Негромко, но настойчиво, я постучал в дверь. Пьяное бормотание поутихло, зато женские причитания стали громче. Потом они прервались, перейдя в бессвязное мычание. Там, за дверью, пьяный хулиган зажимал своей беззащитной жертве рот. Я постучал еще настойчивее. Из-за двери невнятно огрызнулись. Ясно я услышал одно только слово «иди», но куда не пошел, а забарабанил в дверь кулаком. Женские вопли возобновились, и с новой силой забубнил голос пьяного.

Куда только соседи смотрят?! Я быстро обошел вокруг лестничной клетки, нажимая на кнопки дверных звонков. Ни одну из дверей не открыли. Вот трупсы!

— Ты меня убьешь! — взвизгнула из-за двери бедная жертва. В ответ раздался торжествующий хриплый вой. Нет, ждать больше нельзя. Я разбежался и, протаранив плечом дверь квартиры 240, рухнул вместе с нею в прихожую. В эту минуту я лютой ненавистью ненавидел этого не известного мне алкоголика, этого тирана своей жены, вампира семьи, этого нарушителя правил социалистического общежития, а вместе с ним и всех остальных алкоголиков, тиранов, вампиров и нарушителей. Ох, как мне хотелось задать ему трепку!

ИЗ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ, НЕ ПЕРЕВЕДЕННЫХ СТУДЕНТОМ МАКСУДОМ АБЛАКАТОВЫМ 25 ЯНВАРЯ 1986 ГОДА:

«...С грохотом разлетелись в щепки двери, и лорд Колвин вошел в обширный зал. Взгляд его скользнул по стенам, покрытым богатыми драпировками, по лепнине потолка, по причудливой резной мебели из драгоценного «живого дерева». Над двенадцатиспальной кроватью под розовым балдахином, прямо на гобелен с изображением подвигов князя Коа в подземном царстве, были пришиты высушенные человеческие головы. Три ряда по восемь голов в каждом. И Колвин с невольным уважением подумал, что Сеглан-хранитель был не последним воином Голубой орды. Высушенные головы вождей покоренных племен — традиционные трофеи князей Орды — недвусмысленно говорили об этом. Но где же сам хранитель? Ведь из этой комнаты нет другого выхода. И Колвин пошел вдоль стен, срывая пыльные драпировки.

Уже за третьей, в неглубокой нише, лорд обнаружил жалкое дрожащее существо.

— Сеглан? — спросил он с угрозой в голосе.

— Неа Сеглан! Сеглан тутра ма...—пролепетал человек, теребя свои пестрые отрепья. Его двурогий колпак с кисточками сполз на затылок, а редкие волосенки на обширной плечи от ужаса стояли торчком.

— Где Сеглан? — Колвин уже терял терпение.—А ты кто такой? Раб? Шут?

Человечек испуганно закивал.

— Сеглан тутра ма... Тутра... Он... а... Сеглан прятался,— наконец промямлил он, с трудом подбирая слова.—Сеглан — сволош. Он реза мне уши! — и он растопырил пальцами уши, изрезанные по краям в лапшу.

— Где он? Отвечай!

— Во-во,—засуетился шут и потащил Колвина к широкой кровати.—Тутра ма! — и, упав на пузо, начал тыкать под ложе длинным суставчатым пальцем...»

* * *

Поднявшись на ноги, я решительно бросился в комнату. Нет, я не буду его бить! Просто свяжу ему руки и вызову милицию. Самосуда не будет!

Самосуд устраивать было некому. В уютно прибранной комнатке пусто. Ни тирана, ни жертвы. Только в подвешенном к потолку пластмассовом кольце крутит сальто белый попугай ара, с желчной иронией рассматривая меня круглым глазом. Я растерянно ози-рался.

— Ты убьешь меня своей простотой! — глубокомысленно изрек попугай женским голосом и добавил хрипло: — Иди, проспись!

Он переступил в кольцо, пошелушил клювом приковывающую его ногу стальную цепочку и, мерзко подмигнув мне, заорал:

— Попка — дурак!

«Вот именно,—подумал я.—Попка — дурак, попка — кретин, попка — полный идиот! Вот только который из двух?»

Нужно ли объяснять, каково было у меня на душе, когда я возвращался в прихожую. Дверь подбитым лебедем распласталась на полу. То-то обрадуются хозяева, когда вернутся домой! Но бросить все как есть и убежать — не в моих правилах. Подняв дверь, я прикинул, можно ли поставить ее на место. Дверная коробка, вывороченная «с мясом», треснувший косяк, выбитые петли — не все-ляли в душу оптимизма. Вот уж постарался, кр-ретин! Но еще оставался шанс что-нибудь придумать.

Вздохнув, я вернулся в комнату, сбросил на пол возле дивана полушубок и уселся ждать хозяев.

— Ну что, — спросил я попугая, — добился своего?

Мерзавец промолчал, нагадил в поставленную под кольцо фаянсовую плошку и задремал, затаив глаза белесой пленкой.

— Нет, ты не спи, индюк щипаный! Заманил человека в ловушку, а сам — спать?! Нет, ты мне скажи, где у тебя совесть?

— Отстань, — сонно прохрипел попугай. — Баиньки-баиньки...

— Я вот тебе покажу «баиньки!» — Я был уже на грани срыва. Протянув руку, выбрал в хвосте обидчика перо побольше и покрасивее, разом выдернул его из гузки.

— Дура-ак! — закричал попугай. — Дура-ак!!

— А-а-а, проняло! — злорадно ответил я, нацеливаясь на другое перо. А в голове уже жила назойливая мысль «Да что же я, дурак, здесь сижу-то? Дело надо делать!»

И я отправился искать гвозди, молоток, плоскогубцы. Все это находилось в ящике кухонного стола. Теперь за полчаса я сделаю из этой двери картинку. Лишь бы успеть до возвращения хозяев!

С молотком в одной руке и с плоскогубцами в другой я шагнул в прихожую.

— Кто это?.. Вы?.. Вы что тут делаете? — растерянно спросила стоявшая на пороге женщина.

— Дверь чиню, — смущенно ответил я, поднимая руку с молотком.

* * *

Через час дверь была реанимирована. Лида тем временем приготовила чай с лимоном. Мы выпили по чашечке, и я позволил себе расслабиться. Это только в плохих романах пишут про нескончаемые погони, про рукопашные битвы от восхода до восхода, которыми баловались предки. А на самом деле вояки прошлых веков, намажавшись мечами до одури, отдыхали и перекусывали, расслабившись на бранном поле. А потом — снова за мечи. То же произошло и со мной. Лида слушала не перебивая, а на меня напал какой-то словесный понос. Я плакался ей в кофточку, чувствуя себя при этом презренным треплом и балаболкой. А остановиться не мог. Я выложил девушке и все то, что нес уехавшему уже теперь в командировку Николаю, и то, о чем собирался в разговоре с ним умолчать, а в конце концов — и то, о чем говорить вообще не следовало.

Лида умела слушать. Она не скрывала своей заинтересованности. Уместно — удивлялась, где надо — делала испуганные глаза. Она чем-то походила на мою Аську, хотя ни в лице, ни в фигуре не было у них ничего общего. К тому же, Лида казалась человеком вполне самостоятельным, а Аське с детства самостоятельности хватало лишь на то, чтобы выплюнуть соску, и с тех пор она не слишком-то изменилась. Роднили двух женщин их большие, влажные и доверчивые глаза. Я не могу спокойно видеть такие глаза — хочет-

ся быть сильным, смелым, невозмутимым рыцарем «без страха и упрека». А перед Лидой я был всего лишь бедненьким несуразным жалобщиком, сыщиком-неудачником. Было стыдно и, в то же время, легко на душе. Может быть, именно это ощущение древние греки и называли «катарсисом»?

Лишь однажды Лида возразила мне, когда услышала, что Игорек готовит налет на квартиру Хомяка.

— Обязательно сообщи в милицию! — сказала она.—Готовится преступление, и этому нужно помешать.

— А я и помешаю! — Вот долгожданный шанс наверстать перед Лидой потерянный гонор! — Подкараулю Пияву в квартире и задам ему такую трепку... такую... Он у меня заречется по чужим квартирам лазать! — и я лихо раздавил в пепельнице недокуренную сигарету.

Лида пыталась меня образумить, только я стоял на своем: сам должен наказать Игорька, да так, чтобы тот всю жизнь носил на губах вкус моих кулаков. И чтобы — никакой волокиты в этом деле. Да что я—хлюпик какой-нибудь, чтобы милиции жаловаться?

— Ну, как знаешь! — взгляд Лиды стал отстраненным, и в нем снова проступило, как тогда у проруби, выражение смешанной насмешки и жалости. И я вдруг остро ощутил, что теряю ее, так и не обретя. Нужно было что-то исправлять, но что и как — я не знал. А Лида уходила все дальше и дальше от меня, хотя и была здесь, рядом, близко.

Потом случилось непоправимое. Она вздохнула, взглянула на часики и холодно сказала:

— Половина первого. Вам пора, Макс!

Это был конец. Я суетливо засобиравшись, хватаясь то за полубок, то за шапку. Но отчаяние придало мне наглости, и я вновь опустил на стул.

— Да-да, конечно. Только, ради бога — еще одну сигарету! — Хоть пять минут, да мои!

Лида молча кивнула, щелкнула замком сумочки, которая висела на спинке ее стула, и положила на стол между нами вороненый дамский браунинг.

— Все понял! Уже уйду!

Секунда — и я готов: одет, обут, стою в дверях, прощаюсь.

— Пр-риходите еще! — буркнул из комнаты заспанный попугай, но Лида не подтвердила его приглашение. Молча она смотрела на меня.

— Лида... ваш телефон!..—И нет мне никакого дела до того, откуда у нее пистолет и кому предназначены ее пули. Пусть даже и мне. Я просто люблю ее.

Она улыбнулась и черкнула строчку на блокнотном листке.

— Звоните, Макс. Я с утра на дежурстве. Да, кстати, вы же хотели прикурить,—щелчок спускаемого курка, и на конце пистолет-

ного ствола вспыхивает робкое пламя. Я погрузил в этот огонек свою сигарету и ушел.

Спускаясь по лестнице, я клял себя последними словами. Потерять такую женщину! Только я не сдамся, проучу Игорька и вернусь к ней с победой. Она увидит, что прав все-таки я.

Значит, так, ровно в семь выйду из квартиры Хомяка. Аське, конечно, — ни слова. За домом будут следить. Убедившись, что я «ушел на работу», они снимут пост. Знаю я это хулиганье, не захотят они попусту торчать на морозе. А я поброжу по городу до половины девятого и вернусь обратно в квартиру. Видел я у Аськи на кухне хорошую толкушку для пюре, тяжеленькую такую. Притаюсь за дверь, а когда Пиява сунет в квартиру свою буйную беззубую голову... Лишь бы только они не оказались в квартире раньше меня! В этом деле победителем будет тот, у кого толкушка.

ИЗ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ, НЕ ПЕРЕВЕДЕННЫХ СТУДЕНТОМ МАКСУДОМ АБЛАКАТОВЫМ В НОЧЬ С 25 НА 26 ЯНВАРЯ 1986 ГОДА:

«...Если Сеглан-хранитель и был когда-то выдающимся воином, то, несомненно, слишком давно. Сейчас его ожиревшая, словно у кастрированного кота, туша мелко тряслась под грозным взглядом лорда. Великолепный шелковый халат Сеглана, расшитый золотыми сколопендрами, был весь в пыли и паутине, а к длинным извилистым усам хранителя, напомаженным и умасленным благовониями, прилип мусор и мышиный помет, которые он подцепил под кроватью.

— Где Кольцо Власти? — прорычал Колвин.—Куда вы с Бустрофедоном его спрятали? Отвечай, мерзавец!

Сеглан быстро-быстро залопотал что-то на языке Орды, жестикулируя пухлыми ручками. Теперь уже у лорда не осталось сомнений, что перед ним имено Сеглан-хранитель. На руках толстяка не было ни одного пальца. Значит, Бустрофедон, хоть и окружил хранителя Кольца Власти роскошью и почетом, но, на всякий случай, лишил его возможности попользоваться охраняемым сокровищем, его смертоносными чарами. И еще одно понял Колвин: правды ему не добиться. Сеглан с высокомерием, достойным князя Орды, не пожелал изучить языки покоренных Ордой народов. А сам Колвин не знал языка, понятного Сеглану.

— Будешь переводить! — обжег он взглядом скулящего шута.—И горе тебе, если ошибешься! Понял?

— Екота! Екота! — замахнул тот руками и, склонившись в почтительном поклоне перед лордом, показал ему сквозь выбитые зубы кончик раздвоенного языка.

— Тогда переводи: «Сеглан-хранитель, я хочу получить от тебя Кольцо Власти. Бустрофедон повержен в своей цитадели, и Кольцо ему больше не потребуется». Я жду! Переводи же!

Шут с минуту молча шевелил губами, потом подскочил к Сег-

лану и вцепился ему в уши. Тот визгливо завопил. Колвин отбросил шута в угол и вновь повторил:

— Скажи ему, пусть отдаст кольцо!

— Парита му фа, Сеглан? Парита! — затараторил переводчик.—Парита тутра му? Вуна парита! Басилаза го суса Бустрофедон и сикота неа парита*.

— Нера ву...—все еще держась за уши, ответил толстяк.—Нера ву сикота! **

— Сеглан говорита... мэ-э-э,—замычал переводчик, подбирая слова,—где лежит Кольцо Власти — есть тайна.

—Он что, дразнит меня? Передай этой грязной свинье, что если Кольцо Власти через минуту не будет у меня на пальце, то ему не жить!

— Пара фу, Сеглан! Тета парита мун-мун, ву секир калган! Пара, Сеглан?***

Хранителя трясло уже крупной дрожью. Он хватался беспальными ручками то за затылок, то за шею и шумно сглатывал слюну. Колвину противно было смотреть на него.

— Екота пара! — наконец произнес пленник срывающимся голосом.—Тутра, мун-мун, парита фа! Им кит калган Ностреамус ос Белларворд! — он кивнул в сторону засушенных голов на гобелене.—Фом трисо! Неа секир калган, мун-мун! Неа секир!****

Шут в гневе запрыгал по комнате, корча отвратительные рожи и размахивая руками.

— О, мун-мун,—забормотал он, вплотную подходя к Колвину.—Сеглан говорита, ты не посмееша рубить ему голову. Он сам много рубила головы и знает — нужные головы неа рубить. А Сеглан — нужные человек. Если захотита, то и твой голова, мун-мун, повисита на ковер. Вон там. Так говорита Сеглан.

— Ах, так! — Колвин почувствовал, что лицо его наливается кровью.—Тогда переведи ему, что тайна Кольца Власти умрет вместе с ним. А я сумею прогнать Голубую орду с наших земель и без помощи темного колдовства! — и лорд потрогал запястье, где под кожей прощупывались узоры серебряного браслета.—Так что переводи: или Кольцо Власти, или смерть!

— Екота, муну! — и фигурка шута вновь склонилась в униженном поклоне. Повернувшись к пленнику, он торжественно сказал: —О Сеглан! Тахира мун-мун ека па! Сиро балата тунго, та Сеглан фрика сэ!*****

* Где лежит кольцо, Сеглан? Кольцо! Где оно у тебя? Отдай кольцо! Он победил великого Бустрофедона, и кольцо тому теперь ни к чему.

** Конечно, отдам... Конечно, нужно отдать!

*** Говори скорее, Сеглан. За кольцо господин может отрубить тебе голову!

**** Сейчас скажу! Кольцо лежит здесь, господин, во рту головы Нестреамуса из Белларворда. Вот — в третьей. Не руби мне голову, господин! Не руби!

***** Господин великодушно благодарит тебя. Хранитель подчинился ему и он возвеличит хранителя.

Неожиданно для Колвина, Сеглан перестал дрожать. Он гордо взглянул на лорда и, сложив руки на груди, нагло выпятил губу:

— Экота, мун-мун балата Сеглан та Сеглан мира мун-мун тега*.

Шут повернулся к Колвину:

— Сеглан готова к смерть. Сеглан говорита он не предаста Бустрофедона и не отдата Кольцо Власти. А где оно лежита — не знать никто!

— Ну, что же... Он сам хотел этого! Так пусть же Кольцо Власти не достанется никому! — в гневе промолвил лорд Колвин и шагнул к хранителю с обнаженной шпагой. Тот истошно завопил, глядя на Колвина округлившимися глазами.

Шут в ужасе полез на гобелен...»

Глава седьмая

БОГОМАТЕРЬ? ЗАВЕРНИТЕ!

Старец Ананий был крепким сорокапятилетним мужчиной представительной наружности. Однако в общине называли, да и сам он почитал себя «старцем». Ибо не было в душе Андрея Николаевича Митунина никакой легкомысленной пестрости, а имел он душу добротного густо-серого цвета.

Не то чтобы старец Ананий был чужд мирских соблазнов, но денег ему хватало, славы он не желал, почет уже начинал тяготить, а насчет жены чужой... так и свою-то, Любашу, хоть на четырех баб разменивай. А с другой стороны — блудницам Господь запрещал кидать только камни. Так что все у Анания было. И жил бы благочестивый старец, окруженный заботой «братьев» и «сестер», в покое и благолепии, кабы не смутил его нечистый в образе мужика, назвавшегося Святославом.

Встретились они в квартале от молельного дома, когда старец степенно шествовал домой после Таинства.

Странная это получилась беседа: словно две собаки, вынюхивали они друг друга ничего не значащими разговорами. Сперва старец подумал, что Святослав жаждет обращения, и даже обрадовался его молодости, ибо преклонен был средний возраст членов общины. Однако незнакомец заговорил вдруг о старинной иконе, и Ананий понял, что дело здесь не шуточное. Уж не провокатора ли черт прислал? Не всем ведь по нраву вера истинная. Однако слишком уж завлекательно выглядела фотография иконы, которую предъявил ему Святослав. Неужто — подлинная «Троица»?

* Конечно, Сеглан помог господину и впредь верно будет служить ему!

Назначив встречу через два дня, Ананий в тот же вечер откомандировал в Москву «сестру» Дормидонтовну, шустрюю пробивную старушку, и та, прилетев через сутки из стольного града, обвешанная покупками, сообщила, что «Троицы» в Третьяковке больше нет. «Знаем мы эти «реставрации!» — подумал многомудрый старец

Вторая встреча со Станиславом носила уже более деловой характер. Торговались истоиво. Больше пяти тысяч за икону старец не давал. Святослав громко стучал себя по лбу, утверждая, что он не псих и цену шедевр^у знает. Старец грозил ему перстом, помахи-вая у его носа вервием с узелками, которое заменяло ему четки, и постепенно, по «красненькой», набавлял цену. Но и в тот день общего языка они так и не нашли.

Следующая встреча была назначена на квартире Святослава, возле иконы и при деньгах. Сумма к тому времени уже успела вырасти до семи тысяч, но продавец все не сдавался. Ананий твердо решил для себя: «Уступлю еще куска полтора и — амба!» Нельзя же столь бесцеремонно распоряжаться деньгами общины!

Однако в назначенное время Святослава дома не оказалось, а патрули, расставленные старцем возле Хомячиного дома, выявили, что мужчина — высокий, тридцатилетний, с рыжими усами и в очках — не входил в этот подъезд уже несколько дней. Однако он там все-таки жил — об этом свидетельствовали местные старухи, которых умело опрашивали исподволь престарелые «сестры» Анания.

Этой ночью старец ворочался, будя жену.

— Ну чего не спишь? — сердилась Любаша.— Спи, коловорот этакий!

Старец сулил ей диавола и продолжал ворочаться, обдумывая перспективы. За «Троицу» Андрея Рублева можно было получить любую сумму — и в рублях, и в неустойчивой, подверженной девальвации, западной валюте. Может быть, даже — миллион!¹⁰ И при этом не было даже нужды заботиться о вывозе иконы за границу. Был у Анания старый дружок-приятель, который давно уже скупал у старца иконы и древние книги. В средствах он стеснен не был и имел свои каналы.

Ох, оборони от греха, Исусе-господи!

Ананий, как всегда, встал до света, крепко помолился, побрил щеки над бородой, чтобы избавиться от шальной щетины, которая норовила расти из-под самых глаз, и самоблагословил себя на поступок.

На улице было морозно. Поеживаясь под тулупом, старец прошел на автобусную остановку, в переполненном автобусе переехал через заледенелую Каму и вылез на автовокзал. Отсюда не торопясь, пешком двинулся к знакомому уже дому.

Входя в подъезд, он разминулся со смуглым парнем в синтетической шубе вишневого цвета, который, как показалось Ананию, с нарочитой беззаботностью шел по своим делам. Старец поднялся к квартире Святослава и позвонил в дверь. За дверью молчали.

«Мертвая тишина», — подумал Андрей Николаевич и позвонил еще раз, громко, настойчиво.

«Никого нет. Вот и ладненько!»

Старец Ананий был уже готов к поступку, но на верхней площадке стукнула дверь, и кто-то пошел вниз. Андрей Николаевич тоже начал поспешно спускаться по лестнице. Но полностью избежать чужих глаз ему не удалось. Снизу навстречу ему поднимались трое молчаливых юношей, не обративших, впрочем, на него никакого внимания.

Ананий вышел из подъезда, прошелся по двору, проводив взглядом старушку с пустым бидоном, которая вышла вслед за ним, и уже свернул было снова к подъезду. Но, подумав, что случайному наблюдателю его маневры могут показаться подозрительными, решил пройти по улице. Он вышел со двора, профланировал до конца квартала, купил в киоске свежую газету, покурил возле молочного магазина. Минут через десять оттуда вышла и легла на обратный курс старушка с бидоном. Выждав еще немного, старец неспешно вернулся на прежнее место.

Ответом на звонок снова была «мертвая тишина». Андрею Николаевичу это понравилось. Дверной замок он изучил загодя — ерунда. Было время, когда такие он отпирал ногтем. А сегодня в карманах у Анания припасено много полезных разностей: канцелярские скрепки, дамские заколки, английские булавки, перочинный ножичек с хитрыми щипчиками. Что еще нужно для удачного поступка а?!

Молитва от волнения на ум не шла. «И впрямь — старею», — подумал старец, орудуя в замке скрепкой. Замок податливо щелкнул, и дверь приоткрылась. Андрей Николаевич бесшумно проскользнул в эту щель.

Приложение № 4

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

«ЗАПОВЕДИ, ДЕСЯТИСЛОВИЕ, ДЕКАЛОГ (от греч. deka — десять и logos — слово, учение) — содержащиеся в Пятикнижии нормы поведения др. евреев, будто бы начертанные богом на 2 каменных плитах — «скрижалях завета», переданных Моисею на горе Синай.

В 3., к-рые фигурируют в Исх., преобладают культовые предписания: не поклоняться чужеземным богам, разрушать их жертвенники, не делать себе «богов литых» и т. д. Из норм личного поведения здесь содержится только запрещение смешанных браков, 6 нравств. норм поведения: почтение родителей, запрет убийства, кражи, прелюбодеяния, лжесвидетельства, посягательства на чужую собственность. Нравств. 3. отражают этические представления, к-рые

сложились в эпоху разложения первобытнообщин, строя и начала формирования рабовлад. об-ва. Многие из них носят ярко выраженный клас. характер. Их смысл значительно уже тех словесных формул, в к-рые они облечены».

«АТЕИСТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ»

* * *

Не знаю, как для кого, а для меня самое муторное — ждать у моря погоды. Мне надо было переждать час, и я отправился в кино, на самый первый сеанс. Давали фильм на любовно-сельскохозяйственную тематику. Назывался он «Калачу дедушка». Уже через час я познал настоящую необходимость тщательного боронования почвы и нехитрую истину, что даже и у передовых механизаторов бывают свои маленькие семейные неурядицы, которые эффективнее всего излечиваются новыми трудовыми достижениями. Вышел я из зала за полчаса до конца сеанса.

От кинотеатра до дома было три квартала, и время уже поджимало. Осталось его ровно столько, чтобы успеть зайти в квартиру перед приходом грабителей. Я прибавил шаг и чуть было не наткнулся на Нину. Она стояла во дворе возле телефонной будки. Я совсем уже хотел подойти к ней, поздороваться, поцеловать ее в щечку. Но что-то в ее лице насторожило меня. Девушка напряженно всматривалась в темный зев Хомячиного подъезда. Посмотрела на часы, потом снова на подъезд. Решительно вошла в будку. Я подкрался сзади, встал за ее спиной. Стекла будки были выбиты, и поэтому я отчетливо слышал каждое слово. Нина звонила в милицию. А ведь вчера еще делала круглые глаза и висла на мне, запрещая вязывать закон в эту историю.

«Это ваше мужское дело! Если Игоря вздуть как следует, он в твои дела больше не сунется!» И я ее послушался. А теперь она сама набирает 02. Значит, мальчиков возьмут прямо в квартире.

Нина вышла из будки, все еще не замечая меня. А я стоял и невольно сравнивал ее с Лидой. Нина, конечно, хороша, деятельна, чертовски обаятельна. Но Лида — это... Лида — это Лида, и этим все сказано. С Ниной придется проститься — совесть не позволит мне ее обманывать. И лучше не откладывать это объяснение. Сейчас в подъезд зайдут эти молодчики, потом придет милиция... Все обойдется без толкушки, без шума. А потом я скажу Нине: «Прости!» Она должна понять меня!

В эту минуту случилось неожиданное: Зуев не вошел, а вышел из подъезда. Вел его под белы руки старшина милиции. Сзади милиционеры вели еще двоих. Игорек корчил рожи, плевался и скалил щербатый рот.

«Вот это оперативность!» — подумал я.

Старшина снял с ремня рацию, сказал в нее что-то. Из-за дома выехал желто-голубой фургон. Мальчиков вежливо посадили в него, и они отбыли. Теперь мы с Ниной стояли бок о бок.

— Как это понимать? — спросил я ее. Девушка отшатнулась и тихо вскрикнула. На лице ее было написано удивление и разочарование. «Как у обезьяны, которая раскусила надувной банан», — невольно подумал я и устыдился такого сравнения. А до меня уже начало доходить: Зуев и К⁰ залезли в квартиру до девяти часов, и я со своим дурацким планом мести был заранее обречен! Но — звонок в милицию? Ай да Ниночка! Один звонок — и нет больше конкурентов. Зуева — в КПЗ, меня — в травматологию, а ей — Хомяк и «Троица». Ну и девка!

Я наступал на нее, она пятилась, тщетно пытаюсь сложить дрожащие губы в улыбку. А ловко подбросила она мне себя, словно крючок с наживкой!..

— Ну, ты и стерва! — сказал я, продолжая наступать.

Она запнулась о запорошенный снегом край песочницы и упала на спину. Нина смотрела на меня снизу вверх и, похоже, ждала, что я ее пну. Только я — не Игорьек. Я молча стоял над ней.

Она поняла, что удара не будет, все-таки улыбнулась и протянула руку.

— Помоги, Макс!

— Медведь вам спляшет! — презрительно ответил я и отвернулся.

А она, все еще веря в свои чары, надула губки:

— Ну, Макс!..

Как, все-таки, мужчине трудно бывает смириться с мыслью, что его, как воробья на мякине, провела смазливая девчонка! А девчонка лежит в сугробе и снова подманивает тебя на мякину. Неужели поддашься соблазну, товарищ Аблакатов?

И я протянул ей руку — женщина, все-таки.. но — в перчатке — было противно.

К подъезду тем временем подкатила машина «скорой помощи» и еще один милицкий автомобиль. Санитары с носилками нырнули в подъезд. Я забеспокоился: уж не Хомяка ли принесла нелегкая в неурочный час? Но выносили на носилках не Святослава, а какого-то незнакомого бородатого мужчину. Вышедший следом милиционер передал в «газик» прозрачный пластиковый пакет, в котором лежала злополучная Аськина толкушка. Пригодилась, значит...

Я оглянулся. Нины в песочнице, да и во дворе, уже не было. Сбежала. Но откуда же милиция узнала о планах Зуева? Ведь звонок гиенки явно запоздал. Кроме Игорька и его дружков о налете знали только трое: я, Нина и... Лида. Нашарив в кармане «двушку», я шагнул к телефону.

— Четвертый райотдел милиции. У телефона лейтенант Юркова,—ответили на мое «алло».

— Мне Лиду,—глупо сказал я.

— Да, я слушаю...

Трубка чуть было не выпала у меня из рук.

— Алло! Это Макс? Макс, приходите! Нам надо поговорить.
Алло, Макс!

Я повесил телефонную трубку в наказание за все то, что из нее услышал. Вот какие в жизни бывают разочарования!

ИЗ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ, НЕ ПЕРЕВЕДЕННЫХ
СТУДЕНТОМ МАКСУДОМ АБЛАКАТОВЫМ
26 ЯНВАРЯ 1986 ГОДА:

«...Принц-консорт Колвин ворочался на широкой кровати и думал о жене. Как и в предыдущие четыре ночи, минувшие со дня их свадьбы, Ридина не взошла на брачное ложе. Закон ее народа диктовал провести первые девять суток медового месяца в уединенных молитвах на вершине неприступной башни. Колвин знал, что, отворив неприметную дверцу за альковом и поднявшись на 884 ступеньки по винтовой лестнице, он мог бы заключить принцессу в свои объятия. Но дворянская честь и уважение к обычаям страны, приютившей и возвеличившей его, не позволяли принцу надругаться над вершившимся сейчас в башне таинством.

Наконец мысли о прелестной супруге стали совсем невыносимыми. Колвин встал с ложа, в шлепанцах и в ночном колпаке прошел к креслу у камина и, запалив пятидесятисвечный канделябр, сел читать.

В ветхой, изъеденной мышами книге излагалась смутная легенда о давно исчезнувшем народе — строителе огромных шумных городов, повелителе таинственных сил огня и металла; о народе, который тысячелетия назад властвовал над миром и за великую гордыню свою наказан был мором и голодом, бедой и войной. Там было написано о Темных веках, когда планета залечивала раны, а на смену впадшему в ересь и дикость человечеству Ушедших пришли орды новых, доселе невиданных существ, которые в упорной борьбе с природой, вновь подчинив себе стихии огня и металла, выстрадали право называться людьми.

Листая пергамент древних страниц, Колвин задумался о судьбах своего мира и мира Ушедших, о сегодняшнем и завтрашнем дне человечества. Свечи, чадя, оплывали, и душистый восковой дымок витал под сводами спальни. Давно уже пробили полночь колокола на башне городской ратуши, а принц все сидел, погруженный в свои мысли.

Вдруг чуткий слух его уловил легкий шелест шагов. «Ридина! Это Ридина спускается с лестницы!» — понял Колвин и, вскочив с кресла, подбежал к заветной дверце. Но шаги приближались не с этой стороны.

Скрипнув, отворилась тяжелая парадная дверь, и на пороге спальни вырос жуткий, чем-то смутно знакомый, силуэт. Принц не успел еще как следует разглядеть непрошеного гостя, как вспыхнули и разом погасли свечи в канделябре, а в густом воздухе августовской ночи, освещаемой только неверным светом ущербной луны, разлился промозглый холод склепов и подземелий.

Колвин в каком-то противоестественном оцепенении стоял, вцепившись в ручку заветной двери, а темная фигура уже заскользила по комнате. И Колвин узнал пришельца.

По брачным покоям королевского дворца безмолвно шел Бустрофедон. Колвин узнавал его осанку, походку... Изменилась разве что манера держать голову. Раньше колдун держал ее гордо поднятой, окидывая испепеляющим взором своих подданных и врагов; теперь же — вяло волочил ее за бороду по пышному ворсу хоросанских ковров.

Все еще не в силах пошевелиться, Колвин молча смотрел на страшного гостя. Взгляд его был прикован к лицу волшебника. Глаза Бустрофедона смотрели в потолок, а бескровные губы безмолвно шептали то ли заклятия, то ли молитвы злобным богам, которым поклонялись маги Голубой орды.

Обойдя комнату вдоль стен и пощупав рукой лебяжий пух перин брачного ложа, зловещая тень удалилась.

Как только захлопнулась дверь, Колвин вновь обрел способность к действиям. Выхватив из ножен, висевших на спинке кресла, свой верный клинок, принц выскочил следом за колдуном. А тот уже спускался по парадной лестнице, волоча по ступенькам свою седовласую голову. Голова подпрыгивала и болезненно морщилась при каждом ударе о мрамор. Вот Бустрофедон сошел вниз, миновав дружно храпящий караул, вышел из дворца.

«Вот и все,—подумал Колвин.—Значит, силы зла больше невластны надо мной. Чары рухнули!»

Взяв шпагу под мышку, он вернулся в опочивальню и, поменяв простыни, забылся сном.

Спал он этой ночью беспокойно. Под утро, увидев во сне белую крысу, не просыпаясь, вскинулся, закричал. Этим он до смерти перепугал свою тещу, вдвостыющую королеву, которая, как обычно, пришла пить его кровь...»

* * *

Говорят, одно из самых тяжелых испытаний, которые выпадают на долю космонавтов,—«пытка» сурдокамерой. Долгие часы, проведенные в одиночестве, в безмолвии, в полной беспомощности. Именно так чувствовал я себя в тот день. Слонялся по улицам, прятался от мороза в кафетериях, по мосту перешел на другой берег Камы и

вернулся обратно. Еще совсем недавно у меня были друзья, враги, с которыми я воевал, цель. А теперь я стал просто прохожим, праздношатающимся отпускатником Максудом Аблакатовым без определенных занятий.

В баре «Презент» были безалкогольные часы и полное отсутствие очереди.

— Ну, ты чего, Макс? Чего не заходишь? — теребил меня за рукав Павлик Пысин.

— Да все некогда...

— И не стыдно тебе? Человек для общего дела старается, кости собирает, а ему «все некогда!» — лицо юноши уже наливалось багрянцем.—На работе смеются. Дошел, говорят! Другие с работы разносолы домой несут, а Пысин — огрызки да кости голые. Жена из дома гонит — всю квартиру, мол, тухлятиной провонял. А ему — «все некогда!»

— Да успокойся ты,—через силу выдавил я из себя.—Наберешь центнер — и все уладится. Все уладится, Павлик. Ты только успокойся. Все уладится...

— Ну да,—голос его чуть потеплел.—А то хоть домой не показывайся. Каждый вечер с Люськой из-за этих костей лаем, почище этих твоих — «рольмопсов». Она ведь, Макс, на развод подать грозитя!..

— И это уладится,—утешил я его.—Ты только успокойся, и все у тебя уладится.

И ему этого хватило. Таинственно подмигнув, Павлик подвинулся поближе:

— Слышь, Макс! Я ведь снова того мужика встретил, который тогда икону мне продал! Пришел, понимаешь, с картиной. И сразу — ко мне по старой памяти.

— А ты?

— При-об-рел! Во какая картина! На ней богоматерь нарисована. Итальянская и с младенцем. Называется «Богоматерь Бенуа» и нарисовал ее художник Давинчи. Там так и написано: «Рисовал Л. Давинчи». Хорошая картина, на клеенке. И почти совсем новенькая. Купи, а! За полста уступлю! Ну?

— Давинчи, говоришь? — спросил я, еле сдерживая себя от истерики.—На клеенке, говоришь? Богоматерь? Заверните!

И снова я шел как в тумане. Натыкался на прохожих, «на автопилоте» переходил улицы, думал.

Странно ли, что и я, и Хомяк, и враги наши поддались на жалкую уловку пьянчужки, базарного художника, продававшего свою мазню за кружку пива и пригоршню бараньих костей? Затмение? Или такие уж глупые все мы подобрались? Не знаю... И ведь — никаких сомнений!

НАВОДНЕНИЕ

К вечеру я чувствовал себя, словно выжатая губка. Как это там? «Не успеет пропеть петух, а ты уже трижды отречешься от меня...»¹¹ Совсем было решился идти к Асе — все-таки она единственная женщина, которая меня сегодня не предала. Но почувствовал: не вынесет мое сердце ее вселенской скорби. В нерешительности топтался я во дворе.

Закутаннные старушки на скамейке возле подъезда увлеченно обсуждали утренние события. До меня доносились лишь обрывки фраз:

- Банда, как бог свят — банда...
- Осьмерых повязали...
- И старик с ними...
- Поп, говорят...
- Ишшо скажешь. Не поп. Сектант это...
- А тот ка-ак...
- Обухом?..
- Ишшо скажешь! Да не обухом, а колом...
- Пестиком, матушка, пестиком...

Старушки болтали самозабвенно. Но даже они возмутились, повскакивали со скамеечки, когда увидели, что я, схватив за воротник пробежавшего мимо мальчугана, начал накручивать ему ухо. Не мог же я объяснить им, убогим, что это — мой личный враг, товарищ Тит!

— Ага-а-а-а,—шипя от обиды, вдруг начал выговаривать мне пацан,—вы, Штирлиц, поступаете неэтично! Ведь мы же с вами — единомышленники!

От неожиданности я выпустил из пальцев красное мальчишечье ухо. Тит, вместо того, чтобы убежать, как поступил бы на его месте каждый, остался стоять возле меня.

— А о конспирации забыл? Я деру тебе уши в целях конспирации! Среди старушек могут оказаться люди Шелленберга!

— А-а... Ну тогда — дерите! — и этот чокнутый сам подставил мне ухо. С а м. Понимаете!

Продолжать экзекуцию мне расхотелось. Пропало уходральное настроение. Я смотрел на парнишку сверху вниз.

— Так крутите ухи-то! — шепотом одернул меня мальчик.—Гестапо не дремлет!

И тогда мне стало страшно. Я увлек парня за собой, под челолюбивое квохтанье бабок: присел на бортик песочницы, спросил его:

— Для тебя это так важно — играть в Штирлица? Зачем тебе это?

— А что,—ответил он поеживаясь,—дома-то снова мамка выпорет. За двойки.

Мало приятного — быть в шоке, но и он в конце концов кончается. Я ухватился за противника, и мы свалились на пол, покатались по комнате, сбив торшер, стучаясь о стулья.

— Не-ет! — хрипел незнакомец.— Не отдам! Моя она! Моя, слышишь?..—и все норовил меня придушить. А я уже понял, с кем свела меня судьба, и хотел только одного — дотянуться до выключателя.

И вот вспыхнул свет. Мы сидели на полу друг против друга. Я и Хомяк. Славка осунулся, оброс, весь был какой-то замызганный, с голодным блеском в глазах.

— Макс-уд,—выдал он с облегчением.—А я-то уж думал...

— Ты что, дурик, так здесь у меня все это время и сидел?

— Нет, только пять дней! У меня же ключ есть. Пять суток, час в час. Даже электричество по вечерам не включал, боялся. Ты знаешь, Макс,—вдруг всхлипнул он.—Меня ведь убить хотели! На меня сосульку с крыши сбросили! Во-от такую. И сектант, черт его побери, старух подсылал. И Зуев с парнями... Мне надо уехать, Макс! Дай мне денег, и я уеду!

А мне, честно говоря, смотреть на него противно.

— Кончай мандраж! Забрали их всех. В милицию забрали.

— Правда? — Святослав оживился.

— Правда, правда! Сам видел.

— А Ясонька?

— А за Асю надо бы тебе морду набить! Извелась вся за тебя, Славик. Эх, Слава, Слава... какой же ты Слава? Позор ты, а не Слава! Позор Иванович!

— Ну, так я пойду?

— Иди. Аська тебя ждет. Только вот что, покажи-ка ты мне икону. Ту самую, из-за которой весь этот сыр-бор!

— А? Да-да...—и Позор Иванович достал из-под матраца свернутый вчетверо холст.—Вот он а! — сказал он благоговейно.— «Троица»!

— Ты знаешь,—заметил я,— а ведь Андрей Рублев писал свои иконы на досках!

— Так и эта была к доске приколочена! Я уж потом ее отодрал, чтобы прятать легче было. Так что — все путем! Цены ей нет, этой иконе!

— Ну-ну...

— Знаешь, Макс, я пойду, пожалуй. А то влетит мне от Ясоньки. Вот только... Не принес ли ты перекусить чего? Я ведь тут у тебя все приел. Два дня голодным сижу.

— Минералку будешь? Говорят, отлично стронций из организма вымывает. Так налить тебе?

Разлили минералку, я достал из аптечки «*Semen Cucurbitas*».

Славка кивнул.

— Вот. Отличное глистогонное!

Мы молча гнали глистов и вымывали из организма стронций. Потом Славка ушел.

Так закончилась эта история.¹³

Я вернулся в спальню, повертел в руках раздавленный торшер, сунул его в угол, поправил смятые половики. Спать уже не хотелось, а думать уже не мог. Вместо этого я перемыл гору посуды, оставшуюся после Славки в кухонной раковине. Подмел пол. А теперь, может, принять душ?

Звонок.

Кого еще черти принесли? Если это Позор Иванович боится домой идти по ночным улицам со своим сокровищем под мышкой — спущу его с лестницы. Молча.

— Лида? Вы? Как вы меня нашли?

— Вы забыли, где я работаю?!

— Да-да, конечно...

— Мне можно зайти?

— Да-да...

— Нам нужно поговорить. Нам есть о чем поговорить, Макс! Нам было о чем поговорить.

В «Вечерке» тогда писали, что в город на одну ночь вернулась весна. Кама вышла из берегов и смыла в океан Рио-де-Жанейро.

Только мы с Лидой этого не заметили.

АВТОРСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рольмопс — селедка кусочками.

2. Как выяснилось, Святослав беседовал в это время с Андреем Николаевичем Митунинным.

3. Отсутствие информации о пропаже «Троицы» у М. А. Аблакатова объяснялось на самом деле иными причинами.

4. «СОВЕТСКИЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ» предлагает следующие варианты толкования этого слова:

а) ЕДИНОРОГ, то же, что нарвал.

б) ЕДИНОРОГ (лат. Мо осер), экваториальное созвездие, в ср. широтах СССР видно осенью, зимой и весной.

в) ЕДИНОРОГ, старинное рус. арт. гладкоствольное орудие. Вид Е.— гаубицы (1757), сопровождал пехоту в бою, существовал до середины XIX в. (до введения нарезных орудий).

А теперь выберите вариант, подходящий по смыслу!

5. Кавказская минеральная вода. В выборе Гиви нет ничего странного. Просто ресторан «Богатый урожай» одним из первых в городе стал безалкогольным.

6. Вполне возможно, что это была и не свинчатка, а, например, полено, кастет или свернутая газета. Ведь периодическая печать, особенно если в нее завернуть стальной брусок или арматуру, — тоже грозное оружие.

7. «А ке е осое» (англ.).

8. См. «АТЕИСТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ».

9. Уважаемые читатели, даже я, Автор, не на все сто процентов уверен в правдивости каждого слова моего героя. Так что ответственность за подлинность его приключений я с себя снимаю.

10. На самом деле икона А. Рублева «Троица» просто не имеет цены.

11. Цитата не помню откуда, но, кажется, неточная.

12. На самом деле эта встреча Максуда с Ульяной в трамвае произошла через неделю после наводнения.

13. По моим сведениям, именно здесь эта история и закончилась. Остальное — не более чем плод распаленной фантазии моего героя. А жаль — он заслужил большего.

К о н е ц

Д. ТРУСКИНОВСКАЯ

БАЛЛАДА ОБ ИНДЮКЕ И ФАЗАНЕ

Утро было ужасное.

Прежде всего, это было зимнее утро, а я терпеть не могу зимы. Точнее — мартовское. Но весной еще и не пахло.

Примерно в половине одиннадцатого я слонялась по комнате в длинном зимнем халате и время от времени относила в кухонный мусорник то подобранный на полу окурок, то пробку от винной бутылки. Попадалась и добыча покрупнее. Так, сопровождаемый ироническим взглядом, в мусорник канул носовой платок в крупную сиреневую клетку. Потом туда же был отправлен почти новый импортный блокнот с полуголой девицей на обложке. И, наконец, я без сожаления выпустила из пальцев флакон духов, в котором оставалось еще больше половины.

Из этого не следовало, что моя комната блистала чистотой, и лишь флакон с платком вносили беспорядок. Совсем даже напротив. Но мне сейчас было важно избавиться именно от них, а тогда я бы почувствовала себя в раю даже среди городской свалки, хотя обычно я порядок соблюдаю. Дома приучили.

Словом, мусорник наполнялся, а душа очищалась.

Время от времени я присаживалась на подоконник и глядела вниз. В глубине двора играли дети. Под моим окном, на дорожке, не играл никто. И не проходил тоже. Я видела, прижавшись горячим лбом к стеклу, только утоптаный снег и ничего больше, ни бумажки, ни веточки. И еще застрявшую на березовых ветках «Литературную газету». Ветер чуть колыхал ее.

Итак, было около половины одиннадцатого, когда в дверь позвонили.

Я задумалась — открывать или нет?

Дело в том, что квартира у нас коммунальная, четыре семьи, включая меня. Но считать себя семьей я никак не могла, особенно этим утром. Так что в итоге получалось — три семьи без меня.

В это время все взрослые на работе, все дети в садиках и школах, все престарелые в магазинах и поликлиниках. Болеть вроде никто не болел, кроме меня. Но ко мне врач уже приходил. Так что звонил человек, явно не знакомый с обычаями квартиры, не почтальонша и не дворник. Остается — заблудший гость или же милиция.

Заблудшему гостю открывать не стоило. А милиции... Да, пожалуй, после вчерашних событий я могла заинтересовать это учреждение... или, скорее, врача-психиатра...

Это мог быть и еще кое-кто! Тот, кому я не успела сказать еще парочку ласковых слов. А за бессонную ночь и нелепое утро мне их в голову пришло немало, и все, как на подбор, были великолепны по тонкости и ядовитости.

В общем, я пошла открывать дверь.

На пороге стоял мужчина.

Он был в короткой шубе из искусственного меха. И мне эта коричневая шуба сразу не понравилась. Может быть, тем, что недавно я видела такие шубы в магазине уцененных товаров. А уважать вещь из такого магазина я никак не могу. Сама-то я искала там старомодные огромные пуговицы, которые, к огромному своему изумлению, обнаружила в английском модном каталоге.

— Здравствуйте,—сказал мужчина.—Я из угрозыска. Званцев моя фамилия. Пройти можно?

— Проходите, товарищ Званцев,—растерянно сказала я.—Только угрозыска мне сегодня и не доставало...

— Извините, что побеспокоил,—он развалисто шел за мной по коридору и говорил в спину.—Я уже был здесь рано утром, постучал к вам в двери...

Тут Званцев налетел на холодильник. Я испуганно обернулась. Холодильник покачнулся, но устоял, а я отметила неповоротливость гостя.

— Извините,—сказал Званцев, судя по взгляду — не мне, а холодильнику.—Я к вам стучал, но вы не ответили. Ваши соседи сказали, что вы очень поздно легли и вообще, кажется, заболели. Я решил зайти попозже. Все равно я был в ваших краях.

— Бюллетень на телевизоре,—довольно-таки сварливо ответила я, пропуская его в комнату.—И не стоило ради меня приносить такие жертвы. Раз уж вы переполошили всю квартиру, могли и меня разбудить. Я все равно слышала сквозь сон какой-то шум.

Видимо, Званцев приходил около восьми — тогда я действительно повалилась на разворошенную тахту и отключилась на полтора часа.

А сейчас он стоял посреди комнаты в своей жуткой шубе и хоть бы догадался шапку снять! Мне очень хотелось стащить с него эту шапку и выбросить в окно. Зная за собой такую способность, я усилием воли сдержалась.

— Ну, я же знал, что буду в вашем районе до обеда. К тому же, у меня осталось еще несколько квартир неохваченных.

Я молчала. Званцев переступил с ноги на ногу, покачнувшись при этом. Я заинтересованно пригляделась — нет, трезв, только чем-то крепко ошарашен.

— Чем могу быть полезна? — как можно официальнее спросила я.

— А вот чем...

Он помолчал, видимо, формулируя вопрос поточнее.

— Видите ли, я уже говорил с вашими соседями...

— Ну и что же?

— Они сказали, что у вас допоздна слышались голоса...

— Чьи голоса? — сурово поинтересовалась я.

— Ваши голоса.

— Да? Впервые слышу, что у меня их несколько.

— То есть, вашего мужа. И ваш. Ваш и его. Ну, мужа.

Нетрудно было догадаться, как ему соседи охарактеризовали Бориса. Мялись, жались, отводили глаза и выкручивали экивоки в надежде на понятливость Званцева. Формулировка «муж» явно была его изготовления.

— Деликатность соседей меня радует,—невозмутимо ответила я.—Мне почему-то казалось, что они считают этого деятеля моим любовником.

Званцев ошалело на меня уставился.

— Позволю себе заметить, что я пришел совсем по другому поводу,—наконец опомнился он. Эта непозволительно вежливая фраза у него прозвучала тяжеловесно и просто отвратительно.—Ваши соседи сказали мне, что вы поздно легли. Но дело не в этом. Ваше окно выходит во двор. Я это выяснил сразу. Не исключено, что вы примерно в два часа ночи стояли у окна и кое-что видели.

Он переступил с левой ноги на правую, а потом с правой на левую, дважды покачнувшись при этом. Я попробовала прикинуть амплитуду, и получилось никак не меньше пятнадцати градусов. В нашей беседе возникла пауза.

— Ну, предположим, не только мои окна...—сказала я, чтобы хоть что-нибудь прозвучало.

— Конечно. Остальных я уже всех обошел. Вы последняя остались. Я ведь этим с семи утра занимаюсь. На мою долю пришлось пятьдесят две квартиры.

— В нашем доме столько не наберется.

— Во двор выходят еще пять домов. Мы все проверили.

— И что же я могла видеть в два часа ночи?

Честно говоря, мне даже стало любопытно. И это радовало, потому что после такой ночи обнаружить в себе щенячье любопытство — праздник. Значит, есть еще порох в пороховницах.

Он подошел к окну, я — за ним.

Двор у нас — не приведи господь. Но таким он был не всегда. Раньше в глубине нашего квартала стояли несколько деревянных домишек, каждый со своим двориком, палисадничком, а может, и огородиком. Снаружи, глядя на доходные дома, построенные в начале века, трудно было догадаться, что внутри — настоящая деревня. Хотя я видела в самом центре Риги еще два-три таких квартала. И там точно так же в мае цвели вишни, в июне — сирень, а осенью — георгины и астры.

Но вдруг за каких-то полтора месяца эти симпатичные домишки поносили, собираясь строить что-то эпохальное. Даже завезли ка-

кие-то трубы диаметром метра в полтора. Но тут наступила зима, и строители исчезли. Надо думать, вымерзли.

Итак, мы со Званцевым молча таращились на огромное, кое-как расчищенное пространство со всевозможными закоулками, в которое можно было проникнуть через восемь дверей и семь подворотен.

Обитатели двора, приспособившись к новым условиям, протоптали несколько троп. Это были вполне официальные магистрали, по которым можно было, не огибая весь квартал, попасть на троллейбусную и трамвайную остановки, а также в магазины и химчистку. Тропы петляли вокруг труб и уцелевших развалин. Несколько из них было «взрослых» — максимально спрямленных, от подворотни к подворотне, посыпанных песочком, чтобы в седьмом часу утра, в неверном свете от окон, не поскользнуться на бегу, спеша на работу. «Детские» тропы исчезали в развалинах. А еще одна тропинка была собственностью местных алкоголиков. Во всяком случае, их я чаще всего наблюдаю на этой тропинке, проходившей как раз под моим окном. Она ответвлялась от «химической» тропы и вела в наш подъезд, напротив которого — винно-водочный магазин.

— Вон там, видите, дверь?

Званцев имел в виду дверь, от которой начинались «химическая» тропа.

— Ну, вижу.

— На другой стороне улицы напротив нее — подворотня...

— Напротив — химчистка, а подворотня левее...

Элегантные следователи, сверкающие интеллектом с экранов, покраснели бы со стыда за этого растяпу. Мало того, что он находится в жилом помещении, не сняв шапки, мало того, что, с семи до одиннадцати слоняясь вокруг квартала, не усек, что и как расположено, так он же еще и опять принялся переступать с ноги на ногу, качаясь при этом, как в шторм на палубе!

— Может быть,—согласился Званцев.—Так вот, в этой подворотне стоит машина.

— Очень может быть. Отсюда, знаете ли, не видно.

— Она там стоит.—И Званцев покосился на меня, соображая, неужели я действительно осмелилась съязвить в беседе с представителем угрозыска. Но что еще я могла ему ответить? Я действительно не могла разглядеть машину сквозь стены шестизэтажного дома.

— Это «жигуль», вишневым,—продолжал, помолчав, Званцев.—Может, замечали его там раньше? Нет? Ну, это неважно. Примерно в два часа ночи от него отошел человек, вошел в подъезд напротив, пересек ваш двор и скрылся.

— И это все?

— Все, что мы пока знаем. О том, что он вошел в подъезд, сказала женщина, которая там живет на первом этаже. Она ждала дочь с какого-то праздника, не спала, услышала шаги, выглянула в дверь, мало ли чего, и увидела этого человека. Он вошел с ули-

цы и вышел во двор. Она увидела только его спину, мелькнувшую в дверях. Даже не заметила, во что он был одет. То ли в темную длинную куртку, то ли в пальто. И роста не заметила — там ступеньки, трудно сообразить. Вот... Это все, что мы пока знаем.

— Боюсь, что ничем не смогу вам помочь. Я решительно ничего не видела.

— А ваш муж?

Очень захотелось выставить Званцева из комнаты. На то, чтобы сказать «друг», у него, видимо, ума не хватило.

— Он тоже. Да мы и не могли бы никого увидеть.

— Почему же?

— Потому что у меня, как и у всех нормальных людей, зимой закрыты окна.

— Но ведь стекла-то у вас, надеюсь, прозрачные?

Он еще иронизировал! Но срезала я его красиво.

— Вот именно поэтому. Если из освещенной комнаты ночью вытлкнуть на темную улицу, то прозрачные окна окажутся зеркалом и вы увидите только собственное отражение.

— Действительно... Но люди часто приоткрывают окна.

— Форточку, хотите вы сказать? Но я не такая высокая, чтобы высунуться в нее без помощи стула. А взгромоздиться в два часа ночи на стул ради того, чтобы высунуться в форточку и полюбоваться пустым двором,—понимаете, это несколько странно...

— А приоткрыть окно, чтобы покурить возле него?

— Я не курю,—соврала я.

— Однако же кто-то курил у окна,—Званцев показал на пепельницу с остатками пепла, стоявшую на подоконнике.

— Вынуждена покаяться в небольшом грехе,—ледяным голосом сообщила я.—Мне было лень тащить ночью пепельницу на кухню, к тому же беспокоить соседей не хотелось, и я выбросила окурки в окно. Надеюсь, вы не донесете на меня нашей дворничихе?

— Но неужели вы с мужем хотя бы несколько минут не постояли у окна?

Я не сразу сообразила, при чем тут несуществующий муж. А когда поняла и представила себе, как женщина стоит, прислонившись к плечу своего мужчины, лаская пальцами это литое плечо и прячась за ним от холодной струи воздуха из полуоткрытого окна... Это было невыносимо!

Злость, холодная злость — вот в чем сейчас мое спасение. Только она не даст мне зареветь самым дурацким образом — да еще уткнувшись, быть может, в не менее дурацкую уцененную шубу! Злость и атака!

— По-вашему, у окна можно только курить? — задиристо спросила я.—По-вашему, мужчина и женщина наедине главным образом курят? По-моему, им есть чем занять себя и без никотина. И начинают они с того, что целуют друг друга... Не перебивайте ме-

ня, товарищ Званцев, я еще не все сказала, и вам эта информация когда-нибудь в жизни пригодится.

— Но раз вы целовались у приоткрытого окна, то могли хоть что-то видеть! — Эта размазня, кажется, стала терять терпение. Он качнулся, на этот раз трижды, и это было скорее уж нервное дерганье.

— Простите, я все-таки закончу свою мысль,—в отличие от Званцева, я умела пользоваться сверхвежливыми формулировками.—Так вот, когда мужчина и женщина целуют друг друга, они обычно закрывают глаза. Даже если в это время за окном происходит что-то уголовное. Надеюсь, вы понимаете, что все претензии в данном случае — к физиологии человеческого организма?

— А вы, надеюсь, понимаете, что такое — дача свидетельских показаний? — как можно строже спросил он.

— Если бы речь шла о свидетельских показаниях! Но я не могу быть свидетелем, потому что ровно никого и ничего не видела в два часа ночи. И мой муж тоже. Странно требовать от человека, чтобы он в два часа ночи торчал у окна и ожидал каких-то событий. Так что моя совесть чиста.

— В таком случае, простите, что побеспокоил.

— Мелочи,—сказала я.—Работа у вас такая — людей беспокоить. И больных в том числе. Извините, что ничем не могла помочь.

С тем я его и выпроводила, держась на стиснутых зубах и сжатых до судороги кулаках.

Вернулась я в комнату с той мыслью, что теперь не только можно, но даже и нужно расслабиться и выплакаться. Я даже села для этого на тахту и устроилась поудобнее. Но что-то совсем не плакалось.

Окаянный Званцев душу-то разбередил, а до спасительного и облегчающего взрыва не довел. Даже на это его бестолковости не хватило. Одно слово — размазня. А ведь должно было произойти что-то такое, чтобы я наконец разревелась и утихомирилась, а все то муторное, что сейчас сидело во мне, выплакалось навсегда.

Что касается Званцева, моя совесть в принципе была чиста.

Я действительно никого не видела из окна в два часа ночи.

Званцева интересовало именно это, и я дала исчерпывающий ответ. Да, окно открывала, вот и след на усыпавшем подоконник снегу. Да, выбрасывала... Да, никого не видела...

А остальное...

Остальное его совершенно не касается.

Остальное — факт моей личной биографии. И ничего больше.

* * *

Значит, сидела я на тахте и думала, как жить дальше, а в коридоре тем временем застучала палка бабки Межабеле. Сама бабка ходила довольно тихо, но вот палку себе подобрала внушительную. Я подумала, что надо бы вылезти на кухню и спросить, чем закон-

чился поход в поликлинику. Все-таки бабка в простудные дни всегда меня отпаивала травами.

Когда я подошла к двери, она без всякого стука резко распахнулась, и я чуть не схлопотала по лбу.

На пороге стояла Кузина.

И я поняла, что выплакаться по сегодняшнему поводу не сумею уже никогда. Более того — я через полчаса буду громко хохотать. Я то муторное, от которого я хочу избавиться, застрянет во мне на неопределенное время.

Кузина — моя троюродная сестра. В далеком детстве, обнаружив, что по французской терминологии мы являемся кузинами, мы с ней взяли это словечко на вооружение. И до сих пор не можем от него избавиться. Более того — каждого, с кем Кузина вдруг около полуночи заваливается ко мне в гости, я автоматически называю Кузенком, не очень допытываясь насчет настоящего имени. Кузина смеется, Кузен не возражает, и все довольны.

На сей раз Кузина была одна. Видимо, она вошла вместе с бабкой Межабеле.

— Привет, хвороба! — сказала Кузина.—Чего не звонишь?

Я собралась с силами.

— Поздравь меня! — гордо ответила я.—Наконец-то я вырвалась на свободу.

— Что-то я не припомню, чтобы ты собиралась на свободу,—недоверчиво заявила Кузина.—Ты еще неделю назад была довольна своим положением. А если точнее?

— Тебя интересуют факты?

— Они самые. Потому что твое внутреннее состояние мне уже надоело.

О том, что ее внутреннее состояние надоело мне уже сто раз, при очередной склоке с очередным Кузенком, она и не задумывалась.

— погоди, я лягу, накроюсь, и будут тебе факты.

Я так и сделала. Кузина сняла пальто, отмотала шарф, кинула их на стул и села у меня в ногах.

— Значит, так. Вчера приходил Борис.

Тут я сделала паузу, потому что не видела достаточного интереса на лице родственницы.

— Ну, пришел Борис и... Он что, прощаться приходил?

— Ты сама знаешь, зачем он приходил! — рассердилась я. Кузина могла быть и поделикатнее. Прощаться! Вот согласись я с ней сейчас, что он приходил прощаться,—и с каким азартом она примется мне объяснять, что он за скотина, не стоящая моего мизинца! А в глубине души, пожалуй, будет убеждена, что все справедливо, сколько же может длиться роман с женатым человеком? А виновата я, что ли, что он женатый?

Конечно, рано или поздно прощаться бы пришлось. Я это знала с самого начала. Но вся вчерашняя катавасия разыгралась совсем не из-за этого. И только теперь я задала себе вопрос: в самом

деле, из-за чего же? Ведь никакого веского повода для нее не было!

Я стала соображать, а одновременно мне приходилось излагать Кузине факты.

Факты же были таковы.

Если преступник, за которым гонялся Званцев, пробежал по нашему двору в без пятнадцати два ночи,—а пробежать двор, даже по скользкому снегу, он мог минуты за полторы максимум,—то он мог видеть следующую картину. Одно из немногих освещенных окон распахнулось, и из него вылетел импортный журнал и мужской вязаный жилет. Следующим выпорхнул элегантный пиджак, очень гармонизирующий с жилетом. Потом пестрой стайкой — всякая мелочь: пакетик анальгина, коробка сигарет, зажигалка и так далее.

Без десяти два выскочил мужчина в накинутаой дубленке — если преступник задержался из любопытства, ожидая, не выкинут ли тем же порядком хозяина пиджака, то он мог видеть, как высокий мужчина в дубленке на голое тело ползает по снегу, собирая свое имущество. Ему удалось подобрать все, потому что свет из окна падал на утопанную дорожку, а там и валялись вещи, я сама видела это в окно. Он унес всю охапку в дом. А минут через десять вышеуказанный мужчина покинул вышеозначенный дом навеки.

Кузина пришла в бешеный восторг. Ей особенно понравилось, что я пошвыряла в окно Борисовы тряпочки без всяких объяснений.

А какие тут могли быть объяснения?

Я сидела в кресле в одном халате и смотрела, как он одевается. Его время истекло, и я знала уже полгода назад, что оно истечет часам к двум. Борис никогда не оставался ночевать. И я не уверена, хотела ли я вчера, чтобы он остался. Если бы хотела — тогда другое дело. Тогда — проще.

Странное чувство тревожило меня — обычно я считала, что он одевается быстро, а сегодня видела, что он одевается торопливо. Разница немалая. И еще я думала о том, что в такие минуты мы почему-то всегда молчим, как будто совсем уж нечего сказать друг другу, хотя бы про погоду, про троллейбус, про соседей, ну, я не знаю, про что еще!

— Ты с ума сошла! — тем временем восхищалась Кузина.

— Наверно,—с великолепной гордостью говорила я.—Я вдруг поняла совершенно отчетливо, что если сию же минуту не избавлюсь от этого человека и всех его манаток, я умру или действительно сойду с ума. Понимаешь, самое жуткое было — как я методически выбрасывала в окно вещи. И озиралась, не забыла ли чего. Я даже газету выбросила.

— Какую газету? — вытаращив глаза, спросила Кузина, и на ее лице крупными буквами написалась зависть: ах, почему не она так царственно избавляется от надоевшего любовника? Р-раз — и в окошко!

— «Литературную». Он привез ее с собой и положил на пол

возле тахты. Наверно, приберег на закуску.

Кузина не поленилась встать и выглянуть в окно.

— Разве что воронам на закуску.

— Тем хуже для ворон!

Кузина выпытывала комические подробности, и я на ходу яростно сочиняла их. Даже хохотала сама при этом.

Но совершенно ничего смешного не было в том, что Борис скучным голосом спросил, где его часы, а я ответила, что на телевизоре, почему-то именно туда я складываю вещи, которые не стоит забывать или терять.

— Ну, когда теперь нагрнешь? — спросила я, пока он застегивал браслет, и удивилась собственному голосу. Обычно я старалась придать этой привычной фразе этакую независимость с оттенком небрежной нежности. Так и получалось. А сегодня в ней прозвучала такая явственная неприязнь, что мне стало не по себе.

— Не знаю, звездочка.

— А если точнее?

— Ну, ты же понимаешь...

Разумеется, я понимала, что имею дело с почтенным женатым человеком, на восемь лет старше меня, что я могу себе позволить, чтобы ветер в голове окурки гонял, а у него определенные обязательства и так далее.

Он мне ничего не обещал — это верно, ни разу не заходила речь о браке — это так. Я, со своей стороны, никогда не собиралась привязывать его ребенком. Словом, это был роман, каких я наблюдала вокруг великое множество. Все мои незамужние подруги считали делом чести завести и поддерживать хотя бы такой необременительный роман, без обязательств и прав. Что бы ты, голубушка, ни чувствовала на самом деле к герою этого романа, хоть бы и страсть, достойную шекспировской героини, изволь соблюдать правила игры.

Я и соблюдала эти правила, уверенная, что таким самоотречением доказываю себе силу собственной страсти. И, видимо, неплохо доказывала, раз меня хватило на целый год конспирации и полуторачасовых встреч. Впрочем, самоотречение было в чем-то даже удобно — роман оставлял прорву свободного времени, и я тратила его с пользой, сдала кандминимум и готовилась в аспирантуру.

Но тогда, в половине второго ночи, все оказалось не так.

Его любимое, тонкое, умное лицо вдруг показалось мне неприятным. Я поняла, что виноват пульсирующий свет ночника, затевающий самую странную игру теней на лице. Но сознание причины вспыхнуло и исчезло, а ощущение осталось.

И то, как он объяснил свой неожиданный приезд — побегом со второго отделения концерта в оперном театре, завершившего длинейшее торжественное заседание, — меня не развеселило, и я не подумала, что вот ведь, пользуется каждым удобным случаем, чтобы примчаться ко мне! Наоборот. Я представила себе, что жена спро-

сит его насчет программы концерта, она ведь у него дама светская, посещающая решительно все, на что продаются билеты. И он, привычный к этим стереотипным концертам, назовет ведущую балетную пару театра, трех-четыре оперных солистов, насчет камерного хора скажет, что забыл название, но исполняли что-то средневековое... А потом он заскочил к Колеватому, который по случаю рождения двойни принимает гостей только после полуночи, отдал ему его автореферат, а заодно выпил чаю.

Кузина хохотала.

— Нет, ты и одежду выбросила? Ой, не могу! Представляю себе! Ты просто ненормальная.

Судя по восторгу в голосе, это был комплимент.

— Не всю, конечно. А носки — выбросила. Они валялись рядом с «Литературкой».

— То-то был бы номер, если бы он не нашел носков!

— Нашел. Этот сукин сын все подобрал.

— Да, он у тебя такой. Аккуратный.

Кузина никогда не симпатизировала Борису. И не потому, что женатый. Мы просто кое-что знали о его служебной биографии. Не последнюю роль в ней сыграла выгодная женитьба, после которой Борис, истинная дворняжка среди породистых научных и околонаучных деятелей, вдруг резко пошел в гору.

Это возмущало Кузину. Я сперва старалась этого не замечать и не думать на эту тему.

И то, что Кузина назвала Бориса аккуратным, тоже было издевкой. Борис пользовался любой возможностью, чтобы насвинячить в комнате, все раскидать, обсыпать сигаретным пеплом и облить пивом. Наверно, компенсировал необходимость поддерживать порядок в стерильном доме тестя. Там он явно сдувал пылинки с полированных ножек шкафа.

— Аккуратный,—согласилась я, и мы обменялись понимающими взглядами.—Даже обидно — зря старалась.

— Жаль, что его манатки не нырнули в сугроб и ему не пришлось их оттуда выуживать.

— Насчет сугроба я промахнулась. Сугроб оказался левее. И хватит об этом. Закрыли тему. Мне только одной вещи жалко.

— Зажигалки?

— Ага. Ведь только на прошлой неделе ему подарила.

— Ты спонтанная женщина.

— Если бы я ее просто шваркнула в угол, он бы за ней туда не полез. И можно было бы обратно поменяться со Светкой.

— Как же! — вдруг разозлилась Кузина.—Фиг она тебе обратно поменяется! Надо быть такой балдой, как ты, чтобы за копеечную зажигалку отдать этой жмотине восьмирублевый французский брасматик!

— Зажигалка тоже французская. И деньги Светка брать не хотела.

— Потому что деньгами красная цена этой дряни — трешка. Та еще оторвила! И ты тоже прелесть. Нашла кому подарки дарить. Он тебе много дарил?

— Духи. Пластинки. Цветы таскал. Летом, когда дешевые.

— Вот разве что духи... Если ты их еще не все на себя вылила, давай махнемся.

— А что ты предлагаешь?

— А что хочешь. Можешь распотрошить всю мою косметичку.

Кузина сделала это предложение грубовато и бесшабашно, но в том-то и заключалась истинная деликатность. Она знала мою натуру. Вполне могло стать, что, невзирая на сегодняшнее самоуверенное «закрыли тему», через месяц я засела бы на подоконнике с флаконом в кулаке, нюхая остатки духов и круглосуточно ожидая телефонного звонка. Я не сомневалась, что в ближайшем будущем из комнаты безвестно исчезнут и пластинки, и глиняный чертик, и фотография Бориса.

Но на предложение насчет духов я сегодня могла ответить просто великолепно.

— Если они тебе нужны, выуживай их из кухонного мусорника!

— Ты мне нравишься! — объявила Кузина, пошла на кухню и выудила-таки флакон из мусорника.

А я думала, как же это оно все так получилось.

Борис ведь не сказал ни одного грубого слова. Впрочем, и ласкового не сказал. Как мне удалось завестись, я не понимала. И что такое было в его взгляде, в повороте головы, в движении губ, от чего я сорвалась с кресла и кинулась распахивать окно, я уже не понимала. К тому же, прежде чем понять, нужно было все вспомнить. А именно этот момент и вывалился у меня из памяти. Я напрочь забыла, какие слова сказала Борису, прежде чем хвататься за жилет, журнал и прочее.

Кузина сдержала слово — вывернула передо мной на стол всю косметичку. И это был подвиг — у всякой уважающей себя женщины в походной косметичке все подобрано по цвету и запаху, и восполнить прореху не так-то просто.

— Оставь,—понимая это, сказал я.—Я тебе дарю эти духи. Мне теперь не до косметики.

— А что еще случилось? — вдруг сообразила Кузина.—Выкладывай. Соседи?

Я не удивилась. Мы с ней чувствовали друг друга. Кузина через весь город уловила мое сегодняшнее состояние и приехала.

— Почисте. Угрозьск!

— Ты кого-то пришибла Борисовыми башмаками? — развеселилась Кузина.—Или Бориса в подворотне хватил инфаркт?

Я коротко, но довольно ядовито рассказала ей про визит Званцева.

Кузина возмутилась:

— Посылают же болванов! Трудно, что ли, понять, что женщина на грани истерики?

— С чего ты взяла, что я была на грани истерики?

Это было уже лишнее. При Кузине я всегда держалась стойко, и возможная истерика — не ее ума дело.

— А разве это было не так? Разве ты после того, как твой растреклятый Борис смылся, не уселась на подоконник и не тарашилась всю оставшуюся ночь на кавардак во дворе? Ох, попался бы мне этот индюк Званцев! Я бы объяснила ему, кто он такой!

— Ты что, знакома с этим Званцевым? — изумилась я.

— С чего ты взяла?

— А почему ты тогда назвала его индюком?

— Потому что он индюк! — уверенно объявила Кузина.

Неуклюжее, несуразное, взъерошенное коричневое существо, шагающее враскачку и — я вспомнила совершенно отчетливо — с красным кашне на шее! Это был именно индюк, по всем параметрам — индюк, и оттенок кашне тоже был совершенно индюшачий.

Все-таки мое жизнерадостное вранье дало трещину. Ну, было ночное сидение на подоконнике... Только незачем было Кузине докладывать мне, что она все поняла. Могла бы и дать мне покрасоваться в роли победительницы, с позором изгоняющей сукиного сына.

— А что касается Бориса...—голосом, не предвещающим ничего хорошего, начала Кузина и замолчала.

— Ну?

— Ничего.

Но я чувствовала, что в ней занозой засела какая-то идея, и пока Кузина не реализует ее — не успокоится.

* * *

Прошла зима и наступило лето.

Борис не звонил мне, я не звонила Борису.

Кузина ни слова не сказала о Борисе.

Чертик пропал, пластинки — нет. Наверно, Кузина забыла, какие именно нуждаются в изъятии.

И мне показалось, что она, вопреки своим привычкам, все забыла.

Вообще-то, когда Кузина втемяшит себе что-нибудь в голову, лучше ей поперек дороги не становиться. Я несколько раз убеждалась в этом. В свое время Кузина поклялась, что выйдет замуж за сына декана своего факультета. Вся ее группа с замиранием следила за событиями. И Кузина всю ораву пригласила на свадьбу. Правда, из этой затеи ничего путного не получилось. Деканский сын оказался разбалован до крайности. А Кузина не стала корчить из себя Золушку.

Теперь она пребывала в свободном поиске. И вела его жестокими средствами. Кандидаты в Кузены отлетали от нее, как теннис-

ные мячики. Ей нужен был, как она объявила, расставшись с деканским сыном, мужчина в доме. Зачем ей мужчина в доме при наличии хозяйственного папы, моего дядюшки, безропотно выполнявшего все домашние обязанности, она не объяснила.

Кандидаты, способные починить телевизор и самостоятельно внести на четвертый этаж холодильник, отсеивались при первом же посещении выставки или театра. Кузина была решительна и никого не щадила. А любители натюрмортов оказывались, как правило, несостоявшимися художниками и жуткими растяпами.

В результате Кузине пришлось как-то давать показания по делу о попытке самоубийства. Один из растяп, особенно нервный, долго угрожал ей этим деянием, наконец решился, проглотил упаковку таблеток и сам же помчался вызывать «скорую помощь»...

Вот какая у меня имелась Кузина. Я привыкла к ней с детства, я любила ее, я была уверена в ее любви ко мне, но немножко ее побаивалась. Дело в том, что мы с ней были очень похожи — обе блондинки, одного роста, только у меня лицо поострее и телосложением я тоньше. И это бы еще ладно — самая скверность заключалась в сходстве характеров. Я была разве что потише Кузины, больше обращена в себя, меньше — к публике. А за исключением этого... Иногда, глядя на ее эскапады, я с ужасом думала, что в глубине души способна на точно такие же. Кузина невольно провоцировала меня. И, может быть, изгнание Бориса было навеяно какой-то из ее авантур, о которой она сама благополучно позабыла.

Итак, я понемногу убеждалась, что Кузина занята своими делами и не сует нос в мои.

А мне без Бориса жилось, если подумать, даже неплохо. Я много читала, бывала в компаниях, готовилась в аспирантуру и даже вязала себе свитер. Словом, жизнь продолжалась.

Со свитера-то все и началось.

Я затеяла слишком мудреный узор на груди и постоянно бегаю консультироваться к бабке Межабеле.

Семейство бабки, с чадами и домочадцами, занимало в квартире три комнаты. Причем комнаты здоровенные, каждая не меньше двадцати метров. Бабка могла выбрать себе для проживания любую комнату, обосноваться в ней, и все были бы только довольны. Так нет же — видимо, вспомнив свою довоенную молодость, проведенную в прислугах, бабка поселилась в девичьей.

Днем-то она, как правило, хозяйничала в трех комнатах, наводила там порядок и стряпала на все семейство. Ночевать же уходила в конуру площадью в четыре квадратных метра. Такие конурки в приличных квартирах примыкают к кухне и предназначены для несуществующих домработниц. Из-за бабкиной блажи всей квартире нигде было держать лыжи и велосипеды.

Но с бабкой Межабеле не спорили. Бывают такие обаятельные старушки, при одном взгляде на которых становится стыдно за то, что ты вообще хранишь в памяти какие-то нехорошие слова. Смот-

рят эти старушки ясным взглядом, их седые волосы разобраны на прямой пробор и завернуты в такие аккуратненькие узелки. И говорят они негромкими, ласковыми голосами, послушаешь — и хочется стать маленькой внучкой, чтобы тебя такая старушка любила, обихаживала и уму-разуму учила.

Вот такой старушкой и была наша бабка Межабеле. Она могла тихим своим голосочком попросить дворовое пацанье не ломать веточек, потому что куст тоже живой и ему больно, и мальчишки ее слушались, хотя вряд ли верили в древесные способности к переживаниям. Наблюдавшая эту сценку дворничиха, ошалев, назвала бабку колдовкой.

Кроме прочих талантов, бабка Межабеле отлично вязала, и я беззастенчиво пользовалась этим.

В девичьей не было видно стен под пучками трав. Бабка была главным квартирным врачом — сама, правда, ходила в поликлинику, но, наверно, больше ради общения с другими восьмидесятилетними бабками. Кое-какие травы я знала и умела ими пользоваться, но без бабки сюда не лазила.

Бабка усадила меня на низенькую кровать, мы разложили вязание на коленях, и она принялась растолковывать мне мою ошибку. Слово за слово — бабка деликатно заметила, что я хожу скучная и не заварить ли мне какой травки, дабы я повеселела?

И я призналась бабке, что мне действительно тоскливо, что сидит во мне нечто муторное, и никуда от него не деться, и что должно произойти что-то этакое, из ряда вон выходящее, дабы я очухалась.

Бабка удивилась.

— Живешь хорошо, родители деньгами помогают, молодая, красивая, ученая — чего же еще не хватает? Жениха? Выйди из дому — вот и встретишь. А ты сидишь, как сова в дупле.

— Я выхожу, бабусь. Как выхожу, так и прихожу. Никто мне не нужен. И мне кажется, что так теперь будет всю жизнь — буду уходить и приходиться, и все одна.

— Уж ты одна не останешься,—заверила бабка,—только перебирать меньше надо.

— А любовь? Так и брат без разбора, что подвернется?

— Любовь — она тоже всякая бывает. Вот читала в «приложении» — семидесятилетние объявления дают, мужа или жену хотят встретить? Значит, знают, что могут полюбить человека. Только не так, как любит девочка в четырнадцать, и не так, как любит девушка в восемнадцать, и не так, как в двадцать пять, и не так, как в тридцать. Главное — не засидеться..

— В девках? — усмехнулась я, удивившись тому, что мудрая бабка свернула вдруг на такую банальность.

— Нет, девочка, не засидеться в четырнадцати, не засидеться в восемнадцати, не засидеться в двадцати пяти..

— А я вот засиделась,—пожаловалась я.—Не сумела выдернуть

себя — вот и сию. Только не в восемнадцати или тридцати, а вообще вне времени. Как будто его для меня не существует.

— И чего же ты хочешь?

— Ну, чтобы что-то вдруг случилось...—Я искала понятные бабушке слова.—Чтобы какие-то события начались, может, даже опасные. Чтобы я была вынуждена действовать, принимать решения, чтобы мне жить стало интересно.

— Учишься, работаешь, в театры ходишь— разве это тебе неинтересно? Я в молодости ученым завидовала, когда женщина читает книжку и все в ней понимает, или беллетристику...

Я не удивилась иностранному слову в бабушкиных устах — она иногда принималась пересказывать сентиментальные романы тридцатых годов, которые почему-то называла «беллетристикой».

— Мне этого мало.

— А если начнутся какие-то чудеса в решетке — много не покажется? — усмехнулась бабушка.

— Нет! — твердо ответила я.

Бабушка встала, вышла на кухню, потрещала над газовой плитой электрической зажигалкой и вернулась.

— Воду поставила,—сообщила она, встала на кровать и стала перебирать травы на стене, от некоторых пучков отламывая по веточке, разглядывая эти веточки на свет и собирая их в букетик. Тем временем вода закипела. Бабушка принесла эмалированную джезву с кипятком и большую глиняную кружку.

— Полдень или полночь,—загадочно сказала она.—Сейчас — полдень. Годится.

Она сунула букетик в кружку и залила его кипятком из джезвы.

— Прикрой ладонью,—велела мне бабушка.

Я положила на кружку ладонь и ощутила горячее и влажное.

Бабушка тем временем что-то вспоминала.

— Бабуся, жжет! — пожаловалась я, не понимая, к чему все эти манипуляции.

— Так и должно быть.

— Я больше не могу.

— Терпи.

Я потерпела еще несколько секунд и отдернула руку:

— Довольно.

— Ага, довольно... Твое слово... Больно...

Бабушка склонилась над кружкой и забормотала. Поскольку она, готовя свои отвары, всегда бормотала, мы к этому привыкли, и я не обратила бы внимания на бабушку, если бы не странная процедура с моей рукой. Да и то — я слишком поздно вслушалась и уловила лишь несколько слов.

— ...страшно иль больно... ..вольно... скажешь — довольно, скажешь — довольно...

А затем пошла какая-то неразбериха.

Я терпеливо ждала, чем все это кончится.

Когда бабка перестала бормотать, вода в кружке почти остыла. Я успела провязать два ряда.

— Выпей,—сказала бабка.

— Зачем?

— Увидишь.

Бабины травы не раз вылечивали меня. Кто ее, бабку, знает— может, она увидела у меня на лице признаки какой-то зарождающейся хвори? Я, долго не рассуждая, вынула из кружки распаренный букетик и выпила все без остатка.

И в эту минуту задребезжал дверной звонок.

Увидев Кузину, я сразу поняла, что она не с пустыми руками. И дело тут было вовсе не в ее набитой сумке.

Кузина принесла в клювике идею.

— У меня есть к тебе несколько основополагающих вопросов,— начала она чуть ли не с порога.— И первый из них: когда ты в последний раз видела Бориса?

— Вот именно тогда! — отрубила я. Мы несколько месяцев ни словом о нем не обмолвились. И мне очень не хотелось, чтобы Кузина затеяла о нем разговор. Все-таки во мне еще не было желанного равнодушия, которое бы позволило говорить о нем как о постороннем человеке.

— Больше — ни разу? На улице не встречала? Точно?

— Нет. Точно — не встречала.

— Тогда — слушай,—торжественно начала Кузина.—Только не говори сразу «нет». Я спланировала очень злую шутку. Ты меня знаешь —с хорошими людьми я таких шуток не устраиваю. Он сделал все возможное, чтобы напороться именно на эту шутку. Мы стукнем его по самому больному месту. Чего он, по-твоему, больше всего боится? Ну?

— Вылететь с работы.

— Фиг. Вылететь из семьи! Работу-то ему тесень устроит какую душе угодно... И если над ним нависнет угроза вылететь из семьи, это будет только справедливо. Втерся в доверие, а сам на стороне повадился свинячить!

— Ну и зачем тебе понадобилась его семья?

— Я хочу насмерть перепугать его. Чтобы он несколько месяцев прожил в диком страхе. Понимаешь? В страхе, что все его благополучие вот-вот рухнет.

От этих угроз страшно почему-то стало мне.

— Послушай, а нельзя ли притормозить? В конце концов, формально он ни в чем не виноват. Он ничего мне не обещал. Я сама порвала наши отношения. Пусть уж себе существует! Я на него зла не держу. Он меня решительно ничем не обидел.

— Нет,—объявила Кузина,—если его теперь не щелкнуть по носу, он бог знает чего натворит. Их слишком много развелось, этих обаятельных сволочей, которые выбирают себе новую семью, как дойную корову на базаре. Надо хоть одного проучить. Уж больно

ловко он приспособился пользоваться всем, что подворачивается под руку. Тобой вот попользовался. Для разрядки. Еще какой-нибудь юной вороной попользуется. Женой пользуется — для положения в обществе. Видела я позавчера его жену. Показали. Если одним словом — декоративная женщина. Для выездов в высший свет современной науки.

— А хоть дезоксирибонуклеиновая! Хоть фосфоресцирующая! Мне-то что до нее?

— Ты бы теперь помирилась с ним, если бы он позвонил? — в лоб спросила Кузина.

Я задумалась.

Кузина сказала правду о наших с Борисом отношениях. Она говорила эту правду еще тогда, когда я обалдела от его появления на моем горизонте. Но правда мне и тогда и теперь была ни к чему. Мне нужен был Борис, мне тогда нужно было мое чувство к нему. Его жизнь за пределами моей комнаты была какой-то несуществующей. И если бы я теперь, после всего, услышала его голос...

— Ни за что,—уставившись в пол, доложила я.

— Ловлю на слове. А теперь слушай внимательно. Позавчера мне пришел в голову замечательный план. Мы ездили купаться на остров Долес...

— Поближе акватории не нашли?

— Не так уж и далеко. Это на речном трамвайчике от центра целый час трюхать. А от Кенгарагского причала — шесть секунд.

— Плюс сорок минут до Кенгарагса.

— Зануда. Сорок плюс шесть секунд на моторке.

— И откуда же у тебя моторка?

В моем голосе не было удивления. Вот если бы Кузина проехала по Риге на верблюде — я бы, может, и удивилась...

Выяснилось — очередной Кузен, подцепленный неделю назад, проникся серьезными намерениями и возил Кузину к своим родственникам, обитающим на острове Долес. Двоюродный братец Кузена подогнал к Кенгарагскому причалу моторку и переправил их на остров. Там ее ждали все прелести хуторского житья — парное молоко, купание в реке, удивительно чистой по нашим химическим временам, свежевыволненная и немедленно зажаренная рыбка, а также прорва земляники, потому что усадьба родственников стоит в лесу.

Так вот, прогуливаясь по берегу в обществе Кузена и его двоюродного брата, Кузина опознала в человеке с удочкой, сидящем на мостках, Бориса.

Вид у него был совершенно домашний.

У Кузины хватило терпения не будоражить вопросами мужчин, а вернуться домой и осторожно все выпытать у тети Милды — хозяйки усадьбы.

И оказалось, что бабка жены Бориса, маменька всемогущего тестя,—островитянка.

Кузина предприняла все возможное, чтобы посмотреть на жену Бориса, хотя это практического значения для созревшего плана не имело. На это она убила весь вечер и все утро.

Теперь мне стало понятно, почему я напрасно искала Бориса прошлым летом по выходным в Юрмале и на Видземском взморье. Он хорошо спрятался — тем более, что на острове почти не было телефонов.

Прежде чем приступать непосредственно к плану, Кузина притащила из коридора свою набитую сумку.

— Правда, прелесть? — сказала она, вытаскивая широченное и здорово помятое платье из марлевки. — Тебе пойдет, ты можешь себе позволить складки на бедрах. Берешь?

— Сколько?

— Значит, берешь. Половина дела сделана. Но платье я отдам только в комплекте с купальником.

Странно — вытаскивать купальник она не торопилась.

— Я с ним всю ночь возилась, — сообщила она. — Чего только не перепробовала! Наконец сообразила — поролон! Распоролла подушку от кресла, пока эти проклятые концентрические круги вырезала, пока сшила, пока сферу скроила... Жуть! Но получилось!

— Какую еще сферу?.. — Я знала природную ненависть Кузины к точным наукам. Сфера, да еще концентрические круги — это было почище путешествия на верблюде...

— Вот. Эту!

Я взглянула на купальник и ужаснулась.

— Ни за что и никогда!

— Ты только посмотри, как замечательно!

Кузина вскочила, скинула платье и поверх свего купальника натянула тот, от которого я шаркнулась. Потом подошла к зеркалу и с глубочайшим удовлетворением себя оглядела.

— Все рассчитано по «Справочнику фельдшера»! Более того, не перекошено! Движений не стесняет! А вид — будто на восьмом месяце.

Поролоновое пузо, вшитое изнутри в купальник, действительно торчало, как натуральное.

Я прикинула сроки... Если учесть, что мужчины слабоваты в этой арифметике... Да, вполне бы мог быть и восьмой месяц.

— Можешь извлекать свою сферу обратно, — как можно строже сказала я. — Я на это не подписываюсь.

— А почему, позволь спросить?

— Это неэтично.

— Ты хочешь сказать, что Борис — образец этичности?

— Зачем же опускаться до его уровня?

— Никто и не заставляет. Мы просто проучим его. Это будет довольно злой урок, не более того. Ну?

Покопавшись в глубинах своего подсознания, я обнаружила, что проучить Бориса мне не хочется.

— Тем более, что это могло случиться и на самом деле,—продолжала Кузина.—Насколько я знаю тебя, ты бы не стала избавляться от ребенка.

Я задумалась. С одной стороны, ребенок мне теперь был совершенно ни к чему. С другой — однажды, подозревая это, я удивилась собственной покорности судьбе. Возможно, Кузина была права.

— И ты бы вряд ли обрадовала этой новостью Бориса,—не унималась Кузина.—Скорее всего, ты бы поскорее порвала с ним. Хотя бы от сознания того, что он тебе в этой передраге не помощник. У тебя бы не выдержали нервы и в одну прекрасную ночь ты бы повыбрасывала все его манатки в окошко без объяснений. Разве не так?

Я обалдела. Все было так...

— Значит, предварительную работу ты уже провела. И если он увидит тебя с пузом, он просто решит, что понял, почему ты его тогда выставила. И придет в ужас.

Он, может, и поймет, да я-то до сих пор не могу понять, почему это случилось. Сама для себя я сформулировала расплывчато: вожжа под хвост попала. Но что это было на самом деле, я не знаю.

— Почему это в ужас?

— Потому что женщина в таком положении непредсказуема. Ты можешь устроить ему в общественном месте скандал. Или заявиться к его жене. Или позвонить на работу.

— Ты в своем уме?

— Но он же не знает, что ты ничего этого не сделаешь! Ты просто прогуляешься перед воротами бабкиной усадьбы на острове. Только это! Ты дашь возможность увидеть себя, а остальное он сочинит сам. И чем больше он будет соображать и вычислять, тем ему будет страшнее. Каждую ночь будет видеть в кошмарном сне твое пузо. Которое, кстати, вполне могло бы состояться, если бы не я.

Что верно, то верно — она снабжала меня соответствующими импортными снадобьями.

— Ну, если только прогуляться...

В конце концов, разве я в ответе за чью-то разыгравшуюся фантазию? У порядочного человека возникла бы одна мысль — немедленно зарегистрировать брак. А предвидеть все, что закипит и забулькает в голове у непорядочного человека, я никак не могу.

— Значит, в эту пятницу, после работы...

— Погоди, погоди...

— А чего ждать? Плохой погоды? Так ведь через неделю можем и дожждаться! В пятницу едем, в воскресенье возвращаемся. Где живет Борис, я знаю. Давай, мерь купальник!

— А если в нем проснется совесть и он позвонит?

— Пошлешь к чертовой бабушке! Уж к дверям роддома-то он с розами не явится!

У затей с поролоновым пузом немедленно обнаружился крупный недостаток. Погода стояла прекрасная, а я на два дня оказывалась выключена из активной жизни. Купаться, загорать и играть в мяч на

восьмом месяце вроде не полагается. Да и как купаться, если проклятое пузо немедленно набрякнет и потянет меня ко дну?

Кузина пообещала, что мы вдвоем сбегает искупаться ночью, когда все заснут. Тем более, что дом тети Милды стоит на самом берегу протоки между островом и курземским берегом Даугавы.

Не успела я опомниться, как Кузина ловко набросила на меня платье из марлевки, одернула и восхитилась результатом.

— Пузо могло быть и больше,—самокритично заявила она.—Для мужчин полутона не годятся. Им если беременность — так подавай в три обхвата, а то не догадаются

— Можно нажать на детали,—увлекшись, предложила я, и совершенно напрасно. Кузина изучающе на меня уставилась.

— С волосами что будем делать?

— Ни-че-го! — угрожающе ответила я.

— Ну-ну, зачем так свирепо? Уж если входить в образ.. Все беременные носят плоский хвост сзади. У тебя есть резинка?

С моими волосами плоский хвост не получится. Чтобы они плоско лежали, мне нужно полгода головы не мыть.

— Ничего, мы их смажем репейным маслом,—нашлась Кузина.— Это даже полезно. И у тебя будет совершенно беременный вид.

— А светлые волосы репейным маслом не мажут,—выпалила я в великом перепуге, что вот сейчас Кузина достанет из сумки пузырек и начнет меня поливать.—Они от него темнеют. И вообще им только ресницы мажут, чтобы лучше росли.

— Хм... Погоди, есть еще такое средство — бриллиантин. После него голова прямо блестит и гладкая, как полированная.

— По-твоему, я для того делала химию, чтобы ходить, как полированная? — и я решительно принялась стаскивать платье.

Произошла небольшая стычка. Победу одержала я, хотя Кузина и возмущалась, что беременным не до ухода за золотыми кудрями, да еще химического происхождения.

Кудри у меня совсем не золотые. Просто я их мою ромашкой. Более того — они не кудри. Просто я сделала легкую химию, только на концах волос, отчего концы посветлели, и вместе с ромашкой получается неплохой эффект. После мытья накрутить на крупные бигуди — и всю неделю прекрасно держатся. Я с таким трудом нашла нужное сочетание всех этих средств — химии, импортного шампуня, ромашки и бальзама для волос — и не могла позволить Кузине загубить ради ее режиссерских затей мою прическу.

Насчет обуви я с ней согласилась немедленно — только низкие каблук! Тем более, что они вошли в моду. Но по этому случаю даже из «Детского мира» исчезли годами там пылившиеся трехрублевые сандалеты тридцать шестого размера. Так что если Кузина принесет босоножки без каблука, желательно кремовые или цвета слоновой кости, я беру их сразу. Кузина горько вздохнула.

Покончив с деталями, мы стали считать варианты. Уж если за-

тевать такую авантюру, так нужно быть готовыми к любому повороту событий.

Кузина заставила меня вспомнить все подробности мартовской ночи и все те слова, какие мы с Борисом сказали друг другу. И мы действительно обнаружили в моих воплях кое-какие двумысленные закавыки.

— Хватит,—подвела я итог.—А то примусь сочинять, чего не было. Ты же пойми, что я тогда была немножко сумасшедшая. Да и утром тоже.. Черт бы побрал этого индюка Званцева! Чуть при нем не разревелась!

— Ничего, и до индюка доберемся! — лихо пообещала Кузина.— Будет знать, как доводить свидетелей до истерики!

* * *

В пятницу, в половине восьмого, мы встретились на причале.

Я была в полной боевой готовности — никакого грима, волосы стянуты в хвост на затылке, осанка отрепетирована. Если учесть, что я, не желая травмировать соседей, переодевалась впопыхах в общественном туалете, результат получился неплохой. Одно выдавало меня — босоножки на шпильках. Но кто станет смотреть на ноги беременной женщины?

Во всяком случае, со стороны Кузена такого взгляда не было.

— Айвар — Лита,—представила нас друг другу Кузина.

Айвар был вполне в ее вкусе — большой и красивый.

— Я буду звать вас Кузенком,—предупредила я.—Я так привыкла.

Айвар согласно заулыбался, купил билеты, и мы взошли на борт кораблика.

Главное было — не забыть откликаться на «Литу».

Кузина издевается над моим именем, как хочет. В латышских компаниях делает из меня Литу, в русских — Лильку, потому что родители в свое время догадались — назвали меня импортным именем «Лолита». При той пестроте, которая творится сейчас в латышской ономастике, имя еще ничего, скромное. Могли ведь и Винифредой назвать, если не Индирой.

Кузен встретил кого-то из знакомых островитян и оставил нас вдвоем. Кузина немедленно потащила меня на нос, чтобы посмотреть на строящуюся телебашню. Если она эту телебашню вблизи не увидит, то ей, видите ли, и жизнь не в жизнь...

— Ты как знаешь,—сказала я,— а я в салон пойду. Здесь кошмарно дует.

— Перетерпишь,—ответила Кузина.—Беременные женщины по стоячим трапам не лезят.

— Беременные женщины на ветру тоже не сидят.

— Беременные — не сидят,—согласилась хитрая Кузина, но, заметив приближение Кузена, добавила, что свалиться с лестницы для беременной страшнее, чем полчаса посидеть на свежем воздухе.

И она усадила меня на самом носу, лицемерно мотивируя это тем, что на носу якобы качка не так заметна. Мореходные познания Кузины, называвшей лестницу трапом и пассажирский салон каютой, привели Кузена в такой восторг, что он и не задумался, какая может быть качка в абсолютно безветренную погоду.

Зато задумалась я — почему это мужчины так любят, когда женщины говорят заведомые глупости? Хотят хоть по контрасту выглядеть умнее, что ли?

Кузина договорилась даже до бейдевинда и галсов, не имевших к речному трамвайчику ни малейшего отношения. Мне очень хотелось встрять и напомнить ей, что здесь не яхта, но портить игру Кузины я не хотела. Кто ее знает, а вдруг ее судьба — именно этот Кузен?

Время от времени Кузина поглядывала на меня весьма лукаво, и я понимала, что это значит. Держись, говорила взглядом Кузина, не пройдет и суток, как мы проучим твоего разлюбезного Бориса, а потом и до индюка Званцева доберемся!

Пока трамвайчик огибал Заячий остров, пассажиры устраивались с удобствами. Одни вылезали из салонов на палубы, другие — наоборот, прятались от ветра в салоны.

Один такой любитель свежего воздуха сел со мной рядом. Я аккуратно подвинулась, чтобы ему не моститься на самом краю.

Так бы мне и сидеть, повернувшись к нему боком, а к Кузине и Кузену лицом, но я почувствовала, что он переменял позу. Судя по движению, он повернулся ко мне. Видимо, его заинтересовало мое лицо, потому что о фигуре сегодня не могло быть и речи.

Наши бедра соприкоснулись, и мне это все не очень понравилось. Я решила, что надо повернуться к нему и так на него посмотреть, чтобы он сразу понял свое место.

Воспользовавшись тем, что Кузина показывала Кузену чью-то фотографию, я повернулась.

— Здравствуйте,—сказал он.

— Здравствуйте...—машинально ответила я.

Мне показалось, что я его узнала. Но поручиться я не могла. Если это был тот, кого я заподозрила, то он здорово похудел. А другой кандидатуры в памяти не всплывало.

Я отчетливо помнила разве что желтую рубашку с закатанными рукавами, которую тот, подозреваемый, носил прошлым летом. Рубашка — вот она, рукава закатаны... Сумка через плечо... Мне показалось, что я и сумку вспоминаю.

Кузен и Кузина повернулись к нам.

— Вот,—сказала я.—Знакомого встретила. Бывают же такие совпадения. Столько времени не видеться — и встретиться посреди реки.

— Олег,—представился он, встал и качнулся вперед, наподобие поклона.

И тут я его узнала!

Я окаменела.

Сейчас Кузина что-нибудь брякнет, он назовет в ответ свою фамилию и должность, припомнит обстоятельства нашего с ним знакомства... А судя по влюбленному взгляду Кузена, он поддержит любое начинание Кузины, даже публичную склоку с представителем угрозыска. И что тогда будет!..

— Как хорошо, что я вас встретила! — стремительно заговорила я, всячески изображая на физиономии восторг от встречи.—Это просто замечательно! Я вас как раз недавно вспоминала! Ну, что у вас нового?

Если бы Званцев знал, каким именно словом я его вспоминала!.. Но я же не соврала, факт воспоминания действительно имел место. Я глядела ему в глаза, не краснея.

Мой восторг явно показался Кузине подозрительным. Надо было смыываться.

Я встала и, продолжая говорить крайне неожиданные для Званцева любезные слова, жестом предложила ему следовать за собой — подальше от взрывоопасной Кузины.

— Что нового? — с опаской переспросил он.

— По работе, я имею в виду.

— Вас тут не продует? — со своей обычной ловкостью переменял тему разговора Званцев.

Я обрадовалась.

— Давайте пойдем на корму! Там ветер не так чувствуется.

Званцев решительно не понимал, зачем нам вместе идти на корму, и это было написано крупными буквами на его асимметричной физиономии.

Пока Кузина не сообразила, в чем дело, я устремилась к проходу между палубами. У него не было выбора — он пошел следом. Догонять нас не стали. Тем более, что слева по борту проплывала телебашня, и Кузен принялся что-то рассказывать о ней Кузине.

Итак, мы оказались вместе на кормовой палубе. И говорить нам, собственно, было не о чем. Да и молчать — тоже.

Телебашня уплывала. Кораблик резво пыхтел мимо зеленого берега и детей, играющих на янтарном мелководье.

— Ну, как продвигается ваше расследование? — наконец нашла я тему.

— Пока — не очень,—признался Званцев.

— А в чем там, собственно, было дело? Ведь теперь-то уже можно рассказать?

— Дело неприятное.

— А все-таки? Интересно же, ради чего вы с семи утра переполошили весь квартал! Хоть из меня не получился свидетель, но все-таки? Других толковых свидетелей, кроме той женщины с первого этажа, вы не нашли?

— Вы, наверно, любите читать детективы? — осведомился Званцев. И сделал это довольно высокомерно.

— В качестве психологического практикума,—надменно отвечала я,—и не более того. В этом смысле лучше всего — старый, добрый, классический английский детектив. Единство места, времени и действия. И интеллект следователя сомнению не подлежит. Все подозреваемые связаны разнообразными узлами. На каждого потенциального убийцу — по главе. К трупу, найденному на первой странице, прибавляются еще два-три. Следователь, пойдя по ложному следу, вовремя спохватывается. Всплывают роковые фамильные тайны. Главное — не влюбиться в следователя и удержаться от заглядывания в последние страницы, где через два дня после преступления разблачают убийцу и быстренько докладывают читателю мотивы преступления.

Ни одного укола Званцев не понял.

— Ваша правда,—согласился он.—Только у нас, к сожалению, нет этих последних страниц. А то бы мы туда заглядывали.

— Значит, это дело все еще висит на вас?

— Ну, висит.

— И что же такое спер человек в темной куртке из «жигуленка» в подворотне?

Званцев как-то загадочно посмотрел на меня.

— У вас не очень четкое представление о сфере действий угрозыска. Я — именно оттуда.

— Ну и что? — как можно безмятежнее спросила я.

— Ничего. Просто поиск воришек не входит в наши функции.

Когда Званцев говорил казенным языком, он делался невыносим. Я заметила это еще тогда, утром.

— Вы хотите сказать, что в подворотне произошло убийство?

— Странная у вас тяга к убийствам,—ехидно заметил Званцев.— Но на сей раз вы, к сожалению, правы. Тогда, ночью, действительно произошло убийство. И если бы вы выглянули в окно, то увидели бы живого, настоящего преступника.

— В моем районе убийство, и соседки ничего не знают?

— Убитый не был жителем вашего района. Видимо, у него здесь были какие-то дела, и он несколько раз оставлял в подворотне машину. Ее и запомнили.

— Но почему же соседки не в курсе?

— Да потому, что на машину с покойником наткнулся наш же сотрудник. Он возвращался домой, и ему показалось странным, что в машине сидит человек. Как вы понимаете, он не стал устраивать в пять утра пресс-конференцию для бабок.

— Он что — мертвый там сидел? — ужаснулась я.

— А не вредно вам сейчас выслушивать такие подробности?

— Наверно, вредно...—опомнилась я.

— Ну, так обойдемся без них.

Мы помолчали. Я осторожно разглядывала Званцева. Этому че-

ловеку были противопоказаны меховые шапки — у него и так была большая голова, а еще в шапке — один к одному гриб-боровик. И будь я ну не женой, а сестрой или тетей Званцева, я бы уж добилась, чтобы он отрастил усы и бороду, если только там у них, в угрозыске, эта роскошь не запрещается. Усы бы выровняли ему линию губ, а борода скрыла асимметричность подбородка. И был бы мужик — ничего себе.

— А какие еще подробности вы можете сообщить? — спросила я.—Сборник голландских детективов я забыла дома, а хочется чего-нибудь эдакого. Может, я вам прямо здесь, на палубе, методом дедукции все разгадаю?

Званцев усмехнулся.

— Попробуйте. Спасибо скажем.

— Ну?

— Ну, вот вам первая зацепка. Убитый попутан на контрабанде. Года два назад он проходил свидетелем по одному мерзкому делу. Проходил-то свидетелем, хотя было ясно, что и он руку приложил. А доказательств — никаких. Так и остался свидетелем.

— А что за дело?

— Морячки наладились видеокассеты в спасательных поясах провозить. Сами понимаете, какие там были художества. После того суда он вроде поприших. С судна его не сняли. И вот — финал. Вряд ли его достали из-за тех поганых кассет. Значит, чего-то новенького натворил.

— Ну, а если бы нашелся человек, который видел его в нашем дворе? Сверху ведь все равно не разобрать ни лица, ни одежды. Темное пятно — и все тут.

— Если вы помните, снег тогда был утопанный и следов на нем видно не было. От той двери — штук пять тропинок. И по всем по ним пробежались те, кто работает в первую смену и торопится на первый трамвай и первый троллейбус. Все эти пять тропинок ведут на разные улицы. Узнать бы, по какой тропинке точно уходил этот гад,—уже ниточка. Но этот путь завел, как вы понимаете, в тупик. Пришлось идти другими путями.

— Какими?

— А об этом мы поговорим в другой раз.

Я сердито фыркнула — можно подумать, что он предвидится в ближайшие сорок лет, этот самый второй раз! Нельзя выдавать служебную тайну — так бы и говорил. Изумительно, поразительно, дико, но он понял, о чем я подумала.

— Извините,—сказал он.—Я не так выразился, извините.

И я уставилась на него, как баран на новые ворота.

Человек, который в такой ситуации извиняется, стоит того, чтобы к нему приглядеться повнимательнее. И, главное, я могу провлять сколько угодно любопытства — мое драгоценное пузо снимает с меня все матримониальные подозрения.

— Ерунда,—ответила я наконец.—Просто я была слишком на-

стырной. Но вернемся к нашей игре. Что можно извлечь из первой зацепки? Это мог сделать или человек, вместе с которым тот, ну, который в машине, занимался контрабандой, или сухопутный человек, который у него эту контрабанду покупал. В первом случае вы бы уже давно нашли убийцу. Насколько я знаю моряков, они не любят менять экипажи. У него на том судне, видимо, уже все было схвачено и максимально приспособлено для провозки контрабанды. Значит, этот кто-то с его судна. Так?

— Ну?

— А раз вы их всех проверили и у всех оказалось алиби, то этот человек — не с судна. У меня есть еще один довод.

— Какой?

— Вы заметили, надеюсь, что наш квартал расположен на отшибе. Никаких кабаков, один винно-водочный магазин, и тот в семь закрывается. А водкой у нас в подворотне не спекулируют, это я знаю совершенно точно.

— Почему?

— Потому что спекулировала девятая квартира, но ее живо прикрыли, а клиентура с перепугу разбежалась. Значит, моряку в наших краях в общем-то делать нечего, разве только у него здесь семья живет или родственники. А тот, который в машине, насколько я понимаю, совсем не там живет?

— Ну, не там.

— Он приезжал к кому-то на randevу. А этот кто-то хорошо знает наши проходные дворы. Человек, бывающий в Риге три раза в год, ночью по проходным дворам шнырять не будет. Он свое время потратит иначе.

Званцев опять усмехнулся, и я поняла, что чего-то загнула со своими умозаключениями.

— Одним словом, я убеждена, что убийство совершил не моряк, а скупщик контрабанды.

— Это было бы неплохо...—сказал Званцев.—Перебрать всех владельцев видеоаппаратуры, а их в городе не так уж много, выйти на тех, кто знал покойника, пошарить в их окружении — делов-то... И более того — могу вам доложить, что это уже сделано.

— И никаких результатов?

— Никаких. А вот вам вторая зацепка. На полу в машине был обнаружен серебряный лат. Знаете, что это такое?

— У меня дома их несколько. Хочу заказать кольцо и сережки, только вот фасон еще не придумала.

— Если бы вы плавали с аквалангом...—загадочно произнес Званцев.

— Нетрудно найти аквалангиста. И что дальше?

— Я бы показал вам одно место, где на дне залежи серебра. И все — латы, хотя попадаются, видимо, и золотые монеты. Не удивляйтесь. Моряки часто пытаются протащить серебро за границу. А в случае тревоги — за борт его!

— Видимо, тот, в машине, целую контрабандную индустрию завел,—сообразила я.—Возил товар в оба направления.

— Похоже на то,—согласился Званцев.—И если вы скажете, что одним из мотивов убийства было несогласие насчет оплаты труда, я с вами спорить не буду. Ну, и что же подсказывает дальше старый, добрый, классический английский детектив?

— Шерше ля фам,—немедленно ответила я.—Только это!

— Ну, это уже по-французски...—и Званцев задумался. Он думал так долго, что я поняла — пора менять тему.

— А вы далеко собрались? — спросила я.

— На Долес, а вы?

— И я на Долес.

Его лицо совершенно не изменилось, и все же я поймала во взгляде что-то такое, такое... как будто ему было неприятно, что я собралась на тот же самый остров.

— У вас там друзья? Родственники? — спросила я, и, право, в этом не было ничего бестактного, потому что если человек плывет на остров последним рейсом — значит, рассчитывает там заночевать. А гостиницу на острове пока что не построили.

— Я в музей еду,—сказал Званцев.—Там музей замечательный, исторический, и в нем устраивают выставки. Бывшая усадьба баронская, такой беленький особнячок с башенкой. Невеста у меня там. Практику проходит. Она у меня на историческом учится. Так что, вернее сказать, не в музей, а к невесте.

— А я к родственникам,—ответила я на его вопросительный взгляд, и это, как многое из сказанного мной в жизни, похожего на вранье, враньем не было. Я действительно ехала к родственникам, только не своим, а Кузена.

— Хорошо устроились ваши родственники,—заметил Званцев.—Я бродил по острову — что ни усадьба, то целое королевство. И коровы там, и овцы, и куры, и все, что угодно.

— Да, народ там хозяйственный,—неопределенно ответила я. Углубляться в эту тему было опасно, потому что я совершенно не знала острова, а Званцев, наверно, излазил его вдоль и поперек. Он-то сразу нашел бы его на карте, не то что я, забравшаяся вчера в поисках по карте аж в Болдераю.

И тут возникли Кузина и Кузен — с явным намерением познакомиться наконец со Званцевым.

— А вот и мои,—бодро сообщила я.—Ну, спасибо за компанию, и успехов вам в вашем деле. Жаль, что я ничем не смогла вам помочь.

— Самому жаль,—вежливо ответил Званцев.—Всего хорошего. Я решительно устремилась к Кузине и Кузену.

Затевя шумный разговор, тормоша то его, то ее, я отвлекла их внимание от Званцева и потащила обратно на переднюю палубу.

Справа по борту подплывали многоэтажки Кенгарагса, от которых до острова было, как обещала Кузина, шесть секунд.

От долесской пристани к берегу шли длинные и шаткие мостки, по которым нужно было протискиваться мимо очереди на обратный рейс. А поскольку это был последний рейс, то и очередь образовалась во всю длину мостков. Кузина не отказала себе в удовольствии — вела меня по этим мосткам с китайскими церемониями, заставляя Кузена прокладывать дорогу. Кузен так ловко подыгрывал, что я забеспокоилась — а не заложила ли меня Кузина? Но вроде нет — нарочно бы у него так не получилось. Кузен — натура цельная и вряд ли пригодная для актерских перевоплощений.

От пристани мы круто повернули направо, дорога вывела к полям и огородам, потянулась параллельно берегу и довела до леса. На опушке торчал указатель со стрелкой в сторону музея.

Мы пошли дальше, и следующий поворот был наш.

Когда мы углубились, я опять забеспокоилась — а добредем ли мы сегодня вообще до усадьбы. На обочинах начиналась земляника. Даже не отходя от тропы, можно было пастись на четвереньках, собирая ее ртом. А Кузен еще сообщил, что бабки, которые прибывают сюда первым рейсом с пластмассовыми ведрами, знают тайные места, где ведро можно наполнить за час. Я не могла себе представить, чтобы земляника росла еще гуще. Кузина вовремя заметила, что мое поролоновое пузо подозрительно сплющивается, когда я ползаю по обочине. Да и ползала я чересчур резво. Пришлось оторваться от земляники. Впрочем, Кузен пообещал, что утром он покажет Кузине отличное местечко и она соберет мне ягод,—полтора литров хватит?

Мы подошли к усадьбе.

Она стояла на самом берегу. Когда мы с Кузиной обошли ее, я удивилась, как это дом еще не сполз по крутому склону к узкой полоске каменистого пляжа вдоль протоки.

Протока была неширокой, по моим соображениям, метров в полтора, а на равнинном курземском берегу до самого неба тянулись луга.

— Видишь серый дом? С двумя окнами? — показала налево Кузина.

— Ну?

— А за ним дом, окруженный забором?

— Ну?

— А за ним мостки?

— Ну?

— А дальше — дом с лестницей?

Я взгляделась. Деревянная лестница спускалась по крутому берегу от калитки прямо к воде. Кузина подозрительно молчала.

— Этот? — поняла я.

— Ну!

Склон по обе стороны лестницы зарос непроходимым кустарником. Заросли сирени спрятали стены дома, виднелась только крыша.

Стало быть, под этой крышей сейчас находился Борис, которого я не видела целую вечность.

Нас позвали ужинать.

Было уже довольно поздно. Во-первых, выяснилось, что мы ползали по обочинам до половины десятого. Во-вторых, имела место церемония знакомства. Кузина уже всю называла хозяйку дома тетей Милдой. Пришлось и мне произвести ее в тети. Из прочих новоприобретенных родственников были — двоюродный братик Кузина, а тети-Милдин сынок, Эдвин; сестричка Эдвина, а тети-Милдина дочка Валия, муж Валии и трое ее сыновей.

Пока тетя Милда показывала мне усадьбу — стукнуло уже десять. Пока мы с Кузиной восхищались точеной мордочкой и томными глазами коровы... Пока Валия уложила детишек... Пока чего-то доделывали на кухне... Время летело с непостижимой скоростью.

За стол мы сели без хозяина. Дядя Вернер пошел к соседям за каким-то техническим причандалом. Мог бы и на велосипеде съездить, быстрее обернулся бы, как заметила тетя Милда, но решил, наверно, отдохнуть от шума. Когда весь день по двору носятся трое мелких, да еще к ним в гости приходят пятеро соседских и в игры вовлекаются собаки, начинаешь мечтать о том, чтобы зацементировать собственные уши.

Стало быть, покормили нас на свежем воздухе сытным деревенским ужином, и разговор потек восьма бытовой и практический — о работе, хозяйстве, месячных окладах. Женщины, видя, что у меня на руке нет обручального кольца, обошли проблему моего семейного положения стороной, и слава богу — я могла завратиться самым диким образом.

Встал вопрос о ночлеге.

Я хотела было лечь с Кузиной — все-таки пузатый купальник неплохо бы на ночь снять, а сделать это при ком-то другом я не могу.

Кузина тоже просилась ко мне. Но тетя Милда решила иначе.

— Тебе вообще надо спать одной. Что за глупости — с сестричкой! Девочки спят спокойно, еще брыкнет тебя в живот — не обрадуешься! Ляжешь в бабкиной комнате одна. Бабку мы в больницу отвезли, комната пустая.

Остальных она распределила по постелям стремительно и беспрекословно.

Валия, Кузина и я вошли в дом.

Валия не была островитянкой, жила и работала в Риге, но на выходные приезжала только сюда, а мальчишки вообще летом отсюда не выезжали. Правда, несколько дичали от босоногого образа жизни, но зато зимой не сопливились. Так что Валия была совершенно довольна жизнью. И ее супруг здесь прижился, в отпуск только сюда ездит, с тещей и тестем ладит прекрасно. А на старости лет мечтает вообще сюда переселиться.

Мы с Кузиной умилялись этой идиллии, по временам поглядыва-

вая друг на дружку. Чего-чего, а идиллии в нашей жизни не было и не предвиделось.

Разговор шел бестолково - оживленный, самый что ни на есть женский разговор, когда все вперемешку: мужские портки и ребячьи синяки, тушь для ресниц и соседкин ухажер. Идиллия для нас с Кузиной была слишком приземленной, и потому разговор журчал без всяких подводных камней, и приятная усталость наполняла душу и тело, и уже мечталось о накрахмаленных простынях.

— Валия! — позвала к окну тетя Милда.—Беги на кухню, пожарь большую яичницу! С отцом гости пришли.

Надо было видеть эту яичницу! Мы с Кузиной предложили свои кулинарные услуги, но Валия сказала, что большая яичница—ее фирменное блюдо. Она взяла сковородку размером с велосипедное колесо, нарезала сало кусками со спичечный коробок и обжарила его на этой потрясающей сковородке, приговаривая при этом, что мужчины всяких тонкостей и изысканностей все равно не понимают. Она высыпала на сковородку полкастрюли оставшейся от обеда молодой вареной картошки, а когда картошка зарумянилась, вылила на нее штук пятнадцать яиц. Я захотела поднять сковородку с готовой яичницей, но Валия не позволила — слишком тяжело для меня. И она сама понесла сковородку во двор, где за наскоро убраным деревянным столом уже сидела вторая команда голодных во главе с дядей Вернером. А мы с Кузиной пошли следом, потому что надо же было предъявить меня хозяину дома.

За столом сидело шестеро. Двое были — дядя Вернер и Эдвин. Четверых я не знала. Айвар, муж Валии и тетя Милда пошли в дом.

Я поздоровалась за руку с одним лишь дядей Вернером, да и то смотрела в этот миг не на него.

Один из тех четверых был вылитый Михаил Боярский. Та же прядь до бровей, тот же длинный нос и те ж великолепные усы. А Боярского мы с Кузиной не можем спокойно видеть. Понимаем, что это просто смешно, и сами на все лады над своей страстью издеваемся, а никуда от нее деться не можем. Видимо, это просто наш тип мужчины — раз мы блондинки, то подавай нам вороного, а раз мы по крайней мере наполовину северянки, то подавай нам нечто гасконско-испанско-темпераментное.

Кузина тоже заметила это сходство. Я видела, как она поглядела на вылитого Боярского.

Я была вне игры. И все же страшно захотела, чтобы Кузен немедленно позвал Кузину куда-нибудь погулять.

— Подсаживайтесь,—сказал нам дядя.—Мы тут, правда, не чай пьем, но если не откажетесь от пива...

— Она откажется,—сказала про меня Кузина,—а я попробую. Домашнее?

Пиво в здоровенной канистре стояло у ножки стола.

— Поди теперь свари домашнее,—проворчал дядя.—Из дерев-

ни. Там у них колхозная образцово-показательная корчма для иностранных туристов. Аборигенам тоже перепадает.

— И копченые куры по десятке,—добавил Эдвин.

Тетя Милда встряла в разговор из окошка и произнесла речь о пользе домашней коптильни. Смысл речи сводился к тому, что если придется этой осенью какое событие отмечать, то и за пивом, и за курятиной надо будет ехать к черту на рога.

Это был недвусмысленный намек на Кузена и Кузину. Моя родственница, видно, ковала железо, пока горячо. Но поскольку за ней числился случай побега чуть ли не из-под вѣнца, я не стала преждевременно за нее радоваться.

Мужчины заспорили об устройстве коптильни и даже принялись пальцами рисовать на столе канаву, бочку и прочие ее элементы.

Яичницы на сковородке уже не было. Ни кусочка.

— Дамы позволят курить? — спросил один из гостей.

— Дамам вредно...—начала было Кузина, но эта игра мне уже поднадоела.

— Дамы позволят,—решительно сказала я.

Вылитый Боярский достал пачку сигарет. Сидевший рядом с ним дядя потянулся за лежавшей на столе зажигалкой. Он щелкнул, мужчины прикурили, а зажигалку дядя положил на прежнее место.

Я бы не обратила на нее внимания, если бы не эта вытянутая на всю длину рука. Она невольно привлекала внимание к той точке, куда нацелено движение.

Это была обычная по форме заграничная зажигалка. Вся изюминка заключалась в том, что резервуар для горючего был оклеен цветной фотографией под прозрачной пленкой. На фотографии были пейзаж и две полуголые велосипедистки.

Зажигалка лежала между тарелками, и никто, кроме меня, больше не интересовался нею. Я осторожно взяла ее и вдруг перестала слышать разговор за столом.

Колено и бедро одной велосипедистки были помечены ожогом. Он мог произойти от непотушенной сигареты. Прозрачная пленка расплавилась, и бумага под ней чуть-чуть обуглилась.

Если бы не этот ожог, черта с два бы мне удалось выменять зажигалку у прижимистой Светки, чтобы подарить Борису...

* * *

Итак, зажигалка, улетевшая в зимнюю ночь ко всем чертям, в сугробы, лежала сейчас на моей ладони, и я чувствовала, что мою физиономию что-то изнутри поворачивает набекрень, перекашивает гримасой крайнего изумления.

Стало быть, Борис не подобрал ее? Вещица крошечная, вполне мог не заметить. Значит, кто-то подобрал ее утром? Но я же сидела на подоконнике! Я видела, как проносились по дорожке заспанные люди, и никто из них не нагнулся.

Потом по двору бегал Званцев, но тогда я уже вырубилась. Может, их там даже много бегало... Они бы живо прихватили зажигалку как вещественное доказательство, и сейчас она пылилась бы в каком-нибудь ихнем шкафу, а не болталась на острове Долес.

Было только несколько минут, в течение которых зажигалка могла исчезнуть из-под окна. Это — между вышвыриванием Борисовых манаток и его ползаньем под окном. Но об этом-то и подумать было страшно.

Ведь существовал, черт возьми, человек, который примерно в это время пробежал по двору. Или прошел быстрым шагом — по нашим дорожкам не очень-то разбежишься, надо внимательно смотреть под ноги. Этот человек в эти самые минуты мог увидеть блестящее, наклониться, взглянуть в декольте велосипедистки, ухмыльнуться, сунуть зажигалку в карман и удалиться туда, где его до сих пор отыскать не могут.

Значит, один из присутствующих — он?

И тут я впервые в жизни почувствовала шевеление волос на голове. Они, убранные в хвост, норовили выпрямиться, и в результате сопротивления резинки волосы расwirепели, более того — разгорячились в прямом смысле этого слова. Температура моего скальпа была никак не меньше сорока.

За столом — шестеро.

Это не дядя Вернер, хотя физиономия у дяди та еще. Из всех присутствующих он больше всего похож на грабителя-профессионала. Но дяде незачем, однажды взяв свою зажигалку в руки, тянуться через весь стол, чтобы положить ее подальше от себя.

...Это может быть Эдвин. Он еще мальчишка, но эти теперешние мальчишки на все способны. Только недоставало, чтобы это оказался Эдвин!

Кто-то из гостей...

Вылитый Боярский отпадает, и слава богу! Он сидит рядом с дядей. Будь это его зажигалка, дядя бы так не вытягивался.

Маленький брюнет с бобровой сединой. Дядя положил зажигалку почти напротив него. Но это еще ничего не доказывает, потому что рядом с его соседом — лысым, но зато при бакенбардах, две тарелки и полная пепельница. Не класть же зажигалку в объедки!

Тарелки — слева. Справа — сверток. Вот если бы дядя положил зажигалку на сверток, это бы точно означало, что она принадлежит лысому. Чушь! Никто не станет водружать зажигалку на сверток, когда на столе есть свободное место.

Равным образом хозяином зажигалки может оказаться блондин с арапским загаром.

Все эти соображения возникли в моей сорокаградусной голове с сумасшедшей скоростью. Немногим медленнее я обежала взглядом четыре подозрительных лица, но ни на одном из них не было написано крупными буквами: «Зажигалка — моя!» Все курили — стало быть, все могли иметь при себе зажигалки.

Слух мой опять включился — как раз посередине очередного монолога Кузины. Она закатывала длиннейшие монологи в любом обществе и на любую тему и добивалась того, чтобы ее слушали.

Впервые в жизни от монолога была зримая польза — увлекшись, Кузина не обратила внимания на зажигалку. А эту штуковину она знала не хуже меня. Я вспомнила, как она тыкала наманикюренным лиловым ногтем в ожог и костерила Светку. И трудно представить даже, что произойдет, если Кузина узнает зажигалку.

Прикрыв ее ладонью, я вслушалась в монолог. Кузина толковала о том, в чем она разбиралась примерно так же, как в мореходном деле,—о сортах, видах и типах домашнего пива...

Тут я сообразила, что могу определить хозяина зажигалки без заумных выкладок. Просто возьму и спрошу — чья такая прелестная штучка? Ведь имеет же право женщина быть любопытной!

Но для этого нужно было хоть на две минуты сплавить Кузину. А лучше — на пять.

Моя сумка с вещами стояла в средней комнате дома. Я стала соображать, что бы мне теперь могло срочно понадобиться. Остановилась на кофте. Хотя вечер был теплый, но мы, беременные, народ капризный, холодно — и точка.

Я и объявила, что мне теперь простужаться — хуже смерти, так что пусть милая сестричка сбегает за кофточкой, мне что-то не по себе.

Кузина сорвалась и ускакала.

Я заторопилась и все испортила.

Мне нужно было задать вопрос ни к селу ни к городу, чисто поженски! Мне бы ответили автоматически, и разговор потек дальше. Но у меня не было времени сообразить это. Я потратила драгоценные секунды на совершенно нелепый обходной маневр.

Я взяла и поинтересовалась, откуда такие зажигалки привозят, как будто сама этого не знала.

— А их отовсюду привозят,—ответил мне дядя.—Главным образом, из Гонконга, я думаю. В этом чертовом Гонконге научились гнать такую фирму — от настоящей не отличишь. Когда я плавал, слово «Париж» означало именно Париж, а теперь — поди разбери.

— Они пишут «Париж» слишком большими буквами,—усмехнулся вылитый Боярский. И они заговорили о каких-то рейсах с заходами, бонах, боннике и радиоаппаратуре.

Я своими руками столкнула разговор на неверный путь, а драгоценные секунды убежали!

— Почему у нас не делают таких штучек? — опять встряла я в мужской разговор.—Почему в каком-то Гонконге могут, а у нас — никак?

Такие маневры нельзя проделывать с грацией слона в посудной лавке. Я поняла это, когда Эдвин спросил:

— А тебе очень нравится эта зажигалка?

— Платонически, я ведь не курю,—появ, к чему он клонит, я

в ужасе поспешила отречься от проклятой безделушки. Если он примется дарить мне зажигалку, значит, хозяин... Брр!

— Но мы же видим, что нравится! — ввязался дядя.— Мужики, будущим мамочкам ни в чем нельзя отказывать. Откажешь — а эту вещь мыши сгрызут. Подарим даме зажигалку?

— Подарим! — хором ответили гости.

— Да что вы, да зачем, мне неловко...—забормотала я, положив на стол зажигалку и отстраняя ее.—Возьмите, чья она, ну, возьмите, я очень вас прошу!

— Мужики, ни за что! — приказал дядя.—А то мыши заведутся. Женский каприз — это свято!

Итак, зажигалка вернулась ко мне, хоть и разжалованная из французской в гонконгскую. Последняя возможность вычислить ее владельца растаяла.

Мысль о том, что вредная Светка наверняка знала о происхождении зажигалки и все же содрала с меня восьмирублевый брасматик, неожиданно привела меня в ярость.

Я почувствовала знакомое ощущение попадания вожжи под хвост. А это означало, что я могу сейчас перевернуть стол, шарахнуть кого-нибудь сковородкой по лбу и побежать за милицией.

И тут я подумала, что человек, которому по долгу службы полагалось бы сейчас арестовывать хозяина зажигалки, сидит в музее и целуется с невестой!

Он там целуется с невестой, а я тут — распутывай его гнусную уголовщину? Дудки! Справедливость требует, чтобы каждый занимался своим делом. Его дело — раскрытие преступлений, и нечего ему отлынивать.

Под этой свирепой мыслью, как всегда у меня, затаилась другая — более соответствующая реальному положению дел. Только что я проявила самостоятельность — и в результате стала хозяйкой собственной зажигалки. Если я в детективном азарте еще что-нибудь предприму, то из этого может выйти еще меньше толку. Так что нужно искупать грехи. А единственный способ — поскорее все доложить Званцеву. Какой бы он ни был размазней — он следовательно, или инспектор, или я уж не знаю кто, но в подобных ситуациях он разбираться должен по долгу службы.

Добежать до музея недолго. Четверть часа, не больше. Если бежать, конечно... Но кто меня в лесу увидит? Практиканток там не так уж много, и вряд ли они ложатся спать после передачи «Спокойной ночи, малыши!». Значит, еще десять минут — на поиски невесты. Но отправляться надо немедленно, чтобы Званцев застал всю компанию за столом.

Кузина и Кузен с хохотом и приплясом тащили мою кофту. Уж не знаю, что их так рассмешило, могу только догадаться — они вели кофту за два рукава, как барбоса на задних лапах, и оказывали ей разнообразные знаки внимания.

Я зажала в кулаке зажигалку и закашлялась. Чтобы привлечь

к этому событию внимание, еще и застонала — негромко, но очень выразительно.

Все повернулись ко мне.

— Сколько раз я тебе говорила — не смей нюхать этот дым! Ишь, уселась в самое облако! — мгновенно встряла Кузина.—Курица копченая! Это в твоем-то положении!

— Меня продуло на реке! — возмутилась я.—И дым тут ни при чем.

— И ты простывшая сидишь на улице? Держи свою кофту! Впервые вижу такое безответственное отношение к своему здоровью. О режиме я уж молчу!

Режим! Кузина, охраняющая мой режим! Я поклялась в душе обязательно напомнить ей про режим, когда она в очередной раз проворонит последний автобус, последнюю электричку и последнюю маршрутку и явится ко мне ночевать в три часа ночи.

— Режим мне на фиг сдался, можно подумать, что я его раньше соблюдала! — с чувством собственного достоинства ответила я. Ответила, зная, что разыгравшаяся Кузина не любит противоречий.

— Мало ли чего ты раньше не соблюдала! Раньше ты только о себе думала. Эгоистка!

Ей удалось выпроводить меня из-за стола и с торжеством отвести к тете Милде.

— Тетя Милда, мне действительно не по себе,—пожаловалась я, когда Кузина вернулась в компанию.—Мне бы прилечь...

— Это сперва свежий воздух тебя одурманил, а потом мужики обкурили,—спокойно объяснила тетя Милда.—Сейчас пойду их разгоню. Полночь скоро.

Этого только не хватало!

— Не надо их из-за меня разгонять! — взмолилась я.—Я же к ним туда больше не пойду! Завтра выходной, рано вставать им незачем, пусть посидят! Просто я такая дохлятина... А кто эти ребята? Моряки, что ли?

— Биестур — наш сосед, а остальные — черт их знает! Мешки моему старику дотащили. Ну, нельзя не угостить. Сам-то он в четыре захода эти мешки бы таскал.

Биестур — это, кажется, был смуглый блондин.

Не объясняя, что за мешки такие, тетя Милда повела меня в дом, в бабьину комнату. Там помещались только узкая кровать и старинный шкаф, расписанный цветами. Такие шкафы я раньше только в этнографическом музее видела.

— Вот сюда можешь платье повесить. Сюда я тебе стакан компота поставлю, чтобы случайно ночью не опрокинула. Окно вот так закрывается. Сумку можешь поставить сюда, в угол...

Тетя Милда неторопливо стелила постель, и вдруг я поняла, что никогда не буду такой, как она,—толковой хозяйкой, направляющей всю жизнь большого семейства без суеты, с пониманием всех и каждого. Я опоздала — в мои годы тетя Милда была уже матерью

сына и дочери, думала о том, что и третий ребенок в доме не лишней, а бодрая и деятельная свекровь не спеша приучала ее вести большое усадьбное хозяйство. Я опоздала — я уже не податливая глина, из которой можно лепить то, что требуется по обстоятельствам. Меня уже вылепили и обожгли...

Несколько раз тетя Милда как-то странно на меня взглянула. Это, видимо, не относилось к моему «интересному» положению — если у нее по этой части возникали вопросы, она их и задавала совершенно естественно. И лишь когда я разделась и по уши упряталась под одеяло, пока она ходила за компотом, а потом, пожелав мне доброй ночи, ушла, я поняла, что могли означать эти взгляды. Тетя Милда страшно хотела, но не решалась расспросить меня о Кузине. Все-таки племянник явно намеревался осчастливить семью новой родственницей. А родственница вертит юбками перед подвыпившими мужиками и закатывает несуразные монологи...

Скажи я хоть слово о Кузине — и расспросы начались бы. Но я, озабоченная своими проблемами, этого слова не сказала, и слава богу. Оставшись в одиночестве, я могла хозяйничать в комнате по-своему.

Я и принялась.

Прежде всего, я закрылась на крючок и намертво закрепила его. Потом вскрыла шкаф и соорудила из бабкиных простыней человекообразную фигуру с пузом. Под одеялом фигура смотрелась вполне реалистично, особенно впотьмах. Если бы кто, не в силах достучаться, сунул голову в окно, сомнений бы не возникло.

С одной стороны, затевать все эти страсти было незачем. Я могла бы и просто сказать, что хочу прогуляться по лесу на сон грядущий. И сумела бы решительно отсечь сопровождающих, включая Кузину. Но с другой стороны — а если бы не сумела? Оказаться в ночном лесу наедине с убийцей? Да еще, может быть, подозрительным убийцей — он-то помнит, при каких обстоятельствах попала к нему зажигалка, а я проявила к ней совершенно бесстыжий интерес! Бррр! Мне еще малость пожить охота...

Вот из этих самых соображений я и сползала своим поролоновым пузом по стене, сползала медленно-медленно, висая на подоконнике и не понимая, когда же наконец коснусь земли.

Дом стоял на довольно высоком фундаменте. Вдоль стены, выходящей на реку, шла узкая тропинка, по одну сторону которой и был этот самый фундамент, а по другую — самый настоящий обрыв. И я не могла просто выпрыгнуть в окно, потому что как раз в темноте оступилась бы и загремела с воплем прямо в реку. Приходилось ползти, с риском повредить поролоновое пузо, без которого я не могла явиться перед Званцевым. Его бы инфаркт хватил!

С великим скрипом я оказалась на тропинке, по ту сторону забора, опоясывавшего дядину усадьбу. Со двора доносились голоса и хохот Кузины. Так она хохочет, когда кокетничает. Пожелав ей успехов, я вдоль стенки прокралась до угла.

Хорошо, что у меня хватило ума не пригibasь, шныряя под подоконниками. Я сообразила, что в доме все равно ни души, кроме спящих детей, и некому в этот час тарашиться на реку. В порядке награды за интеллект я обнаружила на одном подоконнике карманный фонарик. Это было весьма кстати.

Я цапнула фонарик и смылась.

Оставалось сползти по крутому откосу к реке, берегом отойти подалее, выбраться наверх и приступить к поискам музея.

Конечно, сползая к реке, я хлебнула босоножками колючего и холодного песка вперемешку с еловой хвоей, а когда разулась, чтобы вытряхнуть эту гадость, оказалась на острых и противных камнях. Тут во мне и взграла отвага — я поняла, что, доведись мне все затевать сначала, я запросто попросила бы мужиков-морячков выгулять меня по ночному лесу до музея и обратно, хохоча при этом не хуже Кузины. А в музее торжественно бы сдала их с рук на руки Званцеву, и оставалось бы только явиться через некоторое время в угрозыск за благодарностью и ценным подарком. Да, конвоировать по лесу четырех потенциальных убийц было бы приятнее — все-таки по ровной земле, а не по этим мерзким камням.

При ближайшей возможности я вскарабкалась наверх. Пространственное мышление у меня развито. Я вспомнила табличку со стрелкой, сообразила, что дорога к дядиной усадьбе шла по лесу параллельно дороге к музею, прикинула направление и двинулась.

Минут через пять увидела перед собой метрах в десяти белемый квадрат и страшно обрадовалась — это мог быть только очередной указатель со стрелкой! Я нацелила на него луч фонарика.

Плакат сообщал, что на острове водятся фазаны, а штраф за убийство птички — пятьдесят рублей. Я присвистнула — дороговатое получилось бы жаркое!

Еще через пять минут я набрела на настоящий указатель, ускорила шаг и вскоре увидела за деревьями силуэт башни. У барона был неплохой по тем временам архитектурный вкус. Музей окружали газоны, цветники и художественно расположенные кусты. Я пошла прямо к зданию — тем более, что на втором этаже горел свет.

За шиповником появилась голова. Я направила на нее луч. Более того, я к ней устремилась насколько позволяли изгибы дорожки.

— Добрый вечер! — радостно сказала я, взглядываясь в голову.

— Добрый вечер, — ответила женщина лет пятидесяти и вышла из-за куста. — Ищете кого-нибудь?

В руках у нее были оцинкованные ведра, а сама она была в выцветшем платье и резиновых сапогах на босу ногу.

— Мне бы кого-нибудь из сотрудников музея... — нерешительно сказала я. — Вы не подскажете, где можно найти директора или хотя бы кого-нибудь дежурного?

— Я сотрудник музея.

Я изумилась, но лишь на мгновенье. Не нужно быть гением, что-

бы сообразить: живущие прямо при музее сотрудники наверняка завели себе подсобное хозяйство.

Представив себе, что я говорю с этой сотрудницей днем, когда она — при залитой лаком прическе и, несмотря на жару, в чулках и в туфлях, я завела такую светскую беседу:

— Я, видите ли, не здешняя. Приехала к друзьям, у них остановилась, во-он там... У меня здесь подруга, она учится на историческом. Она мне еще весной писала, что у них практика в вашем музее. Вот, хотелось бы ее найти.

— Так вы подругу ищете? — переспросила женщина.

— Вы не подскажете, где тут у вас живут практикантки? Вряд ли их поселили далеко от музея!

— Практиканты у нас в последний раз были два года назад, — в непонятной растерянности отступая в темноту, сообщила женщина. — А сейчас у нас никого нет!

* * *

— Извините! — крикнула я ей вслед. — Наверно, у них там что-то сорвалось с практикой! Извините! Спокойной ночи!

Но она уже торопливо огибала музей.

Я отошла в сторону, присела на пеню и задумалась.

Какого черта Званцев мне врал?

Зачем вообще врать незнакомому человеку? Что я, претендовала на его руку и сердце, что ли, раз он так спешно сочинил невесту-практикантку?

Нет. В моем положении не претендую.

Откуда же взялась невеста? А главное, где же в таком случае сам Званцев? Или где-то тут в кустах стоит машина времени, на которой он отправился на два года назад, к невесте?

Я подумала — а не вернуться ли в усадьбу? В конце концов, я сделала то, чего от меня требовала совесть, — я попыталась найти Званцева. Не моя вина, что он мне соврал. Вот пусть теперь сам свое вранье и расхлебывает! Как только попаду на материк — кровь из носа, а позволю в угрозыск и доберусь до званцевского начальства!

И все-таки — в чем дело?

У всякого вранья есть причина, это я знала по себе. Врать из любви к искусству — патология, а Званцев производил впечатление размазни и растяпы, но уж никак не тронутого.

Надо было восстановить в памяти разговор и те конкретные слова, которые он употребил для вранья. Ведь не с места в карьер он доложил мне о невесте. И наводящих вопросов я тоже, кажется, не задавала. Впрочем, я спросила насчет родственников. Можно ли считать невесту родственницей? Бог ее знает...

Званцев сказал про невесту, отвечая на вопрос о родственниках. Но не сразу. Сперва он рассказал про музей. Сперва — музей, потом несуществующая невеста. Ему понадобилось объяснить свое

путешествие в музей. Какого, спрашивается, черта?.. Эко событие — человек в музей собрался! На выставку поглядеть. Архитектурой насладиться. Не поджигать же музей он сюда ехал!

Стоп! Какая, к лешему, выставка в половине девятого вечера? Рейс-то был последний!

А ну-ка, еще раз все прокрутим! Я — про родственников, он — про музей. Идею родственников и друзей он отменяет сразу. Едет в музей, и точка. Потом он соображает, что музей уже закрыт и что я могу напомнить ему об этом. И он приплывает невесту.

Но куда же он собрался, если не в музей? И почему он не мог сразу соврать насчет родственников? Проверять бы я его пошла, что ли? Нет, брякнул — в музей!

А ну, еще усилие — и я у цели! Брякнул... Он ведь правду брякнул, не подумавши! Званцев — человек простой и выстраивать систему вранья, видимо, не приучен. Он действительно направлялся в музей ради одному ему известных целей. А чтобы мне их не растолковывать, он изобрел на ходу самое трогательное — невесту. Значит, музей ему был нужен именно в вечернее и ночное время... Видимо, и с музеем связана какая-то гнусная уголовщина. Вывод из этого один — Званцев где-то поблизости.

Он может сидеть в засаде, например. На дереве. Или в кусте шиповника — чего я ему от всей души пожелала! Или в реке.

Я стала искать другие варианты. Ничего, кроме засады, в голову не лезло. Видимо, я безнадежно отстала от жизни. Методы из романов Конан-Дойла на острове Долес могли дать осечку.

Мало ли что затеял Званцев! Мало ли какие события должны разыграться этой ночью на острове! Чуть не так повернись — и такие коррективы внесешь в происходящее, что все затеи Званцева прахом пойдут.

Благоразумнее всего было не вмешиваться. Ну, соврал Званцев. Я ему тоже, в сущности, соврала — и тогда утром, и на трамвайчике. Значит, квиты. Разыщу его в понедельник и продемонстрирую зажигалку. Он съездит на остров, побеседует с дядей Вернером, с соседями, ну и так далее. Далеко хозяин зажигалки не убежит.

А если убежит? Ведь преступнику закон не писан, и каждый лишний час, проведенный им на свободе, чреват всякими пакостями. Именно сейчас, сидя на пне, я осознала эту банальную истину.

Званцев где-то возле музея. Если обходить музей кругами, точнее — по расширяющейся спирали, рано или поздно я наткнусь на него. Или он на меня. Ведь его интересуется именно музей? Значит, и лица, шныряющие вокруг музея, тоже.

Через пять минут после принятия этого решения я уже знала, чем буду заниматься в понедельник утром. Жалобу сочинять буду. Вложу в нее всю ядовитую иронию, на какую только способна. Могли бы уж сотрудники музея навести в парке порядок. А то порядочный посетитель вынужден продирается сквозь крапивные джунгли.

Эти мелкие собственницы, наверно, только о своих огородах и беспокоятся!

Описывая первый круг, я забрела в заросли шиповника и долго из них не выбиралась. А когда выбралась и продолжила свой маршрут, заметила подозрительную тень, которая словно растаяла при моем появлении.

Я забежала за угол музея и выглянула. Нет, мне не померещилось — тень, пригнувшись, совершила перебежку от куста к кусту. За мной следили.

Я предположила самое ужасное — Кузина, обнаружив мое отсутствие в комнате, подняла шум на весь остров. И хозяин зажигалки понял причину моих неумных расспросов! Правда, было совершенно непонятно, как он вычислил мой маршрут. Но ведь бывают же, черт возьми, и роковые случайности!

Бегать на шпильках не очень удобно, и все же я побежала, стараясь ступать как можно бесшумнее. Остановившись за следующим углом, я услышала шаги. Тот, который следил за мной, тоже бежал.

Это не мог быть Званцев — Званцев узнал бы меня по силуэту. Это не мог быть и какой-нибудь незнакомец. Кому я нужна с таким пузом! Значит — убийца...

И мне страшно захотелось проснуться в своей комнате и увидеть трещины на высоком потолке, и стрелки будильника, и, потянув носом, восхититься запахом кофе, который варит для своего семейства бабка Межабеле...

Мелькнуло в памяти что-то этакое из моего последнего разговора с бабкой, что-то очень важное, но как будто написанное неразборчивым почерком. У меня не было времени предаваться воспоминаниям. Проснуться дома было уже невозможно.

Я завернула за следующий угол и увидела раскидистую липу. Липа всюю цвела. Она стояла в облаке сладчайшего аромата, который ощущался даже у стен музея. И была она огромна — нижние ветки лежали на земле. Можно было войти в эту липу, как в шатер.

Липа — вот что спасет меня. Преследователь по инерции будет бегать вокруг музея, как в дореволюционной кинокомедии, а я возьму себя в руки и под прикрытием липы смоюсь от греха подальше.

Добежать до липы я успела. И встать вплотную к стволу — тоже. Тут появился он.

Он все еще хоронился за кустами. Я видела только голову и плечи. Он огляделся. Волосы вроде были темные — значит, не Виестур. Лысина под луной вроде не блестела.

Тут у меня отшибло всякое соображение — пригибаясь, он тоже побежал к липе.

Я сдернула с ноги босоножку и занесла ее над головой — острым каблуком вперед. Если вмазать каблуком по физиономии... Жутко, но другого выхода у меня нет.

Убжав в липовый шатер, он выпрямился и занял наблюдатель-

ную позицию. Он стоял спиной ко мне, и, будь у меня отвага самостоятельно захватить преступника, я могла оглушить его каблуком по виску. Но я от ужаса затаила дыхание и стояла так целую вечность — пока преступник, переступив с ноги на ногу, не качнулся с амплитудой в пятнадцать градусов.

— Званцев! — изумленно воскликнула я.

Он резко повернулся.

— Вы? Так это я за вами гонялся?

— А вы что, не узнали меня?

— Совершенно не узнал.

— Ну, знаете ли! — я даже оскорбилась за свой ни с чем не сравнимый силуэт. Мужчины не очень наблюдательны, но если Званцев скажет, что не заметил моего пуза, я точно дам ему по шее бо-соножкой.

— А как я мог вас узнать, если из кустов торчала только ваша голова?

Растяпа реабилитировался.

— Я вас искала, Званцев. Всю крапиву облазила.

— А ко мне прибегает перепуганная Аусма Карловна — там, говорит, незнакомая женщина ищет каких-то практикантов, а их у нас два года не было!

— Это я вашу невесту искала, Званцев.

Он смутился. Я ждала ответа, но не дождалась.

— Между прочим, меня ваша личная жизнь совершенно не интересует, и, как вы понимаете, я спрашивала про практиканток, чтобы найти вас. Я вас по очень важному делу ищу. Кстати, по вашему делу.

— Вы о чем?

— Как это о чем? Помните, вы мне днем рассказывали о преступнике, который убил моряка и оставил труп в «жигуленке»?

— Ну?

— Я видела этого преступника!

— Где? Во дворе? Так что же вы...

— Какое там — во дворе! На острове Долес!

— Где?.. — ошалел Званцев.

— Да здесь же, на острове!

Тут наверху, в кроне липы, зашебуршало. Что-то увесистое сорвалось с ветки и с треском обрушилось вниз!..

* * *

Мы шарахнулись в разные стороны.

Оно, не долетев до нас, видимо, проснулось, отчаянно захлопало крыльями и, выбравшись из кроны, тяжело полетело к лесу.

— Заснул и скovyрнулся, черт немазанный! — прокомментировал Званцев.—Кило на пятнадцать потянул бы, не меньше.

— Три тридцать за кило...—подсчитала я.—Между прочим, ничего особенного, я думала, он дороже обойдется..

- То есть как?
- Штраф за убийство фазана — пятьдесят рублей,—сообщила я как можно ехиднее.
- Какой же это фазан? Индюк.
- Индюк на ветке?
- Они на ночлег часто забираются повыше.
- И специально прилетают из дому ночевать в музей? Образованные же индюки на острове Долес! Это фазан, Званцев.
- Откуда здесь фазаны?
- Откуда — не знаю, но в лесу висит объявление насчет штрафа. Так что это фазан.
- А если бы висело объявление насчет штрафа за страуса, это был бы страус? Вы их своими глазами когда-нибудь видели, фазанов-то?
- Я постаралась припомнить последнее посещение зоопарка в возрасте одиннадцати лет...
- Кажется, нет, а что?
- А то, что там, направо, усадевка стоит. Перед ней — двор. Во дворе — телега.
- Ну?
- А на телеге я сегодня вечером видел целую семью индюков. Штук двенадцать. Этот оттуда «прилетел».
- И все-таки мне кажется, что это был фазан,—упрямо ответила я. Одно дело — когда к тебе с дерева слетает красавец фазан, а совсем другое — когда тебе на голову валится заспанный индюк.
- Званцев спорить уже не стал. В конце концов, спасибо бы сказал, что я не грохнулась в обморок от такого явления.
- Бог с ним, с вашим фазаном. Скажите лучше, кого вы там обнаружили.
- В его голосе наконец-то появился долгожданный интерес.
- Я же говорю — человека, который ночью пробегал по двору.
- И как же вы его узнали? Вы же утверждали тогда, что не видели его!
- Для этого не обязательно тарашиться на него с четвертого этажа. Я бы в лучшем случае увидела оттуда затылок и шапку. Ну, может, еще кончик носа, если нос достаточно длинный.
- Тогда я ничего не понимаю,—признался Званцев. Я вдруг поставила себя на его место и уразумела, что понять меня сейчас действительно невозможно.
- Ну, видите ли, дело в том, что я вас тогда утром немного обманула. Правда, нечаянно. Я не думала, что это имеет для вас значение. Я говорила, что открывала окно и выбрасывала окурки, так?
- Предположим.
- А на краю пепельницы лежала зажигалка. Прямая зажигалка. Вот я ее и выкинула вместе с окурками.
- Что же вы не спустились утром и не подобрали ее?
- У меня была высокая температура. Я вообще в тот день из

дому не выходила. Когда я заметила пропажу,—на ходу сочинила я,— у меня хватило ума взять театральный бинокль и посмотреть вниз. Окурки были, а зажигалки не было.

— Может, вы ее и не выбрасывали?

— Выбросила, к сожалению. Дома ее не оказалось. Я ведь пока сообразила, что она в окно улетела, искала ее по всем углам.

— А, погодите... Вы же были не одна?

— Не стану же я будить человека ради зажигалки!

— Гм, да... Но она могла упасть в сугроб.

— Откуда бы ее выудили утром ваши коллеги. Разве не так? Вспомните, проходит у вас по этому делу такое вещественное доказательство, как гонконгская зажигалка?

— Там и без нее всякого добра хватает.

— Ну вот, значит, вы согласны со мной, что она пропала в ту ночь примерно в два часа?

— Предположим.

— А сегодня вечером я видела ее в руках у человека, который мог заполучить ее одним способом — подобрав в два часа ночи во дворе.

— Эту самую зажигалку? Вы не ошиблись?

Занудство Званцева можно было понять и простить — работа у него такая, но я нервничала и сердилась, боясь из-за его вопросов сбиться и нагородить ерунды.

— Да, эту самую. Она, видите ли, меченая. Я ее выменяла у подруги на французский брасматик...

— На что?

— На брасматик. Это такая тушь для ресниц, в трубочке, с круглой щеточкой. Ну вот, мы с подругой не договорились бы насчет обмена, если бы зажигалка не оказалась меченой. На ней две велосипедистки, и у одной на ноге ожог... То есть, что я... Не на ноге, а на зажигалке ожог! Вот, можете полюбоваться.

И я достала из кармана зажигалку.

Но Званцев уставился не на нее, а на меня.

— Значит, зажигалка все-таки у вас?!

— В том-то и беда, что у меня! — чуть ли не со слезами в голосе ответила я.—Мне ее подарили!

— В обмен на брасматик, что ли?

— При чем тут брасматик! Мне ее просто так подарили через мою же собственную глупость.

— А что вы получили в обмен на брасматик?

— Да ее же, зажигалку, будь она неладна!

И тут мы оба основательно замолчали. На асимметричной физиономии Званцева не было ни тени понимания. А я чувствовала, что сказала что-то не то, и соображала — что же именно?

— Я начну сначала,—как можно нежнее и задушевнее сказала я, разобравшись наконец, что к чему.—Значит, так: В конце февраля я выменяла у Колесниковой Светланы Николаевны зажигалку

гонконгскую натуральную на брасматик французский, который, в свою очередь, купила у Стрике Анды, отчества латыши не употребляют, за восемь рублей. Эту зажигалку я подарила своему... ну, другу, что ли. Потом я выкинула ее в окно. Подобрать ее на дорожке можно было, только пока в моем окне горел свет. Тогда она была видна. Свет я погасила сразу же после двух. Зажигалка исчезла в те четверть часа, которые интересовали вас с точки зрения поисков убийцы. Так?

— Предположим...

— А сегодня вечером совершенно незнакомые мне моряки подали мне ни с того ни с сего эту самую зажигалку!

— Вашу, значит, собственную зажигалку?

— Ф-фу! Вот именно!

— И кто же вам ее подарил?

— Я же сказала — не знаю.

Это была чистейшая правда, и все же Званцев посмотрел на меня недоверчиво.

— С другой стороны,—начала я оправдываться,—это я сама и спровоцировала. Не надо было мне хвалить собственную зажигалку.

Званцев имел полное право рассердиться на мою бестолковость. Я поняла это, когда он, помолчав, задумчиво предложил:

— Давайте лучше я буду задавать вам вопросы. А вы будете на них отвечать.

— Ладно...—вдохнула я.—Только давайте разговаривать по дороге.

— По дороге куда?

— К дяде Вернеру.

И поскольку это имя нуждалось в комментариях, я объяснила—моя сестра замужем за дядиным родным племянником, следовательно, он и мне теперь дядя. Все получилось складно — Званцев видел, как Кузина с Кузеном ворковали на палубе трамвайчика.

Тем не менее идти к дяде Вернеру Званцев отказался, хотя я и описала ему всю сцену дарения зажигалки.

— Значит, единственное вещественное доказательство уже не является доказательством,—только и заметил он.—Отпечатки пальцев на нем стерлись.

— На нем были дядины отпечатки! — вспомнила я.—Он последний брал в руки зажигалку. Потом — я.

— Ну вот. И мы не можем установить, кому из четверых она принадлежала. Потому что все четверо могут от нее отказаться. А доказательств у нас нет. Никаких.

— Черт бы побрал эту зажигалку! — разозлилась я.—Так, значит, я вас зря искала? И убийца спокойно уедет завтра с острова, и отправится в свое кругосветное путешествие, и будет дышать морским воздухом, и будет болтаться по Рио-де-Жанейро, а на вас будет висеть дело! Приятная перспектива!

— Пойдите, пойдите! — всполошился Званцев.—Какое еще кругосветное путешествие?

— Они все четверо — моряки! — объяснила я, как младенцу.— Ходят в заграничку. У них есть бонусы. И они куда-то собираются, во всяком случае, двое из них, но кто именно — я не поняла. Они говорили, что будут заходы. И даже если предположить, что Эдвин тут совершенно ни при чем, он еще мальчишка, то все равно остаются три человека, которые не сегодня-завтра смуются из Риги.

— Черт знает что...—пробормотал Званцев.—Похоже, что вы правы. Что же делать-то?

— Вы не можете уйти отсюда? — сообразила я.—Вам нужно быть именно здесь? Теперь хоть ясно, почему вы сказали насчет невесты. И не оправдывайтесь, пожалуйста. Это же ваша работа. Предлагаю вариант — вы даете мне инструкции, я возвращаюсь в усадьбу и выполняю их со всей доступной мне точностью. А утром, если вы только пробудете здесь до утра, прибегаю и докладываю вам о результате.

— Какие, к лешему, инструкции...—вздыхнул Званцев.—Ну, что вы можете предпринять...

— Все, что потребуется!

Я не врала. Бегаю быстро, особенно на короткие дистанции. Реакция у меня хорошая — я была в институтской сборной по волейболу. Плаваю отлично. А главное — чтобы мне попала вожжа под хвост. Тогда я способна на всякие чудеса.

— Чего уж теперь от вас требовать...

И он очень выразительно посмотрел на мое поролоновое пузо.

Если бы мне сейчас подвернулась под руку любимая Кузина, у Званцева прибавилось бы еще одно уголовное дело.

— Так как же быть? — в панике спросила я.—Вы не можете покинуть пост. А я ни к черту не гожусь! Значит, они так и уйдут неизвестно куда?

— Мне что-то кажется, что я знаю, куда они пойдут...—загадочно сказал Званцев.—И если это так — лучше, наверно, выйти им навстречу. Пошли.

И тут я обнаружила в своей правой руке босоножку...

Вылезать с босоножкой в руке из-под липы я никак не могла.

— Вы идите,—смущенно попросила я,—а я сейчас.... Мне кое-что поправить надо.

— Понимаю.

Званцев решительно шагнул из-под липы.

Я, застегнув босоножку, поспешила за ним.

Некоторое время мы шли молча.

— А вам ничего не будет? — вдруг спросила я.

— Это как?

— Ну, вы же ушли...

— Ничего не будет. Это мое дело.

— Но все-таки оставить пост...

— Да не переживайте вы из-за меня. Если хотите знать, на этот пост я сам себя поставил.

* * *

— А разве это возможно? — очухавшись, спросила я.

— Возможно. Во всяком случае, я попробую вам объяснить, каким образом это возможно.

Уже не первый раз я слышала из его уст отвратительно гладкую фразу. И я твердо решила — если это повторится, сделать Званцеву втык. Нельзя так говорить с людьми — во всяком случае, с живыми людьми, покойникам, может, такой синтаксис и нравится, есть в нем что-то неживое...

— Сейчас в музее очень интересная выставка — слышали?

— Кожаная пластика, что ли? Мы завтра собирались пойти.

— Представляете, что это такое?

— Это когда из кожи изготавливают не кошельки и подошвы, а сумки, вазы, рожи и ножи с вилками.

— Ну, предположим. Так вот, на этой выставке есть работы одного интересного мастера...

— Ножи с вилками? Или другая посуда? Как подумаю, на что эти интересные мастера переводят кожу...

— Да нет же, это нормальный мастер! Он делает замечательные переплеты. Без всяких выкрутасов, честное слово! От старинных не отличить.

— А вы откуда знаете?

— От специалиста. Его приглашали в разные библиотеки восстанавливать переплеты шестнадцатого века. А с книгами еще такая ерунда случается. Бывает, что страницы на каком-нибудь чердаке сохранились, а переплета нет — использовали на что-то в позапрошлом веке. Вот он такие переплеты и делает. Все как положено, и с рисунком, и с орнаментом, и с золотом.

— Значит, действительно мастер.

— Я же говорю. И вот несколько лет назад сделал он переплет для одной рукописи. Рукопись принадлежит его другу, коллекционеру. Датируется она первой половиной шестнадцатого века, — Званцев говорил, как будто на совещании докладывал, — но фактически это — переписанное сочинение алхимика тринадцатого века Герберта Аврилакского. Философский камень и прочие дела. По этому алхимику все библиотеки мира и частные коллекционеры плачут. А он примерно в конце семнадцатого века угодил в Латвию. А теперь вот попал в прекрасный переплет, участвует в выставках кожаной пластики. С разрешения коллекционера, конечно.

— Стоило попадать в переплет! — фыркнула я. — Впрочем, для алхимика общество кожаных кастрюль — действительно значит попасть в переплет.

— Продолжаю, — усмехнувшись, сказал Званцев. — Даже наши советские коллекционеры — люди достаточно состоятельные, что-

бы купить старинную рукопись. Не все, конечно, но многие. А за рубежом — там такие экземпляры попадаются! Могут взять и выложить миллион долларов за ночной горшок Наполеона! Извините...

— Ничего, ничего, продолжайте,—светским тоном предложила я.—Так на чем мы остановились? На ночном горшке Наполеона?

— Кроме того, они там все обожают оккультные науки. А сочинений этого Герберта Аврилакского уцелело очень мало. Они, кстати, не только мистикой интересны. Он жил на юге Франции, путешествовал в Испанию, с маврами общался... Там у него и математика, и астрономия, и бог весть что понапихано. А хозяин рукописи в заведении ее государству отказал, а до кончины решил у себя поддерживать. Жемчужина коллекции все-таки!

Званцев задумался.

— Три выставки было, и на всех трех что-то с этой рукописью приключалось! — неожиданно воскликнул он.—То в зале, где она хранится, окно само собой вдребезги разбивается, то еще какая ерунда. В общем,—он перешел на свой мерзостный официальный синтаксис,— есть основания полагать, что к рукописи постоянно проявляет интерес некое лицо, готовое ради приобретения на любые издержки. И все версии сходятся на том, что вышеупомянутое лицо проживает за границей. А коллекционер это редкостей или алхимик-дилетант, судить трудно.

Званцев не получил втыка — уж больно интересно было то, о чем он рассказывал.

— Теперь вы понимаете, что всякий новый человек на острове, да еще моряк, который ходит в загранку, вызывает у меня определенный интерес.

— Вот почему вы так обрадовались! — вспомнила я.

— Я подумал — а не связаны ли эти два дела между собой? Ведь и в том и в другом случае — контрабанда. Если вы не ошиблись и человек, который тогда ночью пробежал по двору, находится сейчас на острове — то зачем? Первое, что приходит в голову,—выставка и рукопись.

— Но, простите, я что-то не понимаю... Вы что же, устроили круглосуточное дежурство возле этой рукописи? И когда же вас должны сменить?

— Да никто меня не должен сменить! Просто в воскресенье выставка закрывается. До сих пор ничего подозрительного не случилось. Это мне показалось странным. И я договорился с директоршей музея, что последние два дня поживу здесь, на острове. Тем более, погода хорошая, искупаюсь, позагораю. Есть у меня одно предположение — что рукопись должна пропасть в те несколько часов, когда экспозицию будут разбирать, упаковывать и художники на собственном транспорте начнут развозить ее по домам. Это может случиться в воскресенье вечером. А люди, которые придут за рукописью, появятся гораздо раньше, чтобы ознакомиться с обстановкой.

— И вы явились сюда добровольно? — изумилась я.

— Совершенно добровольно. Я уже имел дело с этой рукописью, видите ли. Пытаясь ее похитить, тяжело ранили человека. И это дело шло по нашему ведомству.

Я на ходу переваривала информацию. Оказывается, я впуталась в увлекательнейшее дело, дай бог здоровья Кузине. Рядом с ним совершенно побледнел ее план мести Борису. И замечательно. И восхитительно. Тем более, что мне до сих пор было неловко перед Званцевым из-за своего вранья. Помочь ему — это было бы только справедливо. В конце концов, он не виноват, что убийство в подворотне совпало с изгнанием Бориса. Тем утром даже добрейшая бабка Межабеле могла бы нечаянно вогнать меня в истерику.

И тут я вспомнила бабкино бормотанье над глиняной кружкой. Черт знает что — но ведь с этого непонятого колдовства вся карусель и закрутилась. Я выпила отвар и не успела кружку поставить на стол, как явилась Кузина со своим безумным купальником. И я согласилась на авантюру. Не могла не согласиться — за четверть часа до того я жаловалась бабке на смертную тоску и просила из ряда вон выходящих событий. Вот они и начались...

Пока эти события разворачивались крайне интересно. Даже Званцев, вразвалку топающий рядом со мной, уже не вызывал ассоциаций с индюком. Мне даже понравилось, что он по собственной инициативе стережет рукопись алхимика. Но уж больно увесисто рассуждал этот товарищ Званцев. Не было в нем той стремительности мысли, той изящной способности схватывать на лету, которую я так ценила в мужчинах. Я невольно сравнила его со старым охотничьим псом, который потерял скорость и быстроту реакции, но уж если догонит и вцепится — то мертвой хваткой.

Званцев, похоже, именно такой хваткой и вцепился в рукопись. Да, на элегантную гончую он меньше всего походил — походка развалистая, ногами песок загребает, голова набычена... Сколько же ему лет?

Мы шли вдоль опушки, и Званцев рассказывал что-то интересное про книжных коллекционеров, когда я расслышала в темноте мужские голоса.

— Стоп! — сказала я.—Слышите? А вдруг это они?

— Кто? Моряки?

— Ага. Дядя их всю ночь кормить яичницей не станет.

Званцев прислушался.

— Они говорят по-латышски,—сообщил он.

— Ну и что? Вот если бы они говорили по-турецки, я бы удивилась. Здесь же все-таки Латвия.

— И вы с ними тоже по-латышски говорили?

— Не по-японски же!

— Вы настолько хорошо знаете язык?

— Я билингв,—употребила я научное словечко, которого Званцев заведомо не знал. К чести своей, он не притворился эрудитом.

— Простите, кто?

— Би-лингв. Человек, одинаково хорошо владеющий двумя языками.

— Значит, вы можете перевести, о чем они говорят?

— Могу,—удивилась я.—Только надо подпустить их поближе.

Стараясь не шуметь, мы забрались в молодой ельник. Со всех сторон торчали упругие и колючие лапы. Мы нашли пятачок, где можно было стоять рядом, не чувствуя колючек, но настолько близко, что это совсем мне не понравилось. Я могла, не ощущая своего поролонового пуза, прижаться нечаянно им к Званцеву, пузо бы сплющилось, а такую медицинскую аномалию заметит даже Званцев.

Голоса приближались. Первым я узнала и смогла разобрать баритон маленького брюнета.

— Его жена знает, что он должен мне эту тысячу,—говорил брюнет по-латышски,—и сама сказала, что деньги я получу, когда он вернется из рейса. Если, конечно, они возьмут план. В прошлый раз взяли полтора. В общем, я за свою тысячу не беспокоюсь. Так она целее будет. Я получу ее в ноябре. Велта уже дала телеграмму в Лиенаю, так что у нас тут полный порядок.

Я торопливо переводила Званцеву всю эту бесполезную информацию.

— Благодетель! — сказал брюнету вылитый Боярский.—Что до ноября собираешься делать?

— Банки грабить!

По мне мурашки пробежали. По Званцеву, кажется, тоже. Юмор, однако, у этих морячков...

— А мы точно к музею выйдем? — спросил лысый.

— Точно. Я по этой дороге с закрытыми глазами пройду,—пообещал Виестур.

Я синхронно переводила.

— Между прочим, нам может не хватить бензина,—заметил лысый.

— О чем же ты раньше думал? — возмутился вылитый Боярский.—Что же нам теперь — галоши ждать?

— Недолго, кстати, и осталось,—вставил брюнет.

— Ну вот ты и жди,—отрубил вылитый Боярский.

А что ему на это ответили, я уже не расслышала.

Четверка удалилась.

Я высунулась из ельника и увидела, как они идут по дороге, топчя край ржаного поля: в середине вылитый Боярский и лысый, а Виестур и маленький брюнет — по краям.

Дойдя до развилки, они остановились и стали совещаться, но подкрасться к ним было невозможно.

— Хотел бы я знать, что они затеяли,—мрачно сказал Званцев.—Прямо хоть ползи к ним по-пластунски.

— Мне тоже прикажете ползти? — осведомилась я.—Вот к че-

му ведет незнание языка. Не полагается ли вам по штату личный переводчик? Если оклад приличный, я согласна. У вас молоко за вредность не дают? А дополнительные дни к отпуску?

Званцев опустил голову и молчал.

— Вы сколько лет-то в Риге живете?

— Да лет пять будет.

— И не освоили языка? Это что же — бог талантом обделил или просто лень было?

Ответа я не дождалась.

— Значит, лень. Между прочим, это элементарная вежливость — приехав в республику, постараться освоить язык. Грамматические ошибки вам, как гостю, на первых порах уж как-нибудь простили бы.

— По-вашему, я здесь в гостях? — вдруг возмутился Званцев. — Старая песня, еще сороковых годов! Можно подумать, что ваша Латвия — отдельное государство. Историю бы вспомнили!

— Стало быть, вы здесь дома?

— Да.

— И в собственном доме вам нужен переводчик? Мило. Вы, наверно, все пять лет на чемоданах просидели — ждали, что еще куда-нибудь отправитесь, и решили не тратить время на язык. Вот только попробуйте сказать, что вы ехали сюда с намерением навеки поселиться!

— И что тогда будет?

— А ничего. Ни слова больше не переведу. Не обязана.

Четверка все еще судачила на развилке.

— Хотел бы я знать, зачем им среди ночи понадобился бензин, — тихо сказал Званцев.

— Для моторки, наверно.

— Или для автомашины.

— Это же остров! Как отсюда выбраться на автомашине?

Званцев оторопело на меня уставился.

— Элементарно! По плотине!

— По какой еще плотине?

— Вам не показалось странным, что на острове так много автомашин?

— Показалось. Но я думала...

Мне пришла в голову мысль насчет парома, и сразу же стало стыдно за свое невежество. На Даугаве, кажется, никогда паромов и не было.

— Сюда можно попасть по плотине Рижской ГЭС, там целая дорога, только очень неудобная. Если с острова по ней идти, как раз возле Саласпилса и выйдешь на твердую землю. В этом отношении трамвайчик удобнее. Пять минут — и ты в Кенгаргсе.

— А удобнее всего — моторка... — мечтательно сказала я. — Пятнадцать минут — и ты в Риге. Полчаса — и в Болдерае. Час — и где-нибудь в Юрмале...

— Это точно. Особенно ночью, когда ничего не мешает. Двадцать минут — и ты в районе порта...

Я поняла его мысль. Если похититель зажигалки собирался сегодня утащить из музея рукопись алхимика — действительно, ему удобнее всего было бы увезти ее на моторке.

Четверка, окончив совещание, разделилась. Виестур с лысым пошли к музею, а вылитый Боярский и маленький брюнет молча зашагали обратно и скрылись за поворотом.

— Что же теперь делать? — растерялась я.

— Да, спать они сегодня что-то не собираются.

— Надо пойти за ними следом!

— За которыми?

— Я за одними, вы за другими.

— Отменяется! — отрубил Званцев.— Вы что, забыли в каком вы положении? Я не могу вас отпустить одну — ночью, да еще в погоню за уголовником.

Но я уже раскочегарилась.

— А еще не доказано, что один из них — преступник. Вы сами говорили, что зажигалка — не доказательство. Мало ли зачем им нужно рано утром в Ригу.

— Даже если среди них нет преступника, то один из них знаком с преступником, иначе откуда у него взялась зажигалка? А в таком случае цепочка «мартовское преступление» — «Долесский музей» все равно существует. Ваша зажигалка в ней — промежуточное звено. Я все больше убеждаюсь в этом.

— Но что мне угрожает, если я пойду за ними?

— Не знаю, но запрещаю.

Я мысленно чертыхнулась. Он еще смеет мне что-то запрещать! Из лучших побуждений, правда... А интересно, если я признаюсь ему во вранье насчет своего «положения», пустит он меня в погоню? Я ведь в драку не полезу, драки я и сама боюсь, я только тихонечко пойду кустиками — и, кстати, пойму, о чем они там будут толковать, без переводчика. А Званцев тем временем отправится к музею, а свидание мы назначим под липой...

И тут я поймала себя на мысли: а почему не я — к музею, а он — за той парочкой, которая молча возвращается к дядиной усадьбе? Почему мне сразу захотелось именно в погоню за маленьким брюнетом и вылитым Боярским?

Да, Званцеву рядом с вылитым Боярским делать было нечего. Не исключено, что и настоящий Боярский побледнел бы рядом с вылитым. Так, может, окончить маскарад? Званцев посмеется над нашей с Кузиной затеей, а поролоновое пузо мне не помешает шагать по кустам.

— Послушайте, Званцев, если все дело в моем положении,— сказала я,—то вообразите на минуточку, что никакого положения нет. Что я нахожусь в лучшей форме, а вот это — из поролон. Можете вы вообразить?

— Перестаньте говорить ерунду,—буркнул Званцев.

— Я говорю совершенно серьезно. Можете вы представить, что я для некоей цели должна играть роль беременной женщины? А на самом деле я хоть сейчас кросс пробегу и никакие морячки меня не догонят?

— Я не сомневаюсь, что раньше вы бежали быстро,—сказал Званцев,—но не думайте, что я теперь позволю вам пробежать хоть двадцать метров. Я тоже кое-что соображаю! Ничего себе шуточки!! Пора уже в библиотеках объявление вывешивать: «Женщинам детективной литературы не давать!» Это же совсем с ума стронуться надо — из-за детективного заскока здоровьем ребенка рисковать!

Я попятилась. В гневе Званцев был страшноват. Начнешь ему теперь что-нибудь объяснять — ничего не поймет, а то еще, чего доброго, схватит в охапку и отнесет домой, под дядино крыло. С него станется, во лапищи какие, он и нас с Кузиной вместе бы подхватил, как перышко!

Званцев на страже материнства — это даже не было забавно. Приходилось идти на попятный.

— Но я же сказала только «вообразите!» — пискнула я.— Неужели вам трудно себе представить, что я так легко переносу свое положение, настолько легко, что даже купаюсь и плаваю? Я же спортом занималась!

— Это меня не касается. И никакой самодеятельности я вам не позволю.

— Время же уходит!..

— Пошли к музею. А там видно будет.

Мы зашагали по дороге.

Признание во вранье не состоялось. Это меня даже развеселило — раз в кой-то веки я намылилась громко объявить чистую,наичистейшую правду! И вот — здрасьте... Цепная реакция вранья, продолжается. А все Кузина, авантюристка несчастная... Кузина?

И я поняла, что цепная реакция началась не с нее. Ведь все затевалось ради кого? Ради Бориса. Ведь не с бухты-баряхты же притащила мне Кузина пузатый купальник! Все началось с Бориса и той мартовской ночи, когда я решительно сбросила многомесячный груз полуправды и предпочла одиночество на подоконнике.

Да, началось все с Бориса и выброшенной зажигалки...

А если преступник — маленький брюнет? Он, судя по всему, теперь нуждается в деньгах.

Впрочем, и лысый с бакенбардами особого доверия не внушал. Что-то у него во взгляде было очень неприятное. Брюнет ушел в одну сторону, лысый — в другую. Даже если бы Званцев отпустил меня за брюнетом, что он может поделать с Виестером и лысым, они же по-латышски шпарят! И никаким бесом теперь не узнаешь, в какую сторону нам со Званцевым нужно было бежать вдвоем!

Уж лучше бы этот тип не заметил на снегу зажигалки и ее

через полторы минуты спокойно подобрал Борис! Не возникло бы всей этой нервозности...

Таким путаным порядком долго думать было нельзя. Две ничтожки рассуждений должны были слиться в одну — и внезапно слились!

Мы со Званцевым не знаем, за кем спешить, но это может знать Борис. Что, если он, выскакивая во двор, налетел в подъезде на того, кто подобрал зажигалку?

По времени это совпало. Зажигалка пропала в считанные минуты. Вряд ли в это время по двору проходил еще кто-то...

Я даже остановилась от неожиданности. Почему мне это раньше не пришло в голову!

В конце концов, подозреваемых — трое, а преступник среди них — один. Остальные могут оказаться вовсе ни при чем. И, пока мы околачиваемся у музея, маленький брюнет успеет предпринять что-нибудь такое, что нам с ним будет не справиться. Мы же в это время будем пасти двух ни в чем не повинных накачавшихся пивом балбесов. Им по такому случаю какая-нибудь дурасть в голову стукнет, а мы на полном серьезе будем за этой дурастью наблюдать и делать далеко идущие выводы!

— Что случилось? — спросил Званцев.

— Ничего, мне в голову мысль пришла.

— Опять?

— А что?

— Да нет, ничего,—усмехнулся Званцев.—Только если это опять какое-нибудь вранье, я и слушать не буду.

— Вы не верите,—сказала я,—но на сей раз я скажу вам чистую правду. Мне кажется, я могла бы выяснить, за кем именно следом нам надо было идти. И я даже берусь это сделать за полчаса.

Последние слова вылетели из меня от избытка азарта, и я сама их испугалась.

— Каким образом? — насторожился Званцев.

— Мне трудно вам это объяснить, но я знаю.

— Вы хотите сказать, что на острове есть еще один свидетель преступления, который знает преступника в лицо? Не слишком ли много для одного маленького острова?

— Этого я не говорила.

— Так что же вы собираетесь сделать?

— Ну, предположим, я собираюсь позвонить по телефону! — сердито ответила я.

Он ничего не ответил. Мы продолжали двигаться к музею.

— Ну так как же? — не выдержала я.

— В музее есть телефон, откуда и позвоните. А другого поблизости нет.

Я загородила ему дорогу.

— А вы не могли бы на эти полчаса предоставить меня самой

себе? — заглядывая ему в глаза, взмолилась я.—Я узнаю все, что нужно, приду и расскажу вам!

— Не могу. Вы такого натворите, что я за всю жизнь не расхлебаю.

— Я очень вас прошу!

— Что именно вы собираетесь делать?

— Этого я вам объяснить не могу.

— Очередное вранье! — догадался Званцев.

— А что в этом удивительного? Когда человек не может сказать правду, он врет. Вы же соврали на парходике насчет невесты! И никто вас за язык не тянул.

— Мое вранье — это мое личное дело! — возмутился Званцев.— А ваше вранье — это уже уголовное дело. Вы хоть представляете себе, что такое ответственность за ложные показания?

— Между прочим,—ядовито напомнила я,—я добровольно явилась к вам с показаниями насчет зажигалки. И не в кабинет, между прочим, а всю окрестную крапиву излазила, пока вас нашла. Так что насчет ответственности у меня все в порядке. И я делаю все, чтобы вам помочь!

Званцев засопел, но сдержался.

— Выдрать бы вас солдатским ремнем с пряжкой,—тоскливо сказал он.—Вот дураки французы призывают — «шерше ля фам». Нашел «ля фам» — на свою голову! Знали бы они, что может такая «ля фам» натворить в качестве свидетеля! Черта лысого бы они так говорили...

Мне в голову пришла еще одна мудрая мысль. Видно, ночь выдалась такая урожайная. Я подумала, что, в конце концов, я за всю свою оставшуюся жизнь больше со Званцевым не встречусь. Разве что приду к нему в кабинет подписать протокол показаний. Так пусть уж послушает исповедь несчастной женщины. Ему это будет только полезно.

— Ладно,—приступила я.—Вот вам правда. Я выбросила зажигалку в окно нарочно.

Званцев посмотрел на меня с великим подозрением.

— И зачем вы это сделали?

— В личной жизни недоразумение вышло. Я не только зажигалку выбросила,—предвкусывая реакцию, ответила я.

— А что еще?

— Носки... Жилет вязаный... Газету... Галстук...

— Мужа, случайно, не выбросили?

— Хотела! Да никакой он мне не муж. Еще немного — я бы и его в окно выбросила.

— По-моему, вы опять что-то загибаете,—сказал, переварив информацию, Званцев.—В два часа ночи вещи в окно швырять? Бред какой-то. Так не бывает.

— Еще как бывает! Посмотрите на меня внимательно и скажите — разве я не могу вдруг взять и выбросить в окно жилет?

— Да, это вы, пожалуй, можете! И́ какáя причина этому швыряню вещей? С вас, конечно, станется и просто открыть окошко и разбросать свое имущество — дай, мол, развлекусь, побалуясь! Но ведь был же какой-то повод?

— Был, разумеется. А имущество — не мое. Я галстуков не ношу.

— И вы хотите сказать, что выбрасывание галстука в окно может навести на след убийцы? Что же, он и галстук подобрал? Может, он и по острову ходит в этом галстуке? Хорошо живется преступникам — ходи ночью по дворам и поглядывай, из какого окна что вылетит!

— Вы мне не верите?

— С какой стати я должен верить еще и в этот бред? — Званцев не на шутку начинал злиться.— У вас сегодня какое-то завиральное настроение. Шли бы вы лучше домой. Сейчас возле музея черт знает что может произойти. Будете только в ногах путаться.

— Ну, раз так! И оставайтесь! — воскликнула я.— И торчите там в крапиве! Если вы мне не верите! Я в понедельник приду к вам на работу и напишу показания! Только не вам, а кому-нибудь другому! И пусть вам нагорит за халатное отношение к свидетелям! Я круто повернулась и пошла к дядиной усадьбе.

Шагов Званцева за спиной я не слышала. Наверно, стоял и переваривал мои вопли. Индюк несчастный!

Так я шла быстрым шагом к усадьбе и костерила на все лады Званцева. И дошла бы благополучно, и провалялась бы в постели до утра, не в силах заснуть, но дернул меня черт принять совершенно излишнюю предосторожность.

Я собиралась влезть в окно. Можно было подойти к самому дому, обойти его вдоль забора и подобраться к стене, выходящей на реку. Так нет же — я затеяла спуститься к реке и уж оттуда подниматься к окну. Хотя на кого бы я напоролась возле ворот? Разве что собака гавкнула бы спросонья. Ну, так с собакой я уже подружилась.

В общем, недалеко от Борисовых хором я сползла к реке, а на мостках обнаружила маленького брюнета и вылитого Боярского. Они там что-то делали с моторной лодкой.

Я повисла на кусте, за который держалась на спуске, и затаила дыхание.

— Ты и сам понимаешь, что к незнакомому человеку он близко не подойдет. А кого из всех нас он знает? — говорил брюнет.— В том-то и дело. Особенно теперь, после всех чудес в решетке.

— Не нравится мне такое дело,— заметил вылитый Боярский.— Чем больше думаю, тем меньше оно мне нравится.

— Тебе осталось думать только час,— успокоил его брюнет.

— Хочешь сказать, что уже поздно?

— Да не дергайся ты. Если только парни все подготовили правильно, будет о'кэй! Мы подгоним моторку, а дальше все по плану.

Пока там старухи будут кудахтать, лодочка пойдет, сверкая, сотню миль за ночь пройдет, тысячу за ночь пройдет!

Последние слова он пропел довольно приятным голосом.

Вылитый Боярский ничего не ответил.

— Перестань тосковать! — одернул его брюнет.—Все рассчитано. Мы не такие парни, чтобы зря хныкать.

— В марте же не хныкали,—буркнул вылитый Боярский.

— Ну вот, вспомнил! Думаешь, я этого в голове не держу? Дурак... Тот, кто в марте все дело взял на себя, тот первым и пойдет. Разве мы сразу же не так решили? Так что же ты теперь расхныкался?

— Пошел бы ты — на дом дальше!

— Уйя, уйя, паренек. Не обижай дяденьку.

Неизвестно, что бы я еще услышала, если бы песок под ногами не поехал. Маленький брюнет и вылитый Боярский резко повернулись — и мне не оставалось ничего другого, как со смехом вывалиться из кустов.

— Добрый вечер! — сказала я.—А я слышу — голоса, решила посмотреть — может, кто-нибудь знакомый рыбачить собрался. А это вы оказались.

— Какая приятная встреча! — воскликнул маленький брюнет.-- А ведь мы вас вспоминали. Думали между собой — такая красавица, а не замужем. Наверно, в женском коллективе работаете?

— В женском,—соврала я.

— Ну, это и лучше,—ответил брюнет,—когда замуж выйдете, мужу будет спокойнее.

— За кого это я выйду замуж? Уж не за вас ли? — С брюнетом, как я поняла, нужно было шутить попроще и дурачиться в стиле Кузины.

— Можно и за меня. Я такой красивой девушке ни в чем не откажу.

— Приданое у меня скоро появится,—намекнула я.

— Ничего, прокормим! Мишка, пойдешь посаженным отцом? — И заговорщицким шепотком брюнет сообщил мне: — Это у нас Мишка. Вы думаете, Боярский сейчас в Ленинграде или в Москве? У них там фальшивый Боярский, а у нас — настоящий. Мишкой зовем — и откликается!

— Значит, договорились,—объявила я.—Мишка будет посаженным, моя сестричка посаженной — Мишка ведь не женат?

— Не женат,—проворчал вылитый Боярский, и тут я впервые встретила его взгляд.

Во взгляде была ни с чем не сравнимая тоска.

И мое слабое женское сердце не выдержало — замерло.

Я очень кстати вспомнила, что вылитый Боярский — единственный, кому не могла принадлежать зажигалка, он же сидел рядом с дядей.

«Уж не спросить ли у дяди?» — мелькнуло в голове. И я пред-

ставила себе, как во втором часу ночи бужу дядю Вернера, чтобы спросить у него, чья была та зажигалка! Он пошлет меня к чертовой бабушке. А если буду настаивать, скажет — не знаю, не помню, она все время на столе лежала. И будет прав! А принуждать его именем уголовного розыска я не могу — я не Званцев.

— Завтра суббота. В субботу ЗАГС принимает заявления? — деловито спросила я.—С утра заедем за моим паспортом и пойдем запишемся. А потом отметим это событие.

Брюнет с неподдельной заинтересованностью оглядел меня.

— Познакомиться бы не мешало,—заметил он.—Должен же я знать, как зовут мою женушку.

— И я должна знать, как зовут муженька. Сколько у него квадратных метров, тысяч на книжке и «мерседесов»!

— Все перевернулось вверх ногами,—сказал вылитый Боярский.—Раньше мужчины спрашивали про приданое, теперь — женщины.

— А знаешь, Мишка,—странным голосом сказал ему на это брюнет,—она права. Такая женщина за нищего не пойдет. Такая женщина понимает, что в жизни к чему.

— Теперь-то понимаю,—вдохнула я.—С опозданием, а понимаю.

— Значит, любовь подвела,—понял брюнет.—Ну, без любви в молодости нельзя. А когда пройдет эта лихорадка, женщина может оглядеться и выбрать себе настоящего мужчину. Который ей все обеспечит.

— А разве такие еще остались?

— Остались,—заверил меня брюнет.

Мне стало жутковато.

Пора было смываться.

Я не возражала против замужества с приличным человеком. Не принимать предложение от такого, который через час пойдет взламывать музей? Это мне и в шутку показалось кошмарным. Вот разве что вылитый Боярский... Его явно тянут в эту затею за ухо. Его тянут, а он сопротивляется. Наверно, он у них под колпаком.

Может быть, этот взгляд был мольбой о помощи?

— На рыбалку собираетесь? — перевела я разговор на другие рельсы.

— Да, есть такая мысль...

— Меня с собой не возьмете?

— А ваш режим? Разве будущим мамочкам можно по ночам гулять?

— А если не спится? Разве лежать в душной комнате и маяться полезнее, чем гулять по лесу?

— Давайте лучше мы вам с рыбалки свежей рыбки принесем и положим на подоконник. Где ваше окошко?

— Вон! Второе.—И я недогнувшей рукой указала на окно дяди Вернера. Черт его знает, зачем брюнету мое окошко!

— Проснетесь — а вас рыбка ждет,—ворковал брюнет.—Пожмите, позавтракаете. А сейчас взять вас не можем. Женщина всю рыбалку испортит. Примета такая.

Он ворковал, а я ловила взгляд вылитого Боярского. Но он наспулся и только ждал, когда мы с брюнетом распрощаемся.

Я его понимала. Он связался с бандой. Мне, человеку, нечаянно вставшему на страже правопорядка, и то было не по себе. Выручали актерские ухватки Кузины — а его что могло выручить?

Надо было не допустить проникновения этих поганцев в музей. Преступление не состоится — а он опомнится и благополучно выпущается из компании мерзавцев. Ведь он уже и сейчас не рад, а если ему помочь, если не дать ему скатиться? Ведь я же могу спасти его!

Выход я видела один. Парализовать самого главного — того, кто взял на себя «мартовское дело», а теперь должен и «пойти первым». Что это значит, я не знаю, но вряд ли что-нибудь хорошее. И именно он, судя по всему, собирается кому-то передать рукопись. Потому что других этот кто-то просто не знает.

Не может быть, чтобы Борис не столкнулся с ним в подъезде.

Я пожелала жениху ни хвоста ни чешуйки.

— Пожелайте и мне чего-нибудь,—попросил вылитый Боярский.

— А вам я желаю, чтобы сегодня с вами произошло что-нибудь хорошее,—не удержалась я от намека,—что изменит в лучшую сторону вашу жизнь и избавит вас от грозящих неприятностей.

— Вы гадалка? — изумился вылитый Боярский.—Надо мной действительно гроза собирается.

— Если я сказала, значит, так и будет,—обнадежила я его.

— Вот вам за добрые слова.

Целуя мне руку, вжал в ладонь кто-то круглое. Маленький брюнет соскочил в лодку и завел мотор. Мне было неудобно разглядывать подарок, и я терпела, пока лодка с брюнетом и вылитым Боярским не отошла достаточно далеко.

Тогда я поднесла подарок к глазам.

Это была серебряная монета. Достоинством в один лат.

* * *

Проводив «рыболовов» на взлом музея, я двинулась берегом в том же направлении. Прошла, кстати, и мимо Борисовой лестницы. Борис спал и видел сны.

Я размечталась.

Если бы, если бы, если бы пресечь дурацкую затею с рукописью в самом корне! Он так взглянул на меня, когда я сказала о приятном сюрпризе! Потом-то я все ему расскажу, и он всю жизнь будет мне благодарен за то, что этой ночью я вмешалась и спасла его от крупных неприятностей. Маленький брюнет прав — он лучше настоящего Боярского. Может быть, просто тот на экране слишком существует, а в этом — великолепная благородная сдержанность.

И лишь возле самого музея я поняла — а ведь я иду мириться со Званцевым.

Ну и черт с ним. Пусть думает обо мне, что хочет. Тут речь идет о человеческой судьбе. У них там это называется «профилактика правонарушений». И во всех фильмах следователи горят желанием спасти заблудшие души. Вот я и предоставлю Званцеву такой шанс.

В окнах второго этажа опять горел свет. Я уж решила бросить камушек, но тут из-за угла вышел Званцев. Он вел за руль дамский велосипед.

— Это снова вы?

— Это снова я.

— Отправляйтесь домой. Тут теперь не до вас.

— А что случилось?

— Телефонная связь вырубилась. Я еду на плотину. Оттуда свяжусь с городом.

— Разве телефон есть только в музее?

— Она в радиусе километра вырубилась.

— Никуда вы, Званцев, не поедете, пока не выслушаете меня.

— Пропустите, пожалуйста!

— Не пропущу, пока не выслушаете,—тут я вцепилась в велосипедный руль.—Ровно полторы минуты! А если вы после моего сообщения захотите куда-либо ехать — на здоровье.

— От вас так просто не отделаешься,—проворчал Званцев.— Ну, говорите. Я засекаю время.

Я впопыхах изложила ему сватовство маленького брюнета и подслушанный разговор. Уложились в сорок секунд.

— А теперь можете ехать.

Но я знала, что никуда он не поедет.

— Если бы все было так просто! — Званцев даже засопел от «простоты» ситуации.—Поймать одного человека, запереть его до утра в музейном погребе, а потом сдать куда следует... Только поди знай, кого именно отлавливать!

— Не прошло и получаса, как я обещала вам узнать приметы этого человека. И повторяю — мы с вами можем их узнать очень быстро. А сделать это надо, пока моторка, поболтавшись вокруг острова, не причалит возле музея. Когда обе парочки объединятся в четверку, сделать это будет сложнее.

— Тут вы правы.

— Ну так пошли!

— Куда пошли?

— К тому человеку, который знает приметы убийцы!

— Опять вы что-то не то говорите.

— Званцев, я понимаю, что вы мне не верите, но единственный способ что-то узнать — это сейчас поверить мне! Пойдемте. Мы сейчас разбудим одного человека. Он единственный мог видеть преступника...

— И вы все время молчали об этом?

— Да я хотела вам все объяснить, только вы не слушали! Я на

девяносто девять процентов уверена, что он его той ночью видел. Мы его разбудим и зададим один-единственный вопрос. И все выяснится!

— Даже если он был в это время где-то поблизости от подъезда, он мог ничего впотьмах не разглядеть, или не запомнить.

— А вы заметили, Званцев, какие они все разные? Виестур — копченый блондин, явно рыбачит в тропиках. Маленький брюнет в комментариях не пуждается. А у лысого одни бакенбарды чего стоят! Тут даже Борис хоть на что-то обратил бы внимание.

— Предположим...

— Ну так идем!

— Это авантюра. Во-первых, я не уверен, правду ли вы говорите. Откуда мог взяться ночью во дворе или в подъезде еще один человек? Вы же сами говорили, что зажигалку мог взять только преступник. Зачем же противоречить самой себе?

— Если хотите, я расскажу вам, как все было на самом деле, — решительно сказала я, — только идите скорей!

— Почему вы все за меня решаете? — удивился Званцев. — Я и сам знаю, что мне делать!

— А я о вас вовсе не думаю. Я о пользе дела забочусь, — отпарировала я.

— Вот и беседуйте сами с этим мифическим свидетелем!

— А вы, значит, наотрез отказываетесь?

— Наотрез. Я уже сказал — это авантюра, и у меня на нее даже при желании времени нет.

— Хорошо. Я побеседую! Хотя бы ради того, чтобы вам стало стыдно! — пригрозила я. — А где шанс, что я доложу о результатах беседы, а вы мне поверите? Опять скажете, что я горожу бред.

Тут мы со Званцевым устали друг на друга, и я поняла, что нам в голову пришла одна и та же мысль. Но он не решался высказать ее, и ничего удивительного в этом не было. Это была не самая светлая и благородная мысль из тех, что приходят в голову сердитым и спешащим людям. Пришлось говорить мне.

— Вы можете услышать приметы убийцы, и не спрашивая о них свидетеля.

Мысленно я похвалила себя за такую удачную и обтекаемую формулировку.

— Это меня устраивает, — медленно сказал Званцев.

— Ну, пошли?

— Поехали. Вам можно ездить на багажнике?

— Думаю, что можно.

Я села боком, Званцев нажал на педаль. Я ухватилась за него, моля бога, чтобы он не убоился щекотки. Как-то не хотелось с разгона улететь в придорожные кусты, а то и стукнуться в сосну лбом.

До Борисовых хором мы добрались молча, оставили велосипед на дороге и спустились к реке.

Званцев выразил недоумение — ведь на дорогу выходит калитка, зачем же мудрить. Но на берегу он все понял.

— Вам даже не придется прятаться под лестницу, вас прикроет тень от кустов,—дала я последние наставления.—И, что бы вы ни услышали, не смейте вмешиваться!

— Не нравится мне все это,—вовремя сообразил Званцев.— Пока мы тут глупостями занимаемся, они там бог весть что натворят.

— Наконец-то я слышу слова не мальчика, но мужа! — не удержалась я от колкости.—Чем скорее мы туда прибудем, тем меньше времени предоставим им на ихнее бог весть что.

— Ну, давайте...

— Ждите и слушайте внимательно. Заодно убедитесь в том, что я действительно выбрасывала вещи из окна. И не высовывайтесь!

Я пошла вверх по лестнице.

Через несколько минут я должна была увидеть Бориса.

И трудно сказать, что у меня зашевелилось в душе. Привязанность? Да, он умудрился привязать меня к себе, и даже настолько, что мирным путем я от этой привязанности избавиться не смогла. Страх? Если это он, его нужно зажать в себе покрепче. Самолюбие? Все-таки я первая приползаю на поклон, да еще куда — в фамильное логово! Значит, не поленилась, навела справки. Удобнее всего считать это самолюбием. Не совсем правда, но и не вовсе ложь! Рабочая гипотеза. Пусть будет самолюбие.

Я поднялась, нашарила по ту сторону калитки задвижку и стала ее ковырять.

Подбежала собака и залаяла.

Это был крепкий, ухоженный пес. Я осветила его фонариком, и он залаял еще громче.

На лай обязательно должен был выйти кто-то из мужчин, если они только есть в доме. Скорее всего, Борис, как самый молодой. Но вдруг именно сегодня его нет на острове? Бывают же такие идиотские совпадения! Он мог смыться в командировку именно тогда, когда он мне нужен здесь, на острове!

Собаку окликнули по-русски. Это мог быть только Борис.

Я осветила ему путь фонариком, сама оставаясь во мраке.

Когда он подошел к калитке, интересуюсь на ходу, кого там черт несет, я прижалась к заборчику. Поролон расплющился, я обрела прежнюю стройность и бодро отвечала, что черт несет меня.

— Тебя? — жмурясь, спросил Борис.—Что за чушь! Откуда ты тут взялась?

Он был в джинсах и расстегнутой рубашке, прямо из постели, заспанный и теплый. Мне стало не по себе — я же знала его таким, теплым, распахнутым, а сейчас он оставил в постели недовольную жену, которую еще и испугал собачий лай. И ему не терпится вернуться, чтобы успокоить ее.

— Здравствуй,—как можно строже сказала я,—и извини, пожалуйста, за такой поздний визит. Я к тебе по важному делу.

— Ты сошла с ума! Какое может быть дело во втором часу ночи?

— А я думала, что уже третий. Дело, кстати, серьезнее, чем ты думаешь.

— Как ты вообще догадалась сюда явиться? Есть же какие-то приличия!

— Не от хорошей жизни, Боря. И давай не будем ругаться. Чем скорее ты ответишь на несколько моих вопросов, тем скорее мы расстанемся.

— Что за вопросы посреди ночи?

— Боря, если ты сейчас уйдешь, я буду тут шуметь и вопить, пока не вылезет все твоё семейство! Ты меня знаешь — лучше мне под горячую руку не попадаться.

— Да, переполошить людей почему зря из-за каких-нибудь глупостей — это ты сможешь. Ну?

— Боренька, ты извини, пожалуйста, но тебе придется вспомнить один неприятный факт своей биографии.

— Ближе к делу.

— Помнишь, когда я сдуру выбросила в окно твои вещи? Ты побежал за ними — ведь так?

— Ну, побежал, а что мне еще оставалось делать? Ты хочешь сказать, что выбросила что-нибудь свое, а я прихватил?

— Нет, этого я сказать не хочу, и прости меня, пожалуйста, за ту безобразную сцену.

Я подлизывалась, как только могла.

— Да ты что, мириться пришла? Ну, звездочка, нашла место и время!

Борис даже развеселился от этой мысли.

— Скажи, Боренька, когда ты выбегал во двор, ты не встретил мужчину, шедшего через двор от химчистки?

Борис остолбенел.

— Ты хочешь сказать, что пришла сюда узнать про человека из химчистки?

— Да, Боренька. Только за этим. Боря, ты меня не первый день знаешь, ну, скажи сам, разве я не придумала бы более удачный предлог для встречи? Ты мог его видеть не во дворе, а, скорее всего, в подъезде. Ну, представь, что я выбросила что-то свое, а он твоих вещей не тронул, а мои на ходу подобрал.

— И ты только теперь об этом вспомнила?

Борис взгляделся в меня с подозрением.

— А ну, отойди от калитки! — вдруг приказал он.

— Не отойду!

Борис рванул на себя калитку, и я чуть не влетела во двор. Собака опять залаяла.

— Теперь все ясно! — воскликнул он, тыча в меня пальцем.— Вот ты почему явилась!

— Боря, это тут вовсе ни при чем! Боря, ты сперва послушай!

И тут только я сообразила, что схватка проиграна. Борис при виде поролонового пуза впал в такое состояние, что задавать ему вопросы было бесполезно.

— И что же мне прикажешь выслушивать? Что ты решила рожать? — Борис перешел на шипенье, хотя сперва говорил нормальным и даже громковатым голосом.—Это я и сам вижу! Ты не постеснялась выследить меня! Явиться ко мне домой! И чего же ты рассчитывала этим добиться?

— Ты можешь на минутку забыть о моем положении и ответить на мой вопрос? — рывкнула я.

— Ни на какие вопросы я отвечать не буду! — отрубил Борис.— Теперь мне понятно, почему ты меня тогда выставила. Ты знала, что я буду против этого ребенка. И ты очень ловко все рассчитала — появилась тогда, когда уже поздно принимать меры. Но ты промахнулась. Этот ребенок мне совершенно не нужен.

— Да перестань ты пороть чушь! — взмолилась я.—Ты можешь сказать одно-единственное слово? От этого зависит жизнь человека, понимаешь?

— Вот этого?

И длинный, ухоженный, дрожащий перст Бориса потянулся к поролоновой сфере.

— Другого человека, Боря!

— Ну, хватит. Ты напрасно приходила. Раз уж ты на это решилась, то хоть бы гордость свою поберегла. Она тебе еще понадобится. И запомни, что на меня рассчитывать нечего. У меня своя жизнь, у тебя своя.

Я почувствовала, что этим он наш разговор и окончил.

— Не уходи! — вскрикнула я.—Ты не ответил!..

— И не собираюсь отвечать. Ты выпроводила меня в марте? Выпроводила. Тогда между нами все и кончилось.

Тут во мне проснулась наконец злость.

— А скажи, пожалуйста, почему, это так получается: мужчина заваривает кашу, а женщина ее расхлебывает? — глядя ему в глаза, спросила я.—Почему это, когда мужчина пользуется женщиной для разрядки, он не видит дальше собственного носа?

— Почему?

— Ну, почему?

— Ты непременно хочешь услышать правду, почему?

— Да, хочу.

Мы с двух сторон вцепились в калитку и глядели друг на друга, как дикие коты перед прыжком.

— А потому, что женщина, которая связывается с женатым мужчиной, должна знать свое место. И если тебя не устраивает, что ты для разрядки, то ищи себе кого попроще.

И тут я, впервые за все время нашего знакомства, отвесила Борису здоровенную оплеуху.

Он шархнул.

Я быстро-быстро сбежала вниз.

Из кустов ко мне протянул руки Званцев, но я пробежала мимо, погасила фонарик и растаяла в темноте.

* * *

Меньше всего на свете мне хотелось сейчас общаться со Званцевым. Ничего я не узнала и — более того — собиралась расплакаться...

Вот, значит, о чем так деликатно молчал Борис во время наших встреч!

Но, если вдуматься, разве я не догадывалась об этом?

Все держалось на взаимном молчании.

Кузина была права — надо было просто продемонстрировать этому трусу себя издали, не вступая в контакты. Пусть бы дрожал весь остаток лета, ожидая неприятностей! А теперь, после оплеухи, он поймет, что никуда и ни к кому я жаловаться не пойду. И доволен, трус несчастный...

Званцев бежал за мной по берегу, громко топая. Я взобралась по откосу, глубоко загоняя в песок острые каблучки, и нырнула в лес. У Званцева так ловко не получилось. Он скользил и съезжал. Но и он вскарабкался, и я слышала, как он пробежал мимо меня, не разглядев за кустами.

Я побрела к дядиной усадьбе.

Все рухнуло.

Званцев опять пронесся мимо, ведя за руль велосипед, но уже в другом направлении. Я меланхолично удивилась, почему он не пробует меня позвать. И изумилась — ведь он не знает, как меня зовут! И фамилии не знает. Вообще ничего не знает. И адрес, скорее всего, позабыл. Он ведь в то утро обошел целый квартал, куда ему всех запомнить!

Так что я могла присесть на поваленном дереве и разобраться во всех событиях.

На душе было пасмурно.

И пожаловаться было некому.

Хотелось оказаться дома до начала всех этих безумных происшествий. Хотелось сидеть в девичьей со свитером на коленях и слушать воркование бабки Межабеле.

— Страшно или больно..—вдруг забормотал знакомый старческий голосок,—...своею охотою или неволью... слово «довольно»...

И я все вспомнила.

Горячий и влажный пар ударил в ладонь. Я терпела, крепилась, и, наконец, поняла, что — довольно. А бабка подхватила это слово и забормотала, заприорочила... старая ведьма! И ведь наколдовала же!

Умом я понимала, что бабкины заговоры не надо принимать всерьез. А на деле получалось, что я протосковала всю весну, а стоило мне пожаловаться бабке, повздыхать о бурной и лихой жизни, выпить отвар — как все в тот же миг и началось.

Из этого следовало, что если я скажу сейчас «довольно!», то все и прекратится.

Я, правда, не представляла себе, как именно оно прекратится. Раздастся свист ветра в ушах, и я перенесусь к себе домой, что ли? Такой фокус был бы сложноват для вредной бабки.

Или просто внутри меня исчезнет все, и боль, и раздражение, и злость, и сумятица? И я пойду в усадьбу совершенно спокойная, лягу и засну сном праведницы?

Это было больше похоже на истину.

Я хотела каких-то очищающих душу событий — я их получила! А если я одним словом зачеркну их — то в душу вернется та полуправда, полун надежда, полублагополучие, полуконфорт, от которых я не знала, как избавиться? Так, что ли?

И я поняла, что сдаваться рановато. Ведь тогда не будет и пощечины, которую Борис заслужил на все сто. И, если я пойду теперь спать сном праведницы, кто поможет растяпе Званцеву? А вылитому Боярскому?

Я как будто выбиралась со дна оврага. И единственное, о чем я сейчас действительно пожалела, было — поролон в купальнике. Всего лишь поролон — а могло быть мое, живое, ведущее со мной разговор на языке нежных прикосновений, моя светловолосая дочка, теперь уже все понимающая, и рядом с радостью ощутить ее никакое оскорбленное самолюбие долго бы не продержалось. Это была бы моя защита против всего на свете, моя главная в жизни гордость, и если бы я действительно ощущала ее присутствие, я бы не так ответила Борису, я бы такие слова нашла, что он от стыда не знал бы, куда деваться! Я не смогла постоять за кусок поролона, но за свое, родное, светленькое, я бы его в порошок стерла — одним словом, одним взглядом!

Не знаю, сколько я просидела там, когда меня нашел Званцев. Он прислонил велосипед и сел рядом.

— Весь лес обежал,—признался он.

Я молчала.

— Как вы себя чувствуете? Разве вам можно так быстро бегать?

— Нельзя,—соврала я и отметила с удивлением, что опять вру ему. Это был какой-то заколдованный человек — я никак не могла сказать ему правду, а если пыталась, то получалась какая-то чушь.

— Ну вот, а вы бегаєте... И еще по лестнице! А если бы, не дай бог, споткнулись?

— К сожалению, я ничего не узнала,—сухо доложила я.— Так что зря вас побеспокоила. Извините.

— Это вы извините. Я теперь все понял.

— Очень за вас рада.

Званцев поерзал на бугристом стволе.

— Об одном жалею,—вдруг сказал он.—Пока я внизу ушами хлопал, его сверху позвали.

— А при чем тут вы?

— Да вот хотелось сказать ему пару слов..

— Вот когда не надо, у вас активности хоть отбавляй,—печально сказала я,—а когда надо, вы под лестницей ушами хлопаете. Вот поднялись бы и спросили его о том человеке. У вас же при себе удостоверение?

— Я же вам говорю — его женщина позвала.

— А как позвала?

— Откуда я знаю! Она по-латышски говорила.

Я хотела спросить, старая женщина или молодая, и вдруг запретила себе спрашивать. Меня это больше не касается. Но все-таки слишком много всего произошло в последние часы. И я должна была взорваться и выговориться.

— Почему, ну почему в жизни такая ерунда получается? — горячо заговорила я, глядя мимо Званцева в глубину леса.— Пока врешь — тебе хорошо! Перестаешь врать — все хорошее кончается! Ведь мне же было с ним хорошо! Пока притворяешься перед самой собой — все прекрасно! Вот говоришь себе, что ты ничуть не хуже его жены, и даже лучше — моложе, стройнее, обаятельнее, умнее наконец! Разве меня можно назвать декоративной женщиной? Уж я-то не элемент фамильного интерьера! А она тем не менее продолжает быть его женой, и он с ней не расстанется, потому что у нее папочка большая шишка. Может, мне тоже в декоративные пойти? А?

Званцев ошалело развел руками.

— Мне разве много надо?—проникновенно обратилась я к велосипеду.—Я ведь не гений какой-то, способности у меня ограниченные, переворотов в науке делать не собираюсь. Занимаюсь интересным делом — и все тут. Восемь часов в день ему отдаю — и хватит с него. А остальные шестнадцать? Хочу, чтобы рядом был хороший человек, чтобы друзья в гости приходили, чтобы ребенок родился! Это разве много? Нет, нормальное количество счастья для одной женщины. Нормальное! И где же оно у меня?

Званцев положил мне руку на плечо.

Я недоуменно посмотрела на него.

— Это был фазан,—неожиданно сказал Званцев.

* * *

— Это был индюк! — строптиво возразила я.

— Фазан.

— Индюк! Фазанов всех перестреляли и съели — получилось по три тридцать за кило. Недорого. На острове Долес проживали дешевые фазаны. А остались одни индюки. Ладно. Идите лучше к

музею. Сорвалась наша затея, но что-то же делать надо! Тут вы только время зря тратите.

— А как же вы?

— Домой пойду,—объявила я, хотя идти домой мне уже не хотелось. — Спокойной ночи.

Мне было неловко за свой монолог, в котором он ровно ничего не понял.

— Погодите! Скажите мне только одну вещь — этот, на лестнице, действительно кого-то видел?

— Ну его к черту, этого, на лестнице! — буркнула я.—Откуда я знаю? По моим соображениям, должен был видеть. А поскольку вы моим соображениям не верите...

— Верю! — мрачно и сурово объявил Званцев.

— Вовремя...—вздохнула я.

— Откуда же я знал, что у вас все так сложно?

— А у кого же в наше время не сложно? У вас, что ли, в жизни полная гармония?

— Какая там гармония... Вы стихи когда-нибудь писали?

Я остолбенела.

— Не писали? Ну вот, когда пишешь стихи, тогда и есть гармония, а ты ее только на строчки переводишь. А если стихов писать не хочется, значит, и гармонии в жизни нет.

Званцев, пишущий стихи,—это было настолько неожиданно, что я не знала, что и сказать. И, поскольку ответа он все-таки ждал, ответила универсально:

— Ага...

— Пошли,—сказал тогда Званцев.

— Куда?

— В музей.

— Не хочу я ни в какой музей,—решительно объявила я.—Хватит с меня музея. Я и так все запутала. Идите сами. А я домой пойду.

— И что же вы будете делать дома?

— Спать!

— Сомневаюсь. Ну, пошли, пошли! Времени-то у нас мало! Как вы сказали — у них через час что-то намечается? Ну, так времени-то уже и нет! Выведем велосипед на дорожку, я вас на багажник возьму, р-раз — и мы в музей.

— Вам без меня там хлопот мало?

— Какие же с вами хлопоты? Вы женщина самостоятельная. Поможете Аусме Карловне, Ингуне...

— Чем это я им помогу среди ночи?

— Своим присутствием! Ну, едем, едем, это же тут рядом!

Званцев врал. Уж он-то знал, какая от меня может быть польза — опять втраплюсь в какую-нибудь глупость.. Но ничего с ним поделывать я не могла. Он не хотел оставлять меня одну. Я заикнулась насчет режима — и он сразу же поклялся, что чуть меня потя-

нет в сон — в музее сообразят королевское ложе, да еще на каком-нибудь историческом диване.

Он, как маленького ребенка, извлекал меня из леса и из необходимого сейчас одиночества. Мне надо было так много обдумать, так много решить, а он тащил меня за собой и не слушал возражений. Пришлось поехать.

В чем-то он был прав — от езды я взбодрилась и вернулась мыслями ко всей истории с рукописью алхимика и вылитым Боярским. Мне стало стыдно — как я могла о нем забыть? Пока я копалась в своих мелких дрызгах, человека втягивают в крупную неприятность.

Мы нарочно ехали не лесной дорогой, а той, что над берегом. Ночь была тиха. Никакой моторки мы не слышали.

Возле музея мы встретили Аусму Карловну. Она сделала то же, что и всякая нормальная женщина на ее месте,—вооружилась охотничьим ружьем деда, сломанным в одна тысяча девятьсот пятьдесят третьем году. И у нее, как у всякой женщины, хватило разума попросить Званцева поковыряться в этой штуковине — вдруг ее удастся побыстренько наладить?

Званцев вспомнил, что в экспозиции, кажется, была аркебуза пятнадцатого века, и посоветовал выдать ее Ингуне — проку будет ровно столько же. Аусма Карловна долго вглядывалась в его надутое лицо, но, не дождавшись ни проблеска улыбки, заспешила в музей — не иначе, вынимать из витрины аркебузу.

Званцев расхохотался. Он старался делать это потише, но все равно — смех в нем кипел и булькал. И этот смех оказался заразительным. Я не выдержала — заулыбалась.

— Идите за ней скорее,—сказал Званцев,—а то она всю экспозицию разорит. И не оставляйте ее — видите, в панике женщина! Идите, идите и обо мне не беспокойтесь. Я минут через двадцать появлюсь. Надо кое-что проверить.

Я вошла в музей.

Аусма Карловна стояла в раздумьях перед витриной.

Всю историческую экспозицию на время выставки кожаной пластики убрали из главного зала. Я первым делом побежала взглянуть на рукопись алхимика. Но, сколько я ни вглядывалась в переплеты тех немногих книг, что имелись в экспозиции, алхимика я не обнаружила.

Зато обнаружила другое — Аусма Карловна с подозрением за мной наблюдала.

— А где этот... Герберт Аврилакский? — спросила я.

— Я его домой отнесла.

Тут выяснилось — Званцев предупредил ее, какому именно экспонату грозит беда, и Аусма Карловна, увидев в его отсутствие двух подозрительных типов, слонявшихся в темноте вокруг музея, вернула алхимика в газетку и унесла к себе наверх, в свою квартиру.

Там он и лежит, пока мы бродим по залу и создаем видимость огромного населения.

— Люди подумают — нечистая сила в музее завелась,—грустно пошутила Аусма Карловна.—Свет во всех окнах, суета... Я говорила Званцеву, что не надо было никуда уезжать. Ну, доедет он до плотины, позвонит куда надо, а мы-то тут в это время одни. Лучше бы он был с нами.

Вошла Ингуна — молодая, коротко стриженная и в огромных очках.

— Надо запереться и ждать Олега,—сказала она.

— Какого Олега? — насторожилась я.

— Ну, Званцева.

— Вы его, наверно, уже давно знаете?

— Два года. Да, тогда летом я с ним и познакомилась,— сказала Аусма Карловна.—Он к невесте приезжал.

Званцевская биография меня совершенно не интересовала.

— Надо пойти позвать соседей,—предложила я.—Живут же здесь поблизости какие-нибудь мужчины! Пусть побудут с нами.

— А я как раз за этим и ходила! — сообщила Ингуна.—Хорошо, в первом же доме хозяин не спал.

— Что же ты молчала? Когда он придет? — обрадовалась Аусма Карловна.—Я вижу, тыходишь молча, ну, думаю, побоялась девчонка далеко от музея отойти!

— Чего же мне бояться? Я тут все тропинки знаю. Он там музыку с радио на магнитофон записывал. Я ему сказала, что у нас подозрительные люди вокруг бродят, он обещал — вот запись кончит и подойдет.

На душе у меня стало легче.

Все возможное для того, чтобы преступление не состоялось, делается. Коллеги вылитого Боярского уйдут ни с чем. И он выкрутится. Назначенный ими час уже прошел, но они ничего сделать не сумеют! Ни фиги! Ни черта!

Вздохнув с облегчением, я решила дожидаться здесь Званцева, поблагодарить его за наивную мужскую педагогику и отправляться домой.

В это время на крыльце раздались шаги.

— Эй, хозяйка! — позвал знакомый мужской голос.—Впустите сторожа! Ну, чего вы там испугались?

Я перебежала в маленький зал и оттуда, таясь, выглянула в вестибюль.

Ингуна и Аусма Карловна радостно впустили гостя.

Это был Виестур.

* * *

Я пулей вылетела из музея.

Сама не знаю, как мне это удалось. Каблуки не стукнули, а на то, чтобы выскочить в еще открытую дверь, хватило таких ничтож-

ных долей секунды, что я удивлялась собственной скорости еще добрых пять минут.

Они не заметили меня, но могли начать разыскивать. Пусть ищут! Все лучше, чем встретиться ночью в музее лицом к лицу с Виестуром. Он бы сразу понял, кто поднял весь этот шум.

Конечно, Аусма Карловна ему доложит, что Званцев привез на велосипеде какую-то подозрительную особу в интересном положении, а особа возьми и смойся! Но мало ли на острове беременных?

Теперь главное было — найти Званцева.

Я бы побежала ему навстречу, но совершенно не знала, с какой стороны плотина.

Вот если бы явился маленький брюнет — он бы сразу сообразил, о ком речь, потому что знает, какую это будущую мамочку этой ночью мучит бессоница. Бр-р!

А кстати, где он? И где вылитый Боярский?

Я вспомнила про моторку.

Званцев был далеко. Посоветоваться не с кем. И нетрудно догадаться, что сейчас происходит в музее. Аусма Карловна с гордостью рассказывает Виестуру, как она ловко спрятала рукопись алхимика.

— И, наверно, под подушку, в самое надежное место? — спросит Виестур.

— Нет, в комод, между постельным бельем, там как раз за пододеяльниками было пустое место, — скорее всего, ответит Аусма Карловна. Потом Виестуру не понравится шорох в кустах, он выйдет, через минуту вернется, успокоит женщин и досидит с ними до приезда Званцева. А еще через полчаса из квартирки Аусмы Карловны раздастся вопль — все разворочено, рукопись пропала!

Могу я этому помешать?

Нет, не могу...

Если я столкнусь возле музея с кем-нибудь из четверки, это мне может выйти боком.

В музее расхохотались. Не иначе, женщина хвасталась своей хитростью, а Виестур ее одобрял.

Надо что-то делать.

Страшно, а надо.

Есть одно заколдованное словечко, которое я должна произнести как раз в том случае, когда мне станет страшно. Страх растает, все мне станет безразлично, и я отправлюсь домой спать. При этом по дороге ни с кем не столкнусь и угрызений совести из-за поломанной судьбы вылитого Боярского у меня не будет.

Интересно, кто ждет сегодня ночью эту окаянную рукопись? И где? Этот человек, судя по всему, в Риге. О машине четверка не позаботилась. Судя по всему, у них вся надежда на моторку. А если с моторкой что-нибудь случится... Они найдут другую!

Пешком в Саласпилс они не пойдут. Так они до Риги только в седьмом часу утра доберутся. Да и в Ригу ли им надо? Что там

Званцев говорил насчет порта? А я, кажется, еще и Болдераю приплела?

Но пайти среди ночи другую моторку — это тоже времени требует. А кстати, у нее в баке может и бензина не оказаться! Ведь и тот бензин, который они залили в моторку теперь, они не так просто достали, а было всего лишь около полуночи. Кто же станет в три часа ночи слоняться по усадьбам, будить хозяев и кланяться бензину? Круглый идиот!

Я пошла к реке.

Званцева явно недоставало.

Он уехал всего минут десять назад. О господи, когда же он появится?

Моторка стояла у мостков. Вылитый Боярский и маленький брюнет сидели в ней.

Я испугалась — ведь они тут могли дожидаться Виестура или лысого. Тогда тот из них, кого знает загадочный клиент, сядет в моторку и понесется на randevу. В порт? Конечно, Званцев, приехав и узнав, что произошло, найдет способ связаться с портом. Но ведь они могут везти рукопись и груз серебряных латов и в другое место. А могут — и в два разных места! Черт бы побрал Званцева вместе с плотиной!

Интересно, подумала я, а вот если бы черт действительно побрал плотину, что бы получилось? Потоп, скорее всего, водохранилище-то не маленькое. Привязанные к мосткам лодки оказались бы под водой, а главное — сюда немедленно помчались бы катера и вертолеты. Жаль, черта взять негде...

Видимо, неуместная инициатива Ингуны нарушила планы моих контрабандистов. И в тот момент, когда я обдумывала очередной нелепый план — броситься в воду и заорать «Тону-у-у!» — они, видимо, решили пойти и разобраться, куда девались Виестур и лысый. Не могли же они, сидя в лодке, додуматься, что Виестура призвали оберегать рукопись и музейных работников от него же самого!

Они захлестнули цепь вокруг какого-то торчка и пошли к музею. Я привычно затаилась в кустах, чтобы услышать что-нибудь свеженькое, и услышала. Такое я за двадцать пять лет жизни слышала впервые. И у меня не было особого желания еще раз слушать такие формулировки.

Дождавшись, пока они поднялись на берег, причем брюнет, жених мой ненаглядный, шел впереди, а вылитый Боярский тащился сзади, я выбежала на мостки и отмотала цепь. Лодка сдвинулась с места, покачалась и замерла. Вот это был сюрприз!

Даже если се кое-как и унесет метра на три, пока они там будут разбираться с музеем, толку от этого — чуть. Ну, снимет кто-нибудь один штаны и проплывет эти три метра, да еще ругнут за растяпство вылитого Боярского — цепь закрепить не умеет!

Значит, выход был один. Один был выход.. Не зря же я сегодня весь день мечтала выкупаться. Вот и домечталась.

На берегу не было ни души.

Я разделась. Стянула купальник вместе с пузом. И вошла в темную воду.

Вдоль берега шла полоса тины и водорослей. Я пробилась сквозь нее, провалилась по грудь и поплыла к лодке.

Надо было, по крайней мере, дотолкать ее до середины протоки. Там течение, наверное, все-таки чувствовалось. А еще лучше — отконвоировать к курземскому берегу и загнать куда-нибудь в камыши. То-то удивятся местные рыболовы, когда найдут на рассвете моторку с грузом серебряных латов!

Я добралась до течения и тут на берегу услышала подозрительный шум. Выглянув из-за лодки, я увидела, как какая-то фигура, только что с треском вывалившаяся на берег из кустов, выволакивает какой-то агрегат. Когда фигура взяла агрегат поудобнее, я узнала в нем дамский велосипед. А когда она сделала несколько шагов, я узнала в фигуре Званцева.

Значит, ни на какую плотину он не поехал, а сделал небольшой круг и направился... К Борису, что ли?

То, что он захочет сам поговорить с Борисом, я могла предвидеть. И то, что он мне про этот замысел ни слова не скажет, я могла бы почувствовать! Все было логично — у Званцева удостоверение, поди ему не ответь на вопросы!

Видимо, Званцев не опознал бы Борисовой усадьбы со стороны леса, иначе зачем бы ему кувыркаться по обрыву с велосипедом? У него была единственная примета — лестница. Лестницу эту я отлично видела, и, прикрываясь лодкой, поплыла к ней. Сорвавшаяся с цепи лодка — что может быть естественней?

Конечно, о вылезании на берег не могло быть и речи. Слишком много радости Борису доставило бы отсутствие пуза, не говоря уже о соображениях высокой нравственности. Купальник-то мой остался в кустах! А лезть в нем в воду было бы самоубийством — набрякнув, он бы меня сразу на дно уволок!

Течение наконец основательно подхватило лодку. Толкнув ее на прощание посильнее, я поплыла к полосе тины и там остановилась.

Тем временем и Званцев поднялся на лестницу, и пес отлаял свое, и, судя по всему, Борис уже шел к калитке. Я подождала — голосов слышно не было, коренастый силуэт Званцева заслонил калитку, и тонкий гибкий Борис просто мог потеряться за ним во мраке. А тут еще приходилось присматривать за моторкой — движется ли она, проклятая, или выбилась из течения и опять стоит в мертвом дрейфе — вот завтра при всех спрошу Кузину, есть ли на свете такой термин или я сама его только что выдумала?

Отворачиваться и вычислять ход моторки мне не следовало.

Когда я опять повернулась к лестнице, по ней кубарем катился человек. Долетев до каменного пятачка вниз, он сделал попытку

удержаться, но не сумел и сидя въехал в воду, прямо в тину.

Второй развалисто спускался по лестнице.

Я разинула рот и ощутила полное отсутствие голосовых связок. Все было, и язык, и зубы, а их не было.

— Да что у вас, нервы шалят? — спросил, спустившись, Званцев.

— Шел бы ты к черту! — отвечал Борис, на четвереньках выбираясь из тины.

Званцев невозмутимо убрал протянутую было руку и стал молча наблюдать, как Борис, богато декорированный клочьями тины и прочим прибрежным мусором, поднимается на ноги. Уж теперь-то мой экс-избранник составлял полный комплект со своей декоративной женщиной! Наблюдая, Званцев, естественно, умеренно покачивался.

И я, кажется, поняла, что произошло.

Званцев не стал бы колотить Бориса — даже если очень хотел бы. В другое время и в другом месте, разве что, но не во время дачи свидетельских показаний! Он задавал вопросы и покачивался. Но и ежу ясно, что если, вот таким манером качнувшись, Званцев выбросит вперед свой увесистый кулак, то лучше под этот кулак не попадаться. Я-то знала, что для Званцева качка была естественным состоянием, но Борис-то его видел впервые. А вопросы были связаны со мной, и вряд ли Званцев позаботился о деликатности формулировок и нежности интонаций. Борис, скорее всего, просто с перепугу неудачно шарахнулся.

— Если вам так больше нравится, я могу прийти к вам на работу, — сказал Званцев, — или прислать повестку домой. Последнее меня лично больше устраивает. Но мне кажется, в ваших интересах не усложнять ситуацию.

— Знал бы ты ее, эту ситуацию...—проворчал красавец Борис.

Вид его доставлял мне истинное наслаждение. Что все-таки значат для мужика новенькие джинсы и фирменная рубашка с иголочки! Тощая фигура, обляпанная грязью, была той же самой фигурой, которая пленила меня в отглаженных тряпочках. И я радостно констатировала, что увлечение тряпочками — это так по-женски, а нет тряпочек — и никакого интереса ты, голубчик, не представляешь. Конечно, все было не так, совсем не так, но в эту минуту этой ночи — именно так, потому что так мне нравилось.

— Я бы предпочел форму обращения на «вы»,—покачиваясь, заявил Званцев.

— Когда неизвестно кто вламывается ночью в порядочный дом, будит хозяев...—начал Борис.

— Должно быть, вы не разглядели, что написано в моем служебном удостоверении.—На этот раз Званцев просто великолепно орудовал своими омерзительными бюрократическими формулировками! — В таких сложных случаях, как сегодняшний, я имею право опрашивать свидетелей в любое время суток. Более того — если бы вы сейчас понадобились в другом конце города для опознания тела

или преступника, я имел бы полное право посадить вас в машину, отвезти туда, задать необходимые по ходу следствия вопросы и привезти обратно, независимо от времени суток.

— Это почему еще?

— Повторяю — потому что вы свидетель. Притом свидетель убийства. Всякий порядочный человек в таком случае делает все, от него зависящее, чтобы преступник был как можно скорее обезврежен.

— Я думал, что свидетельские показания даются добровольно,—не унимался Борис,—и не в третьем часу ночи.

— Ваши часы отстают,—заметил Званцев.—И вы правильно заметили: порядочность — дело добровольное. Нельзя заставить человека быть порядочным. Надеюсь, мы к этой теме больше возвращаться не будем.

Я подумала — а ведь свались Званцев в тину, он бы выглядел, как вставший на дыбы мишка в свалывшейся шерсти, не больше, а не как потрепанное огородное пугало.

— Итак, вопрос первый. Действительно ли вы провели часть ночи с 15 на 16 марта в гостях у вашей знакомой...

— Если вы имеете в виду ту ночь, когда...

— Вот именно.

— Провел. Что дальше?

— Напоминать всех событий я вам не стану, но факт подбирания вещей под окном имел место?

— Имел! Ну?

Я покатывалась со смеху, благословляя занудство Званцева.

— А разговор с вашей знакомой о подобранных вещах имел место? Я подчеркиваю — разговор о вещах, а не о ваших с ней отношениях?

— Нет, такого разговора не было.

Быстрый, сообразительный, непоседливый Борис не выносил зануд. Но против этого конкретного зануды он ничего поделать не мог — зануда был при удостоверении.

— Все ли вещи вы подобрали?

— Решительно все! Ну?

— Среди них была импортная зажигалка, подаренная вам вашей знакомой. Вы и ее подобрали?

— Сунул в карман дубленки. Ну?

Я чуть не пошла на дно. Это как же так — в карман дубленки? У него что — карманы дырявые?!

— Но сейчас у вас этой зажигалки, насколько мне известно, нет. Вы не можете сказать, куда она делась?

— Могу. Я только не могу понять, как можно вытаскивать человека ночью из постели ради зажигалки!

— А если зажигалка была найдена на трупе? — хладнокровно поинтересовался Званцев.

Борис попятился.

— Моя зажигалка?
— Кому вы ее дали?
— Одному моряку, вернее, он раньше в море ходил... Живет здесь, на острове. Она же одноразовая была и уже кончалась, а он сказал, что переделает ее на многоразовую!

— Значит, подаренную вам вашей знакомой зажигалку вы отдали бывшему моряку по имени...

— Виестур Янсон!

— Очень хорошо. Теперь кое-что проясняется,—загадочно сказал Званцев.—Но это еще не все. Когда вы, находясь во втором часу ночи в гостях у вашей знакомой, выбегали во двор, вы дважды прошли через подъезд. Так?

— Ну, прошел.

— Не заметили ли вы в подъезде чего-нибудь странного?

— Мне было не до того, чтобы по сторонам глазеть.

— Почему?

— На мне под дубленкой только брюки были, ну и сапоги на ногах. А ночь была холодная.

— Тем не менее вы могли столкнуться с человеком, пробежавшим сквозь подъезд в сторону улицы.

— С человеком столкнулся, это было. А ничего подозрительного не заметил. Это я скорее был подозрительным — с кучей вещей в охапке.

— Это был мужчина или женщина?

— Мужик. Я еще изумился — вылитый Боярский.

— Очень хорошо,—ровным голосом сказал на это Званцев.— Вот и недостающее звено появилось.

Меня так возмутило обращение Бориса с моим подарком, что слух у меня временно отключился. То, что говорили Борис и Званцев, записывалось на какой-то внутренний магнитофон, но не воспринималось совершенно. Я от сердца открываю французский брасматик — а он сплавляет мою зажигалку Виестуру!

— Вы можете быть свободны,—продолжал Званцев.—Считайте, что сделали этой ночью полезное дело. И дайте, пожалуйста, свой рабочий телефон. Надо оформить ваши показания в письменном виде. Думаю, что лучше будет позвонить вам и договориться о встрече, чем слать повестку на дом.

— Да уж конечно! — согласился Борис.— Мне дома для полного счастья только вашей повестки не доставало.

Я между тем взяла себя в руки. Ну не стала окаянная зажигалка вещественным доказательством — тем лучше! Отнесу ее Светке и потребую остатки брасматика. И плевать я хотела на Бориса! Ведь поставила же я на нем точку? Еще тогда поставила! Так что же я сейчас расстраиваюсь! Не до того сейчас, не до того! Ведь пока я мокну в тине на манер аллигатора, мой женишок, Виестур, лысый и вылитый Боярский...

И магнитофонная лента в моей голове стремительно прокрутилась задом наперед! Я зажала рот рукой и возвела глаза к небу, словно ища у доброго боженьки помощи и поддержки!

Боженьки я на небе не обнаружила, зато зацепилась взглядом за кое-что почище. Наверху лестницы молча стояло привидение. Обыкновенное белое и туманное привидение. Рука сама опустилась. Я громко ахнула.

Мужчины усталились на реку. Я сразу же с головой ушла в воду, но дыхания не хватило. Я вынырнула, цапнула побольше воздуха и опять нырнула, выгребая под водой прочь от берега. Когда я вынырнула во второй раз и взглянула, что там делается на берегу, то увидела такую картину.

Борис стоял столбом. Привидение медленно и, надо думать, бесшумно спускалось по лестнице. Званцев торопливо стягивал брюки. Рубашку он уже содрал с себя.

— Если из-за тебя, мерзавца, с ней хоть что-то случится, я тебя на том свете достану! — пообещал он Борису и в два прыжка достиг глубины.

Я поплыла к музею. Он — за мной. А плавал он здорово, и против течения шел куда быстрее меня.

— Ложитесь на спину, — приказал он, догнав, — я отбуксирую вас к берегу!

Легко сказать — ложитесь на спину! Этого я сделать никак не могла!

— Не лягу! Мне нельзя! — отгребая подальше, ответила я.

— Тогда плывем к берегу. Я вас подстрахую.

— Не поплыву!

— Я вас сейчас силой на берег вытащу!

— Не вытащите!

— Вытащу! Еще не хватало, чтобы вы из-за какого-то, черт бы его побрал, чтобы вы из-за него, чтобы вы такое задумали!

Наверно, Званцев забыл сгоряча слово «утопиться». Но подталкивать меня к берегу он не забывал. Сориентировавшись по мосткам, я попробовала поискать ногой дно — и нашла его. Вода была мне как раз по шею. Встал и Званцев. Сейчас, когда на мне не было каблукастых босоножек, я поняла, что он высокий.

— Если вы решили, что я из-за этого врунишки и труса вздумала утопиться, то я могу только поздравить ваше начальство с таким пронизательным и сообразительным работником! — съязвила я. — Вы когда-нибудь видели, чтобы утопленницы так плавали?

— Откуда я знал, что вы рванете против течения? Когда женщина в вашем положении ночью барахтается в воде...

— ...это может значить только одно: что днем ей как-то неловко всенародно демонстрировать свое пузо на пляже.

Званцев не нашел, что ответить.

— Все равно это странно,—сказал он наконец,—и я не успокоюсь, пока не увижу вас на берегу.

— А раз так,—объявила я,—то на берег мне совершенно не хочется! Буду сидеть в воде и размышлять о бренности всего земного.

— Ну, и я буду сидеть вместе с вами,—решил Званцев.

— А музей?

— Точно!—И он так качнулся ко мне, что я поняла: сей секунд он меня подхватит на руки — и увидит во всей красе!

— Ай! Не смейте! — взвизгнула я.—Если вы ко мне притронетесь, я вас укушу!

— Думаете, меня ни разу не кусали?

— Мало кусали. Ай! Не подходите ко мне, говорю! А то я действительно утоплюсь!

— Да вы что, с ума сошли?

Я метнулась на глубину, он — за мной. И он действительно схватил меня на руки — там, где вода уже доставала ему до ключиц.

— Ну? Добились? — зловеще спросила я.—Чувствуете?

— Чувствую...—Но отпускать меня он не собирался.

— Вот...—сказала я.—А теперь пустите.

— Простите меня, пожалуйста.

— Чего уж там! Между прочим, я вас об этом предупреждала.

— Когда?

— Еще тогда, на дороге.

— Ей-богу, не помню.

— Зато я помню. Я вас этим — ничего, не шокировала?

— Да нет, не шокировали. У вас, женщин, есть такое маленькое хобби.

Я лишилась дара речи — ничего себе маленькое хобби! Было такое хобби в тринадцатом веке, когда навешивали искусственное пузо под названием «вульстенрок», когда беременность считалась модной, но ведь на дворе-то двадцатый!

— И вы что же — действительно принимаете это как должное?

— Вполне. Я просто знаю, что девчонки любят ночью залезать в воду без купальников. А вам, наверно, на свою фигуру теперь купальник не подобрать.

Я вздохнула с облегчением — он почувствовал всего лишь отсутствие купальника! Ура! Ура Званцеву — растяпе номер раз!

— Теперь вы понимаете, почему я не могу при вас выйти на берег? — задушевно спросила я.

— Разумеется.

— Ну так пустите меня, а сами плывите скорее за своими штанами, если только Борис их из мести не утопил. И немедленно возвращайтесь! Я вам такое расскажу!

— Я провожу вас и добегу до лестницы бегом.

— Идет. Только чур не подглядывать!

— За кого же вы меня принимаете?

Мы поплыли в сторону музея.

— Ничего себе ночка,—сказала я.

— Ночка увлекательная. Лишь бы это все не повредило...

— Кому?

— Ему.

— Борису?

— Никак у вас из головы не выйдет этот Борис! — рассердился Званцев.—Ну, ему... Тому, кто у вас будет.

— У меня теперь не скоро кто-нибудь будет,—взяв курс на берег, кисло ответила я.—Должно пройти много времени...

— Я ребенка имел в виду,—догнав меня и встав на дно, тихо объяснил Званцев.

— Это конечно... Ради ребенка — само собой...—опустив глаза, пробормотала я: Стыдно стало до невозможности.

Мы опять стояли в воде и глядели друг на друга, вот только встречаться с его взглядом я не хотела, не могла!

— Скажите, есть ли у вас... ну, близкие люди, что ли? Которые помогут, когда он появится? Ну, родители? Хорошие подруги?

Я представила Кузину над корытом с пеленками. И услышала ее гневный монолог о загубленном маникюре...

— Родители в Даугавпилсе живут. Наверно, на это время к ним уеду. Ну, родственники.

— Которые островитяне?

— Нет, на этих надежды мало. Разве что летом с малышом здесь пожить.

— Вам трудно придется,—уверенно сказал Званцев.—Я помогал сестре племянницу нянчить — знаю, что это такое. Пеленок этих перестирал — сперва по два ведра в день, потом по ведру.

— Она что, тоже одна рожала?

— Они потом поженились. Ну, я побежал. Я оборачиваться не буду, так что вы можете сразу выходить. Я не буду смотреть на берег. Но он так и торчал в воде, что-то соображая.

— Вы еще что-то хотите сказать?

— Да. Я хочу заменить вашему ребенку отца.

— Званцев?!

Он опустил глаза, а я со скрипом осмысляла это неожиданное предложение.

— Вы ведь даже не знаете, как меня зовут!

— Это нетрудно узнать.

— Спасибо вам большое, Званцев,—как можно мягче сказала я.—Вы очень хороший человек... и я даже готова поверить, что вы сделали это предложение обдуманно и вполне серьезно, но... Скажите — если бы я не ожидала ребенка, а события этой ночи развивались так, как они развивались... Ну, было бы все, за исключе-

нием этого будущего ребенка... Вы бы позвали меня замуж? Только честно! Позвали бы?

— Нет.

— Значит, я поймала вас на неловкой попытке благотворительности,—грустно сказала я.—Никогда больше так не делайте. Женщины этого не прощают. Я как-нибудь выкручусь. Я человек устойчивый.

— В том-то и дело,—ответил Званцев.—И вы начнете доказывать свою самостоятельность и устойчивость там, где не надо... Если бы не ваш будущий ребенок, я бы за вас не беспокоился. Вы этим же летом нашли бы сто кандидатур получше этого, на лестнице. И вы сами отлично это знали — даже когда сидели в лесу на дереве. Даже если бы я влюбился в вас с первого взгляда, мне было бы не на что рассчитывать. Ведь вам, красивым, фазанов подавай!

Я хмыкнула. Этой ночью мечта о фазане действительно имела место — только у фазана был темная прядь на лбу, знаменитые усы и не менее знаменитый нос. Кинематографический у меня получился фазан, и жутко подумать, какой птишкой он обернулся! Кстати... Как бы сбить Званцева с матримониальных рассуждений и нацелить на его непосредственные обязанности? Резко это делать нельзя — подумаете, что хочу отвяжаться, а деликатно — долго...

— Берегитесь, Званцев! Я ведь могу и согласиться. А жена из меня получится еще неизвестно какая. В моей способности все перевернуть вы уже убедились. Вспомните зажигалку и...

— Я убедился в вашей способности говорить правду, когда это действительно нужно,—не принимая игры, ответил Званцев.

Мне стало страшновато. Я вспомнила, как сравнила его со старым охотничьим псом. Ему трудно догнать добычу, но хватка у него мертвая. Я вдруг почувствовала, что этот человек от меня не отстанет. Вот разве что я вытащу из кустов купальник с поролоновой начинкой и помашу у него перед носом...

— Ну так вот вам образец этой правды! На берегу черт знает что делается, а мы тут в воде сватовство устроили! — сурово сказала я.—Бегите за штанами! Хватайте их и немедленно возвращайтесь! Я тем временем оденусь. Мы и так потратили зря уйму времени. Вернетесь — все расскажу. Ну?

— Пошел!

Он выбрался на берег и убежал. Вслед за ним выскочила я и шмыгнула в кусты. Купальник еле налез на мокрое тело. Я накинула платье и тут услышала, как кто-то шумно спускается к реке.

— Где лодка? — это был голос вылитого Боярского.

— Разве не ты ее привязывал?

— Идиоты!

— Что же теперь делать?

— Хоть на веслах, а уходить надо. Виестур долго с бабами там сидеть не станет. Сейчас же вернется тот болван из угрозыска...

— Почему этот идиот Виестур сразу не сказал про легавого?

— Перестань, он сам об этом в последнюю минуту узнал...

— И эта скотина здесь целый день болталась!

— Хватит дурака валять. У моего соседа в сарае стоит мотоцикл,—раздался вдруг сверху голос Виестура.—Он его не запирает. Мишка возьмет книгу и двинет через плотину на Саласпилс. А мы поищем лодку.

— В ней же целый мешок серебра!

— Книгу давай!

— Тяжелая, дерьма кусок... Сочиняли же раньше такую ерунду!

— Я пойду первый и выведу мотоцикл. Ты, Мишка, с книгой — за мной. Мужики — рассыпайтесь. Сейчас здесь такое начнется!

Я аккуратно поставила босоножки под куст, чтобы легко было потом найти. Босиком я быстрее добегу до Званцева.

В полной уверенности, что четверка уже скрылась за кустами, я выскочила на траву и понеслась.

— Гляди, гляди! — услышала я за спиной.—Видишь?

— Нельзя ее упускать!

Наконец-то они сообразили: я все знаю!

Мой коротконогий женишок сразу отказался от погони и удержал Виестура. За мной помчались лысый и Мишка — оба спортивные, длинноногие и злые.

Мишка! А я еще помочь ему хотела, этой скотине, которую видел в подъезде Борис! Ой, мамочки!..

Они ведь действительно могут сейчас меня убить!

— Званцев! Зва-а-анце-е-ев! — завопила я, несясь что есть духу.— Сюда-а-а! Ко мне-е-е!

Ответа не было.

Я бежала слишком медленно. Это было хуже, чем во сне, когда ноги не слушаются. Тут я могла проснуться разве что на том свете!

— Зва-а-анцев! — еще отчаяннее заверещала я.

Мишка и лысый догоняли.

Мне было легче бежать — я бежала по узкой тропинке одна. Они пихали друг друга то в кусты, то в воду. Но у них ноги были длиннее.

Вот и настал миг прекратить всю эту суматоху одним-единственным словом.

— До... воль...

Нет!

Ведь должен же появиться Званцев! Еще минуты две я продержусь в таком темпе. Что он там, ногой в штаны попасть не может?

Ну, а если я выкрикну «довольно!» — что тогда? Лысый с Мишкой задом наперед от меня помчатся, что ли? Нет, тут мистика не поможет, тут Званцев нужен!

— Зва-а-а!

И тут у меня за спиной произошло что-то непонятное. Стук баш-

маков пропал, зато произошел совершенно другой шум. Я на бегу обернулась.

Хитрюга Званцев элементарно, услышав мои вопли, засел в кустах, пропустил меня и неожиданно обрушился на Мишку с лысым. Он был в плавках.

Увидев драку, я зажмурилась. Перед закрытыми глазами осталась только спина Званцева и чьи-то устремленные в небо ноги.

Я зажмурила глаза всего на секунду, но и этого ему хватило, чтобы уложить лысого на камни, а Мишку зашвырнуть в воду.

Лысый внезапно приподнялся на локте.

— Ну? — сказал ему Званцев.—Может, хватит? Сопrotивление представителю власти — статья сто восемьдесят четыре, лишение свободы на срок до трех лет...

Лысый встал на ноги, задумчиво поглядел на Званцева, словно переваривая информацию о трех годах, и вдруг бросился на него с кулаками.

— Званцев! Уйдет! — вскрикнула я.

Мишка выбрался из воды, покачнулся, пришел в себя, встряхнулся и кинулся бежать. Выглядел он не лучше Бориса. Фазанам на острове Долес в эту ночь как-то не везло...

— Сейчас! — отозвался Званцев и так въехал лысому кулаком в подбородок, что тот улетел метра на три и растянулся без признаков жизни. Званцев же повернулся и помчался вслед за Мишкой.

Я побежала следом.

Сейчас, когда Званцев был рядом, у меня открылось второе дыхание, я могла бы настичь вылитого Боярского, а что толку? Он даст мне по шее и понесется дальше. Званцев — неплохой бегун, но до Мишки ему далеко. Опять же, не могу я обогнать Званцева — в моем положении это будет сверхъестественно. И Мишка смоеся в лес, а нам даже неоткуда позвонить, чтобы предупредить всех и вся: по острову разгуливает опасный убийца! Он загнан в угол! Он попытается покинуть остров всеми возможными способами, хоть вплавь. Кстати, для него это не такая уж и сложная задача. Выплывет в Кенгарагсе, обсушится в каком-нибудь подъезде, и ищи его свищи!

Мы уже подбегали к лестнице — впереди Мишка, за Мишкой Званцев, а за Званцевым я,—когда из кустов, окружавших Борисов особняк, вылетела странная птица.

— Фазан??? — изумилась я. Птица была крупная, но какая-то несуразная, с крыльями, но совершенно без головы. Она мягко спланировала на траву. Провалиться мне на месте — это были брюки!

Мишке со Званцевым было не до созерцания окрестностей, а жаль! Они не видели, как из окна выпорхнула пара башмаков, и портфель-«дипломат», и свитер, и охапка рубашек. А стоило им отвлечься на секунду от погони. Потому что последним вылетел крупный черный прямоугольный предмет — может, приемник, а может, магнитофон,

Мишка подбежал к лестнице как раз вовремя, чтобы попасть под него. Приемник или магнитофон тюкнул его по голове.

Мишка по инерции сделал полтора шага и улегся в тину.

Через секунду Званцев сидел на Мишке верхом и делал с его рукой что-то такое, от чего Мишка выл и отчаянно ругался. А из окна продолжали вылетать книги, домашние тапочки и всякая мелочь, и весь берег вокруг нас был усеян Борисовыми манатками.

Что-то подкатилось к моим ногам. Я нагнулась — и не могла не поднять этот предмет, чтобы разглядеть его поближе.

Это была зажигалка. Импортная. Красная. Тоже, надо полагать, раздобытая по блату в обмен на что-нибудь этакое..

Видно, где-то в Книге Судеб была запрограммирована роковая связь между полетами Борисовых манаток и Мишкиными неудачами...

Вдруг я заметила, что больше ничего не приземляется у моих ног. Званцев вытаскивал Мишку на берег, и оба они были в тине. Званцев повернулся и сказал, глядя сквозь меня:

— Если вам не трудно, подойдите, пожалуйста, сюда для опознания. Этого ли человека встретили вы в ночь с 15 на 16 марта в подъезде у вашей знакомой?

У меня дыхание захватило от восторга — без порток, с брыкающимся Мишкой в объятиях, он еще соблюдает свой кошмарный синтаксис со всеми благопристойными оборотами!

Я повернулась, увидела сбегающего по лестнице Бориса, ахнула и расхохоталась безумным хохотом. И было от чего!

Видно, декоративная женщина, принятая мною за привидение, приступила к домашнему скандалу, не дав ему даже ополоснуться. Борис все еще был в тине, но, в отличие от Званцева и Мишки; — засохшей.

— Похож на Боярского здорово, — сказал Борис, сбежав с лестницы. — А больше ничего сообщить не могу. Я же того только мельком видел.

— Благодарю вас, это очень ценное показание.

И тут я заподозрила, что у Званцева просто редкостное чувство юмора. Потому что всерьез люди без штанов так не разговаривают.

— Ну, в музей, что ли? — обратился ко мне Званцев. — Там найдем для этого красавца подходящий погреб, а я свяжусь с соответствующими органами. Вот будет подарок!

— В музей, — согласилась я. И с гордо поднятой головой прошла мимо Бориса. Он меня не интересовал совершенно. Уж если даже декоративная женщина дала ему отставку!.. Меня подмывало обернуться и сказать: «Тебе, Боренька, надо на первом этаже подружку искать, чтобы имущество при полетах не шибко страдало!»

Но я даже этого не сделала.

Борис принялся сгребать в кучу брюки, шлепанцы и рубашки. Я нашла в кустах велосипед, повесила на руль одежду Званцева, и мы двинулись к музею.

— Вы не забыли, о чем я вас просил? — спросил через плечо Званцев, когда мы отошли подальше от лестницы. Мишка, переводивший в это время дыхание, запустил очередную тираду с многочисленными, но несколько однообразными сравнениями. За это время я сообразила, о чем речь.

— Нет, я все помню. Но, — тут до меня дошла, наконец, причина беспокойства Званцева, — разве я похожа на женщину, которая мирится с любовником только потому, что его выгнала жена? Раз он даже ей не нужен, то мне тем более не нужен!

— Он вам не просто любовник.

— Теперь он мне вообще никто. Пустое место!

И тут пустое место издали окликнуло нас.

Уже светало, и ему совершенно не хотелось торчать на берегу в таком виде. Борис взмолился о помощи и поддержке. Точнее — попросил политического убежища в музее хотя бы до того часа, когда придет первый трамвайчик, а лучше — пока не проснется население острова. Он добежит до приятеля, и тот на машине доставит его в Ригу.

Я вернулась к лестнице, мы навьючили на велосипед все, включая магнитофон, и догнали Званцева с Мишкой.

Разумеется, по дороге в музей ни лысого, ни женишка, ни Виестура мы не встретили. И я стала строить версии — куда они могли подеваться вместе с рукописью.

— За рукопись не беспокойтесь, она в музее, — сказал, выслушав все мои домыслы, Званцев.

— То есть как?

— А так — они тоже не дураки. Понимают, чем им грозит вся эта история. Но поскольку они ничего натворить не успели, а только собирались, они знают — если рукопись обнаружится на своем месте, то обвинить их в чем-нибудь трудно. Разве что в хулиганстве. Статья двести четвертая, лишение свободы на срок до одного года, или исправительные работы на тот же срок, или штраф от тридцати до пятидесяти рублей.

— Выходит, они вообще ни при чем? — мрачно спросил Мишка.

— Выходит, так.

— Они же сообщники преступника! — воскликнула я и на всякий случай отодвинулась подальше от Мишки.

— А преступление было? — спросил меня Званцев.

— Сорвалось.

— Значит, его не было.

— А кто мне собирал этого проклятого серебра? — взорвался Мишка. — А кто у меня кассеты покупал и перепродавал по сотне? Значит, я — козел, а они — чистенькие?

— Значит, так, — согласился Званцев. Мишка рванул, взвыл и обложил Званцева перлами своего репертуара.

Но вырваться ему не удалось даже на откосе, куда Званцев его втаскивал буквально за шиворот. Борис молча помог мне вка-

тить велосипед, и Аусма Карловна, ожидавшая нас в музее у окна, вместе с Ингуной насладилась зрелищем очаровательной процессии.

Впереди почти что в ряд шли три обляпанных тиной мужика, причем тот, что в середине, брыкался и упирался. За ними дама в интересном положении катила навьюченный велосипед.

Ингуна побежала нам навстречу.

— Рукопись нашлась! — издали закричала она.

— А на эту... рукопись меня кто навел? — вспомнил Мишка.

Ингуна шарахнулась от него.

С великим шумом мы водворили Мишку в подвал и заперли его. Званцев собрался ехать на ГЭС — вызвать машину. Но прежде ему следовало сходить к речке и ополоснуться. Я увязалась за ним.

Борис остался в музее, чтобы женщинам было спокойнее.

Драка сразу с двумя противниками сильно подействовала на мое воображение. Мне хотелось задать Званцеву тысячу вопросов — что это за приемы такие, и может ли он научить меня чему-нибудь этакому, и часто ли им там, в угрозыске, приходится драться. Разумеется, я выложила единым духом по крайней мере полбину вопросов, он рассмеялся и попросил меня отвернуться — чтобы он мог выстирать и выкрутить плавки.

Я слышала, как он возится у меня за спиной, и мне было весело. Ночь прошла замечательно, я даже не думала, что когда-нибудь у меня в жизни будет такая великолепная ночь. Я чувствовала себя такой женщиной, перед которой Борис должен на пузе ползать, не смея взгляда поднять, трус несчастный! Он бы рискнул угнать лодку у грабителей? А гнаться за убийцей? Черта с два! А полученные за эту изумительную ночь два предложения? Ну, положим, женишок предлагал не столько руку и сердце, сколько набитый кошелек, явственно сторговывая по сходной цене мои золотые кудри и прочие прелести. Но Званцев? Но такой человек, как Званцев? А? Значит, я все-таки стою лучшего, чем бездарное торчание на подоконнике в обществе воспоминаний о несуществующем счастье.

— Большой беды не случится, если я сперва отвезу вас к вашим родственникам, — сказал Званцев, выходя из-за моей спины. Он натянул на мокрые плавки светлые брюки, и сырость уже стала проникать сквозь ткань. Я представила, какие через пять минут образуются у него сзади темные пятна, и сдержала смех.

— Вот и утро, — Званцев поискал глазами восток, — а вы еще не ответили мне.

— Я не могу так, сразу.

— А кинуться за убийцей так, сразу — это вы могли?

— Если честно — то от убийцы. Да еще с воплями.

— Все равно — быстро принимаете решения.

— То-то и плохо. Все люди живут по принципу «сказано-сделано», а я по принципу «подумано-сделано», и даже, скорее, сперва «сделано», а потом уж «подумано». А так нельзя. Я хочу хоть раз

в жизни основательно подумать. Мы ведь, во-первых, совершенно незнакомы.

— А если бы я, познакомившись с вами в гостях, полгода водил вас по кафе, вы могли бы утверждать, что мы хорошо знакомы?

— Ладно. Тут на вашей стороне — обстоятельства. Но я совсем не та женщина, которая вам нужна. То, что хорошо при ловле преступников, мало годится для семейной жизни. Я очень легкомысленная, постоянно мне вожжа под хвост попадает..

Званцев насупился.

— Ну, Званцев... Не обижайтесь, ну? Званцев?

Он топал рядом со мной вразвалочку, и было совершенно ясно, что ходить с ним под руку — тяжкое испытание. Я вдруг положила руку на его литое плечо, потянулась к уху и шепнула:

— Званцев, это был индюк!..

* * *

— Это был фазан,—уверенно ответил Званцев.

— Пойдите, а ваша невеста? — вдруг вспомнила я.—Была же у вас два года назад невеста? Куда вы ее девали? Или вы собрались ради меня разводиться? Этого я не допущу.

— Можно сказать, что собрался. Почти разводиться.

— То есть как?

— Регистрация нашего брака назначена на вторник.

— По...по...почему именно вторник? — только и догадалась я спросить.

— Во вторник у нее в выставочном зале выходной.

— Что-то не похоже вы на жениха,—почувяв какое-то странное вранье, в лоб заявила я.

— Это мне и самому не нравится. Уже давно не похож. Тогда, два года назад, все было ну не то чтобы прекрасно, но во всяком случае хорошо. А теперь, когда все решено, я вдруг понял, что во мне что-то перегорело.

— Вовремя!

— Сам знаю, что не вовремя. Мы недавно в мужской компании говорили про любовь. А компания такая: все — холостяки, всем в районе тридцати, все — оперативники. И выбор у всех в общем-то есть, и жизнь знаем со всех, что называется, сторон, а вот не складывается, все не то.

— И вы на полном серьезе говорили про любовь? — не поверила я.

— Да, в конце концов заговорили и о ней. И один парень, постарше меня, сказал; что любовь — это когда хочешь посвящать ей стихи. Хоть какие, хоть не свои, но — ей.

— И сколько же лет этому парню?

— Да лет тридцать пять будет.

Я только головой покачала. Мы с Кузиной, две здоровые молодые телки, ничего в жизни плохого, в сущности, не видавшие и не

имеющие друг от дружки секретов, мы никогда не употребляли в своих беседах этого слова «любовь» в его истинном смысле. «У них там любовь», — говорили мы иронично. «Заниматься любовью», — говорили мы за неимением другого термина. Две высокообразованные, помышляющие об аспирантуре телки!

— Странная наивность в таком почтенном возрасте, — заметила я. То, что сказал Званцев, настолько уязвило меня, что требовался немедленный отпор. — Есть время писать стихи и есть время говорить прозу. Стихи — они примерно до двадцати пяти. А если этот ваш друг решит теперь жениться только на той женщине, которая вызовет в нем желание составлять слова в строчки, то он так и останется холостяком.

— По-вашему, это так безнадежно?

— Почти безнадежно.

— Почти... А я нарочно приехал сюда, хотел побродить ночью по нашему берегу, все вспомнить и найти прежнего себя, того, который мог бы написать стихи, если бы умел... Мне стало страшно, что я связываю свою судьбу с женщиной, которая больше не вызывает во мне такого чувства... ну, вы понимаете. А на трамвайчике я встретил вас.

— И страшно обрадовались!

— Да нет, совершенно не обрадовался. Дело-то висело на мне, точнее, на всем нашем отделе, и я волей-неволей вспомнил его, а я хотел хоть на выходные забыть обо всем и разобраться с самим собой.

— Ну и как?

— Вот, как видите, разобрался. Поставил точку.

— Опять-таки — вовремя!

— Вовремя. И, честно говоря, — благодаря вам. Я понял, что мне нужна такая женщина, как вы. Вообще — конкретно вы.

— А через два года опять поедете на остров Долес — ловить призраков и сочинять ночью стихи.

— Нет уж, не поеду, — усмехнулся он. — Мое отношение к вам с самого начала было куда серьезнее, чем к ней.

— Такого не может быть.

— Может. Вы — в таком положении, когда нельзя делать предложения в шутку.

— А если бы этого положения не было? Тогда — можно и в шутку?

— Тогда я просто бы отметил ваши выдающиеся внешние данные, и не более того! — начал сердиться Званцев.

— Так вы на ком собрались жениться — на мне или на моем ребенке?

— На вас!

— А говорите обо мне так, будто я в отрыве от него вообще никакой ценности не представляю! Ну, а если бы этого ребенка все-таки не было? Р-раз — и он исчез, а я опять стройненькая? Что тог-

да? Если бы оказалось, что это колдовство, наваждение, обман зрения, мираж, галлюцинация?

— Что значит — не было? Вы что, хотите сказать, что можете от него избавиться, что ли? Теперь? Вы что, действительно не понимаете — есть вещи, которыми не шутят, и есть шутки, которых не прощают!

— Кто? Вы?

— Жизнь не прощает! У вас будет ребенок — а вы допускаете мысль, что все это можно переиграть? Знаете, как-то мы сидели мужской компанией, приходили в себя после примерно такой же ночи. Мужики — один к одному, оперативники, хоть в кино их снимай, все — разрядники по какому-нибудь виду. И говорит один мой товарищ: «Несправедливо все-таки мир устроен. Почему даже самая скверная баба может родить себе ребенка, а самый стоящий мужик — нет? Почему мы в этом деле не можем без них обойтись?» Ну, думаю, созрел! Снимать с веточки пора. Сейчас ребята захохочут. Нет, молчат. Другой слово берет: «А что, я бы сию минуту все, что есть на книжке, снял бы и отдал той дуре, которая мне сына родит и слиняет куда-нибудь во Владивосток. Я ей и алименты сам платить буду, пусть только парня оставит навсегда. Что я, сам его на ноги не подниму, что ли? Они в одиночку справляются, а я — нет?» И тут все ребята как с цепи сорвались! Елки-палки, думаю, все мои Алены Делоны, оказывается, вот чего хотят! Здоровые мужики, зарабатывают неплохо, все с верхним образованием!.. Женщин у них при желании будет — до черта и больше. А где им детей взыать? Терпеть ради ребенка его мамашу?

— Но вы же сами проповедовали про любовь!..

— Но если не подворачивается вот такая любовь? Если годы идут, шансов на любовь у мужика все меньше, а без ребенка ему — смертная тоска? Я потому и к вам приглядываться сперва стал — молодая, красивая, что ей стоило вовремя избавиться и жить припеваючи? А вот не избавилась же, ждет его, хочет его! Вот что главное! Любит его! Значит — мать! Значит, и моему ребенку будет матерью! Значит, есть в ней это! Ведь полюбить вас за ваши глазки и все прочее любой кретин может! А вот почувствовать в себе любовь к нашим детям... Я не думал вообще, что это возможно — почувствовать такую любовь!

Господи, как я хотела ощутить сейчас под рукой вместо проклятого поролонна свое собственное тело! Званцев не понимал, что каждое его слово отзывается болезненным толчком под левой грудью. Как я хотела, чтобы эти толчки были знаками, которые подает мне моя светленькая дочка! Пусть бы он говорил все, что угодно, мой слух бы отключился, я вела бы с ней беседу на языке нежных прикосновений. Ну, что ты, что ты, сказала бы я ей, ну, успокойся, никто же не виноват, что получилась такая бессонная ночь, вот мы с тобой сейчас придем домой, ляжем, и я тебе колыбельную песенку буду мурлыкать, тихо-тихо, чтоб никто, кроме тебя, не слы-

шал... Зажигает свечи сказка о звезду, я к тебе навстречу, доченька, иду...

Я молча смотрела себе под ноги.

— Ну так как же?

— Не могу я, Званцев, быть вашей женой.

— Да почему же? Настолько не нравлюсь?

— Настолько не нравитесь,—немедленно согласилась я.

— Неправда,—уверенно сказал Званцев.

Надо было что-то отвечать.

А что я могла ответить?

Правду ему сказать, что ли?

Страшно даже подумать, как он воспримет эту правду. Вот тогда-то между нами уж точно все будет кончено. Нам все равно не быть вместе, но знать, что он меня презирает, что ему противно даже вспоминать обо мне... Ну, как ему объяснить, что мы, женщины, иногда затеваем всевозможные штучки, что это, предположим, шутка не безобидная, но и не смертельная! Он же не поймет такого вовеки! А что я могу ему соврать? И могу ли я ему вообще соврать? Ведь не могу! Он уже чувствует меня!

И я поняла — с меня хватит! Ночь со всеми опасностями — еще куда ни шло, но утро меня доконало. Все. Хватит. Довольно!

Ничего не изменилось. Свиста в ушах и бега задом наперед, как в допотопной кинокомедии, не было. А просто на душе стало вдруг так спокойно, как давно не бывало. И стоящий рядом Званцев опять был тем неуклюжим утренним гостем, который покачнул холодильник. Он переступал с левой ноги на правую, с правой на левую и качался с амплитудой в пятнадцать градусов.

— В Риге, Званцев, вас ждет женщина, которая, судя по всему, вас любит,—сухо сказала я.—И вы любите ее в меру своей способности к этому. Не надо искать спасения от любви только потому, что в голову не лезут рифмы. А в том, что вы искали именно спасения, я не сомневаюсь. И что было бы, если бы я бросилась в ваши объятия? Как бы вы себя чувствовали через полгода после нашей с вами свадьбы? Так что все к лучшему, Званцев.

— Вы не хотите меня больше видеть?

— Думаю, что это ни к чему.

— Ну, тогда... Тогда — всего хорошего.

Он повернулся и пошел, держа за руль велосипед.

Мы были уже почти возле дядиной усадьбы.

— Всего хорошего,—сказала я ему в спину.

В доме все, казалось, спали. Я влезла в окно, разобрала постель, и тут услышала голоса на кухне.

Там пили чай полуодетые Кузина и Кузен. Я поняла, что за время моих шатаний произошли кое-какие события.

— Ты чего ни свет ни заря поднялась? — изумилась Кузина.

— Пить хочу. А ходить полуголой по чужому дому неприлично!

— Этот дом теперь для вас, обеих не чужой,—сказал Кузен.—

Мы с женошкой будем здесь каждое лето проводить отпуск.

— И сэкономим на самолетных билетах,—добавила Кузина.

— Поздравляю,—мрачно сказала я.—Ради такой новости могли бы и разбудить.

— Мы пробовали! — тихо рассмеялись они.—Тебя не добудишь-ся!

И я подумала — а бабка-то Межабеле была права! Все исчезло, как будто не бывало. Я просто раньше всех легла спать и вот проснулась. Да, именно так все и было. На душе спокойно. Это — главное. Званцев — приснился. Мишка — плод воображения. Все. Точка. Точка! Все!

Кузина внимательно пригляделась ко мне.

— Что у тебя с волосами?

Я потрогала голову. Волосы еще не высохли после купания и гладко лежали на голове. И хвост на спине получился плоский, тот, о котором мечтала Кузина.

— Н-н-ничего... Решительно ничего...

— А что это за пятно у тебя на платье? Что-то я не припомню, когда ты его посадила...

Я потрогала пятно и ощутила в кармане какие-то незнакомые вещи. Я действительно уже не помнила, что это такое, сунула руку в карман и вынула — серебряный лат и гонконгскую зажигалку.

При виде зажигалки Кузина чуть не свалилась со стула.

Я бросила зажигалку и лат на стол, попала в чашку, чашка полетела на пол и разбилась, а я, как ошпаренная, выскочила из кухни, пронеслась через двор и побежала в лес — куда глаза глядят. Видно, мне недостаточно было той стыдобы, которой я натерпелась, пока Званцев толковал о моем будущем ребенке. Видно, мне было мало! Видно, хотелось еще!

Я пробежала сквозь лес, мимо ельника, в котором занималась художественным переводом, шла шагом, а дальше опять побежала.

Мелькнул плакат, извещающий о штрафе за убийство фазана.

— С меня бы кто догадался содрать штраф! — возмущенно обратилась я к плакату.

Званцева не было.

И лишь взобравшись на высокий холм, с которого были видны поля и дороги на несколько километров вперед, я увидела далеко-далеко человека на велосипеде и в желтой рубашке.

На багажнике велосипеда примостилась, подогнув лапы, большая сверкающая птица. Ее лазурная головка ярко выделялась на фоне рубашки. Золотой в темную полосу хвост волочился по дороге.

А глазами, обведенными широкой черной полосой, птица смотрела назад — туда, где я стояла на холме, держась за дерево.

Званцев, не замечая птицы, нажимал на педали. И они вдвоем делались все меньше и меньше...

СОДЕРЖАНИЕ

Михаил Глебович Успенский
УСТАВ СОКОЛИНОЙ ОХОТЫ
лубочный детектив.

3

Михаил Львович Шаламов
СТРОГИЙ ЗАЯЦ ПРИ ДОРОГЕ
повесть

45

Даля Мееровна Трускиновская
БАЛЛАДА ОБ ИНДЮКЕ И ФАЗАНЕ
повесть

117

Иронические детективы: сборник детективных повестей (М. Успенский, «Устав соколиной охоты», М. Шаламов, «Строгий заяц при дороге», Д. Трускиновская, «Баллада об индюке и фазане»).—К.: «Рад. письменник», ж. «Киев», 1990.— ISBN 5—333—00081—6

В сборнике включены остросюжетные иронические детективы о поведении героев в разнообразных экстремальных ситуациях.

Составитель Л. П. КОЗИНЕЦ
Ответственный редактор Н. Б. СЛАВИНСКИЙ
Редактор О. В. СОТСКАЯ
Художник А. И. МАРТЮКОВ
Технический редактор С. Н. СТАРОЩУК
Корректор Д. Ю. КОНОВАЛОВ

Сдано в набор 24.04.90. Подписано в печать 24.05.90. БФ 39154. Формат 60×84 1/16
Бумага газетная № 1. Гарнитура литературная. Усл. печ. лист. 12,09. Уч.-изд.
лист. 11,32. Тираж 100.000 экз. (1 завод — 15.000). Зак. 4441. Цена 2 руб. 50 коп.
Издательство «Радянський письменник». Журнал «Київ».
252054, Киев-54, ул. Чкалова, 52.
Киевская типография № 1.

2 р. 50 к.

УСТАВ СОКОЛИНОЙ ОХОТЫ
СТРОГИЙ ЗАЯЦ ПРИ ДОРОГЕ
БАЛЛАДА ОБ ИНДЮКЕ И ФАЗАНЕ

ПРОНИЧЕСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ,

